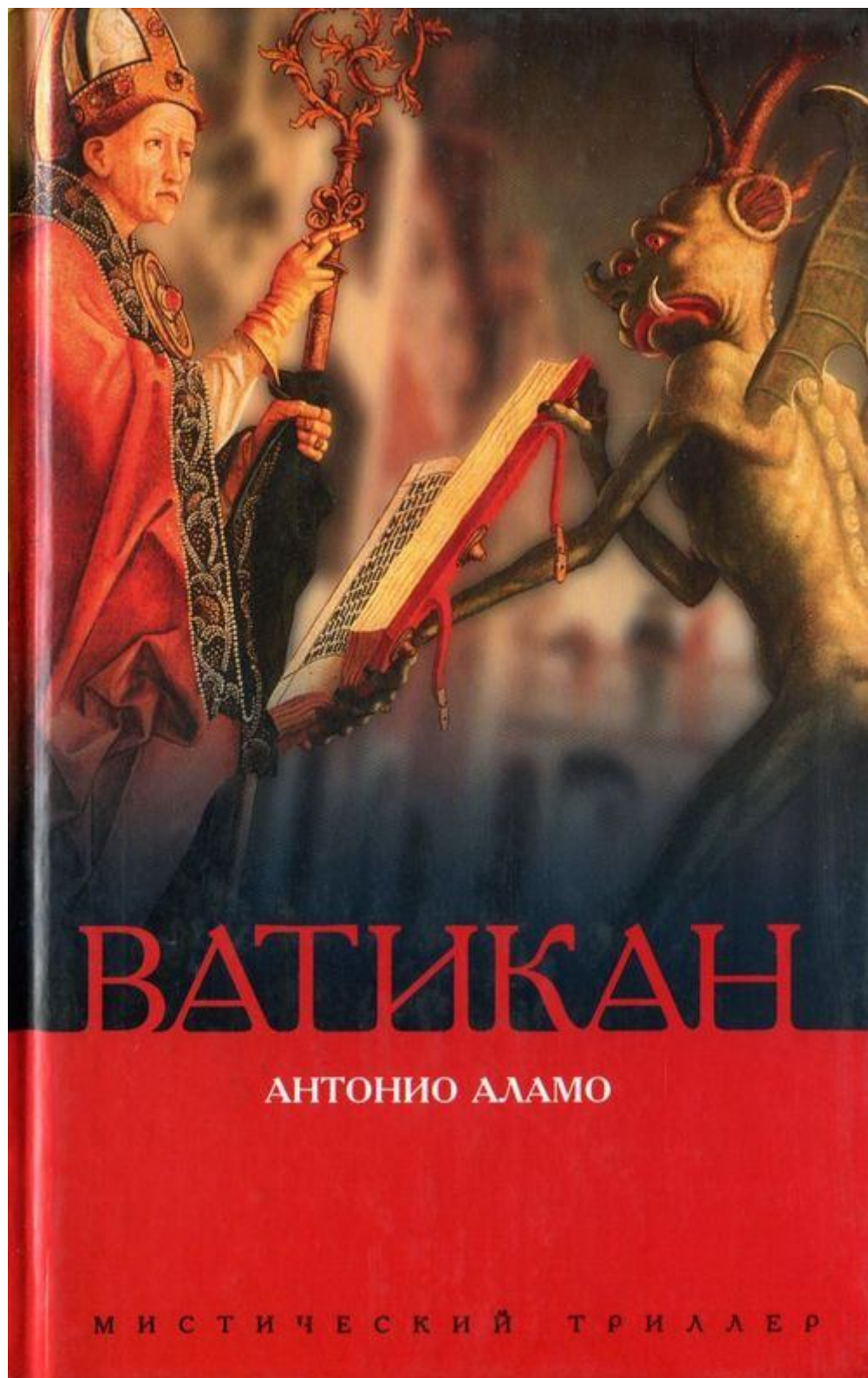

Антонио Аламо
Ватикан

Ироничный, остроумный и очень глубокий роман о злоключениях скромного монаха, экзорциста брата Гаспара, приглашенного в Ватикан высшими иерархами католической церкви, чтобы изгнать дьявола из самого Папы Римского, — первое произведение испанского писателя Антонио Аламо (р. 1964), переведенное на русский язык.

I

Где-то есть щель, сквозь которую сатанинский дым проник в храм Божий.

Павел VI

Кто обстоятельнее меня может сообщить о том, как уже довольно поздним вечером 1 ноября, в День всех святых, испанский монах и экзорцист Гаспар Оливарес, член ордена братьев-проповедников, был призван в северное крыло Епископского дворца по настоянию его высокопреосвященства, государственного секретаря Джузеппе Кьярамонти; кроме упомянутого кардинала за столом сидели секретарь его высокопреосвященства монсиньор Луиджи Бруно и ученый архиепископ Пьетро Ламбертини, которые, обменявшись с новоприбывшим словами приветствия, накрыли стол зеленым сукном и разложили карточные колоды, хотя следует признать, что партия в карты, в которую очень скоро, непонятно как и почти против собственной воли, оказался втянут брат Гаспар, была всего лишь преамбулой к разговору о делах более серьезных. Не следует скрывать, что озабоченность Его Святейшеством, витавшая в кабинетах и часовнях святого Петра, была вызвана не столько состоянием здоровья Папы, сколько, и прежде всего, его поведением в последнее время — богатым спектром речей и поступков, колебавшимся от новомодных чудачеств до вещей, способных смутить каждого. Поистине, рано или поздно подобные происшествия и необычные ситуации должны были попасть во всемирные средства информации и удвоить их внимание к Папе — первейшему объекту ватиканских забот. В любом случае значение просочившихся фактов, даже не обнародованных и не ставших пищей газетных бумагомарак, могло бросить еще один вызов способности человеческого разума, и без того весьма ограниченного, а потому вынужденного опираться на веру, если не на суеверия. Но главное то, что еще до того, как разразился окончательный скандал и все пришло в смятение, Ватикан превратился в ненадежное место — место, где мудрость и умиротворяющий свет, который она изливает, были понемногу вытеснены сумрачными призраками смятения, подозрений и интриг.

За игрой брата Гаспара спрашивали не только о том, что он думает по тому или иному пункту учения, но и об ухищрениях, к каким прибегает Злой Дух, однако брат Гаспар по возможности уклонялся от всех этих вопросов, поскольку, во-первых, они отвлекали его от игры, а во-вторых, он не мог не учитывать разницы положений: допытывающиеся были люди ученые, видные, прославленные, он же — простой монах, о чем и не переставал заявлять, несмотря на неоднократные протесты своего начальства.

Однако к концу второго часа монсиньор Луиджи Бруно проиграл уже немало, архиепископ Пьетро Ламбертини примерно столько же, а доминиканец — вдвое больше, чем они оба вместе взятые. Естественно, кардинал Джузеппе Кьярамонти не переставал расточать улыбки и вел себя в полном соответствии с неисповедимым картежным промыслом. Хотя брат Гаспар, когда прошло время первых недомолвок, согласился сыграть дюжину партий, теперь он был готов осмелиться еще на полдюжины, чтобы посмотреть, удастся ли ему возместить чувствительные потери, несмотря на то что повадки кардинала Кьярамонти со всей очевидностью выдавали в нем опытного игрока, монах же позабыл игрецкие навыки еще со времен военной службы, поскольку в монастыре редко кто извлекал на свет Божий колоду карт, а если и делал это, ставками служили исключительно горошины и камешки, иными словами это было невинное времяпрепровождение, никоим образом не

ставившее целью ломать судьбы, разорять кого-нибудь и давать выход эгоцентричным эмоциям, которые могли бы затмить занятия куда большей важности. Однако экзорцисту не удалось вновь попытаться судьбу, так как кардинал Кьярамонти изыскал способ убрать карты, едва лишь недовольство игроков стало сгущаться в воздухе, угрожая обернуться гневом. Покер — это игра более серьезная и назидательная, чем то может показаться на первый взгляд, так как помимо чистого случая, власть которого распространяется на все мироздание, здесь примешивается еще и непростое искусство лицедейства, искусство, чуждое каких-либо сомнений, и главное качество, которым должен обладать хороший игрок, это умение не угодить в ловушку, заранее признав себя победителем, поскольку любой порыв к оправданию есть признак того, что победа нам в тягость, что, возможно, мы предпочли бы ощутить зуд поражения и что в конечном счете мы всего лишь прирожденные неудачники, случайный всплеск везения которых так или иначе улетучивается, подобно винным парам. Кроме того, покер — игра полезная для изучения ловушек и силков этого мира, которые всегда сплетают люди, чьи души человек, не чуждый мудрости, должен был бы познать, и я воспользуюсь обстоятельствами и скажу начистоту, что, как правило, всех удивляет глубокое и тонкое знание хитросплетений человеческого сердца — сердца всегда трепетного и страдающего, и что поэтому, возможно, не следует считать игрой случая то, что именно мне предстоит занять ваше и без того занятое время этой ватиканской рукописью, составление которой считаю своим самым скромным долгом, долгом столь же серьезным, сколь и сладостным, при этом чем более серьезным, тем более сладостным, поскольку в ней заключена молва, чья тайна приблизит вас — за это я, по крайней мере, ручаюсь — к познанию дел мирских. Итак, слушайте, братья!

Так вот, как я уже говорил, кардинал Кьярамонти убрал выигрыши, отложил карты и зеленое сукно — момент, когда все переглянулись с неудовольствием и одновременно восхищением перед человеком в пурпурной мантии: все восхищались его везением и умением владеть собой, хитростью и хладнокровием, с которым он хитрил, но более всего изяществом и умением выигрывать так, что за выигрышем не чувствовалось и тени вины.

— Как ваша книга, брат Гаспар? — с сердечнейшей улыбкой спросил кардинал Джузеппе Кьярамонти.

Однако в такие серьезные минуты брат Гаспар держался рассеянno и мог только скорбеть о своих деньгах, которые прикарманил его высокопреосвященство, и даже подозревал, что подобным же образом мысленно терзаются монсиньор Луиджи Бруно и архиепископ Ламбертини, и по всему по этому кардинал посчитал своевременным предложить всем угощение в виде хорошего вина и толики сыра. Его высокопреосвященство, чье смирение иногда заставляло его просить прощения за всякие пустяки, сказал без обиняков:

— Извините меня покорно, но врачи запретили мне это, и я иногда забываю, что другие кардиналы, монахи и монсиньоры пьют, причем изрядно.

Когда кардинал вышел, все вздохнули с облегчением и уже вполне добродушно оценили столь остроумное извинение и великолепное вино, которое как монсиньор Луиджи Бруно, так и архиепископ Ламбертини, весьма сведущий в Священном Писании, похоже, пробовали уже не раз, настолько явно они давали понять, что знают, где пурпуноносец Кьярамонти его хранит — очевидно, где-то недалеко; однако лица архиепископа и монсиньора мигom вытянулись, и на них проступило великое разочарование. Вино, которым его высокопреосвященство вознамерился попотчевать их, было не то, которое они ожидали, а совсем другое, которое, по его словам, изготавливали прямо тут же, в Ватикане, вино более чем посредственное, которое, по всей видимости, было хорошо знакомо обоим клирикам. Однако брат Гаспар принял его, ничем не выразив своего неудовольствия, то же сделал и монсиньор Бруно — что им еще оставалось? — между тем как архиепископ Ламбертини, ученый богослов-патриарх, попросил джин с тоником и двумя ломтиками лимона.

Он не скрывал своего раздражения, усугубленного заразной нервозностью,

окрашенной в мрачные тона, и кардинал Кьярамонти не мог обойти это молчанием, хотя на лице его и проступало легкое пренебрежение к беспокойному состоянию духа архиепископа.

— Я вижу, вы чем-то встревожены. Что вас волнует? — спросил его высокопреосвященство.

— Меня волнует то же, что и всех нас, — ответил архиепископ, почтя за лучшее скрыть подлинные мотивы своего удрученного вида. — Ватикан и будущее истинного учения Христова, которое мы представляем.

Несмотря на эти благородные слова, позволю себе усомниться в их искренности, поскольку мне кое-что известно о волнении, одолеваящем сынов Адамовых, когда допущенные в карточной игре оплошности заставляют их за какие-то два часа проиграть кругленькую сумму.

— Кстати о недугах, — вмешался брат Гаспар, желая утихомирить готовые разгореться страсти. — Каково состояние Его Святейшества? Есть основания опасаться худшего?

Пурпуносец Кьярамонти, нахмурившись, посмотрел на брата Гаспара, и мгновение спустя точно так же взглянули на него архиепископ Ламбертини и монсиньор Бруно, высокопоставленные церковные иерархи, и по всему тому стало ясно, что невинный вопрос монаха доставил им немалое беспокойство, и по какой-то причине они предпочли сделать вид, что не расслышали его.

— А как же все-таки ваша книга, брат Гаспар? — снова принялся расспрашивать кардинал. — Хорошо расходится?

— Я рад великому интересу, который вы проявляете к моим скромным трудам, ваше высокопреосвященство, — ответил брат Гаспар и почел за лучшее присовокупить: — Критики единодушны в своих похвалах.

— Но она хорошо идет?

— Самые прославленные богословы хвалят меня, что уже немало, так как по натуре некоторые из них — люди мелочные и вздорные. Но особых поводов гордиться нет. Ученость недолжным образом раздувает нашу славу. Только любовь ко Христу и Церкви Его укрепляет и дает утешение. Наша цель должна состоять исключительно в том, чтобы способствовать пробуждению Бога в душе каждого человека, ибо мы знаем, что ничто не доставляет Ему большей радости, чем созерцание чистой души.

— Иными словами, книга расходуется плохо, — подытожил кардинал.

— Неважно, — вынужден был признать брат Гаспар. — Ваше высокопреосвященство читали ее? — Кьярамонти слегка кивнул. — И что? — осмелился спросить монах.

Последовала длительная пауза, слишком длительная, которую брат Гаспар расценил как неблагоприятную и уже сетовал, что задал свой вопрос. Однако кардинал Кьярамонти встал и, подойдя к книжному шкафу, взял с полки том и положил на стол.

— Блестящая работа, возможно, одна из самых выдающихся, когда-либо написанных о Лукавом и силах его, которые, безусловно, умножились в последнее время. Горячо поздравляю. Именно такая книга была нам нужна.

Брат Гаспар был вне себя от гордыни и, почувствовав это, постарался смирить сие низменное и земное начало, проявив намеренную кротость.

— Мнение вашего высокопреосвященства ценно для меня как немногие другие, но в данном случае я вынужден признать его преувеличением.

— Не хотели бы вы подписать мне книгу?

— Я противник дарственных надписей.

— Отчего же?

— Все, что мы говорим и делаем, посвящено исключительно семи миллиардам людей, населяющих Землю. Посвящать что-либо конкретному лицу кажется мне излишним.

— Но я настаиваю.

Брат Гаспар взял книгу и ощутил безмерную благодарность за дары Божии, особенно за тот, который позволял ему общаться с себе подобными посредством печатного слова, бросая вызов даже вавилонскому проклятию. Он держал в руках первое итальянское издание своего

труда «Аз есмь Сатана». На обложке была помещена искусно выполненная репродукция из манускрипта XV века «Spiculum Humanae Salvationis»,¹ изображавшая Христа, вырывающего человеческую душу из лап дьявола.

— Так вы подпишете мне ее или нет, брат Гаспар? — спросил кардинал, выводя монаха из грез, в которые тот мимолетно и против воли погрузился.

— Простите, ваше высокопреосвященство, — искренне ответил тот, — но я поддался тщеславию, увидев свою книгу в вашей библиотеке и вдобавок переведенную на один из красивейших языков земли. Какого мнения, на ваш взгляд, заслуживает перевод?

— Великолепный, — изрек кардинал. — Фактура прозы крайне пластична. Так и слышишь все это многоголосие, а когда вы позволяете дьяволу говорить от первого лица, возникает живописный эффект, от которого бросает в дрожь, хотя не могу не заметить, что речь идет о стилистическом приеме, не слишком-то приличествующем богословской книге. В остальном же все великолепно, — повторил он. — Просто великолепно.

— Меня это радует, — сказал брат Гаспар, зарумянившись. — Безусловно, переводчик улучшил мое сочинение, раз ваше высокопреосвященство столь высоко оценивает его.

Он открыл книгу с наслаждением, наслаждением, которое тщетно пытался подавить, поскольку сознавал, что удовольствие его исходит от гордыни, возбуждения сколь сакрального, столь же и бесплодного, и на титульном листе написал: «Его высокопреосвященству Джузеппе Кьярамонти, с признательностью и повиновением, от бедного доминиканского монаха. Да примет вас Господь в лоно Свое».

— Сожалею, что посвящение вышло несколько безличным, — извинился брат Гаспар, протягивая книгу кардиналу, — но я всегда считал поверхностным приносить личный характер в любое из наших творений.

Кардинал Кьярамонти, торопливо раскрыв книгу и пробежав глазами посвящение, бросил на брата Гаспара нахмуренный взгляд.

— «Да примет вас Господь в лоно Свое»? — испуганно переспросил он, прочитав вслух эту строчку. — Так, значит, вы уже хотите меня убить?

Монсиньор и архиепископ от души рассмеялись, а брат Гаспар, сам того не желая, густо покраснел.

— Я уже говорил, — поспешил извиниться он, — что, когда писал это, думал прежде всего обо всех и каждом из семи миллиардов людей, населяющих Землю, и им посвящаю этот чахлая плод моих бдений.

— Будьте осторожны, брат Гаспар, — не без причины предупредил его архиепископ Ламбертини, — ибо избыток смирения порой служит явным признаком вопиющей гордыни.

— Совершенно верно, — саркастически подытожил монсиньор. — Крайности всегда сходятся.

— К величайшему сожалению, вынужден признать, что гордыня — одно из многих уязвимых мест бедного монаха.

— Не знаю, но когда вы говорите «бедный монах», то мне кажется, будто вы говорите то, что говорить не принято, — снова вмешался архиепископ Ламбертини.

— Темной представляется мне ваша мысль, господин архиепископ, либо, всего вероятнее, она недоступна моему скудному разумению.

Кардинал Кьярамонти, омрачив торжество брата Гаспара, бросил на него выразительный взгляд как раз в тот момент, который тот улучил, чтобы спросить у монсиньора Луиджи Бруно, читал ли он его книгу, на что ответа не последовало. Подметив, как переглянулись между собой монсиньор и архиепископ, монах догадался, что его присутствие немало досаждало им, хотя они тщетно пытаются скрыть это под личиной всепрощения.

— Итак, вернемся к нашим делам, — сказал кардинал Кьярамонти, чтобы прервать

¹ «Зерцало спасения человеческого» (лат.).

неловкое молчание, последовавшее без всякой на то причины. — Еще вина, брат Гаспар?

Тот утвердительно кивнул.

— А знаете ли вы, брат мой, — добавил пурпураносец, подливая вина монаху, — зачем мы вас призвали?

— В любой стоящей партии в покер должен участвовать простачок, и, по-моему, мне выпала именно такая роль. Или я не прав?

Услышав эти слова, иерархи звучно расхохотались, и даже высокоученый архиепископ Ламбертини, кажется, позабыл про свои печали.

— Нет, нет, я имел в виду совсем не это... Я хотел спросить, знаете ли вы, зачем мы призвали вас в Ватикан. Полагаю, вы не думаете, что невинная партия в карты могла послужить причиной таких расходов и беспокойств?

«Расходы?» — подумал про себя брат Гаспар. О каких расходах может идти речь, когда все его путешествие покрыла бедная монастырская казна, если не опустевшая после этого, то только чудом?

— Я думал, — ответил он наконец, — что приглашение исходит от Его Святейшества. В трех последних письмах, которые я получил — предварительном уведомлении, уведомлении и подтверждении, — чувствуется его рука, и под ними стоит его подпись. Правда, только сегодня мне назначили аудиенцию, которой Святой Отец проявляет неизъяснимую доброту по отношению к одному из самых смиренных своих рабов. С великим трепетом я ожидаю наступления того дня, когда смогу преклонить колена перед Его Святейшеством. Мне не хотелось так надолго покидать свой монастырь, и не только потому, что таким образом я пренебрегаю своими естественными обязанностями, но и прежде всего потому, что моя слабая натура нуждается в строгой дисциплине уединения. Но стало очевидно, что Святой Отец не расположен меня принять. Каждый день я не устаю поминать его в своих молитвах.

— И правильно делаете, — сказал кардинал.

— На какой недуг он жалуется?

— Полагаю, вам известна поговорка, бытующая в Ватикане уже много столетий: «Папа здоров, пока жив»?

— Но в газетах...

— Забудьте про то, что пишут в газетах, — прервал брата Гаспара архиепископ Ламбертини. — Никогда не следует обращать внимания на то, что пишут в газетах.

— Даже в «Оссерваторе романо»?²

По тому, как на него посмотрели, брат Гаспар заметил, что к этому высказыванию отнеслись едва ли не как к дерзости.

— Вы, брат Гаспар, — сказал кардинал, — вне всякого сомнения, один из наших наиболее выдающихся знатоков Нечистого, и это причина, по которой вы находитесь в Ватикане. События, произошедшие в нашей среде... — Кардинал не закончил фразу, словно его удерживало благоразумие, и в этот момент чутье подсказало брату Гаспару, что вскоре ему предстоит нелегкая работа экзорциста.

— И что же? В чем дело?

— Господа, — сказал кардинал, обращаясь к своим коллегам, — как я того и боялся, этому монаху ничего не известно.

— Известно? О чем?

— Как давно вы находитесь в Ватикане?

— По воле Божией, уже четвертые сутки.

— Тогда, пожалуй, логично, что он ничего не знает, — вмешался архиепископ.

— Но что я должен знать? Для чего меня призвали?

Архиепископ и монсиньор посмотрели на кардинала Кьярамонти, и тот, в свою

² «Римское обозрение» (*итал.*), ежедневная газета, издаваемая в Ватикане на нескольких языках.

очередь, бросил на них беглый взгляд, чтобы затем вперить его в брата Гаспара и улыбнуться ему с принужденной любезностью.

— Ваш труд, брат Гаспар, показался нам очень своевременным, особенно учитывая, какие трудные дни мы переживаем, и не один я так думаю. Осмелюсь даже заверить вас, что вряд ли найдется кардинал, который не оценил бы его по заслугам. Кроме того, до нас дошли слухи о том, какие чудеса сотворили вы на попрании экзорцизма совсем недавно.

— Главным действующим лицом этих чудес был не я, а дьявол, ваше высокопреосвященство, — и в продолжение своих слов брат Гаспар склонил голову в знак благодарности за подобное внимание к его скромной персоне — внимание, вне всякого сомнения, преувеличенное.

— Завтра, — без промедления ответил ему Кьярамонти, — вам предстоит аудиенция у Папы. Так?

— Вижу, что земля слухами полнится.

— Тогда глядите в оба.

— Что?

— Приглядитесь к Папе и расскажите нам о своих впечатлениях. Мы заказали столик в ресторане «L'Eau Vive»³ на завтра без четверти два. Вас устраивает это время?

— Что это такое? — попытался отшутиться монах. — Заговор?

— Заговор? — укоряюще произнес кардинал. — Какая нелепость.

— Ничего не понимаю. Как ни жаль, но я действительно ничего не понимаю.

— Что же вам непонятно?

— Неужели в Ватикане принято так вести себя?

— Отнюдь. Но мы глубоко озабочены.

— Чем же?

— Поведением Папы... Оно кажется нам странным.

— Иными словами, мы подозреваем... — резко вмешался архиепископ Ламбертини.

— Что?

— Ибо написано: «Нечистая сила старается во всем уподобиться Сыну Божьему».

— Вот уже несколько недель, — поспешно вмешался пурпуносец, — как Папа отказывается видеться со всеми, за исключением нескольких избранных, которые в большинстве своем выглядят довольно зловеще. То, что он согласился переговорить с вами, я назвал бы обстоятельством из ряда вон выходящим, поскольку в данный момент даже мы не имеем доступа к нему — ни мы, ни остальные кардиналы. Государственный секретарь — не знаю, известно ли вам это? — традиционно имел неограниченный доступ к Его Святейшеству, теперь же он вовсе меня не принимает, кроме того, этой осенью были отменены визиты *ad limina*⁴ и, что еще более серьезно, публичные аудиенции по средам, несмотря на то что они необычайно важны, чтобы о нас не забывали. Завтра среда, — пожаловался он, — и снова, к нашему величайшему неудовольствию, мы не увидим ликующей толпы, собравшейся вокруг него на площади Святого Петра, как то было принято с давних, хотя и не незапамятных времен.

— Но что же такое происходит?

— Это мы и сами хотели бы знать, — сказал монсиньор.

— Не скрою, брат мой, мы подготовили материалы, вручая которые вам, мы сильно рискуем. И действительно за этим столом есть люди, по мнению которых нам не следует этого делать. Но я всецело доверяю вам и, судя по тому, что я увидел, не ошибаюсь.

— Доклад о чем? — только и смог вымолвить монах.

— Так мы можем вам довериться?

³ «Живая вода» (*фр.*).

⁴ *Ad limina apostolorum* — у порогов апостольских (*лат.*); то есть в Риме, у папского престола.

— Довериться мне?

Кардинал Кьярамонти подал знак монсиньору Луиджи Бруно, который с таинственным видом достал из портфеля желтый пакет внушительных размеров.

— Помимо доклада о Папе, — заявил пурпуносец, — вы найдете здесь прямой телефонный номер моего кабинета, а также сотовый телефон, по которому сможете оставить нам сообщение в любое время суток. Мы должны действовать одной командой, брат Гаспар, подобно тому, как это делали первые апостолы. Важно, чтобы мы до мельчайших подробностей были в курсе всего, что касается Верховного Пастыря. И не советую относиться к моим словам легкомысленно. Надеюсь, что, внимательно прочитав досье, вы поймете всю серьезность ситуации. И вот еще что: не говорите никому, абсолютно никому об этом пакете, равно как и о нашей беседе, все должно оставаться строго конфиденциальным. Вы никогда здесь не были, и я ничего вам не говорил. Понятно?

Монах утвердительно кивнул, взял пакет, открыл его, достал папку и принялся читать, то и дело останавливаясь. Это напоминало подробный, день за днем, отчет о поступках Папы за три последних месяца, включая отправленные им личные письма и телеграммы высокопоставленным церковным лицам других государств, так же как и свидетельства епископов и кардиналов, недавно видевшихся с Папой.

— Это что, шутка? — возмущенно спросил брат Гаспар.

— Так вы беретесь за это дело?

— Дело? О чем вы говорите, ваше высокопреосвященство?

— Недуги Его Святейшества... — начал было монсиньор Луиджи Бруно.

— Бессонница, — резко прервал его кардинал Кьярамонти.

— Именно.

— Он не пробовал принимать валерьянку?

— Бессонница, и не только, брат Гаспар, — продолжал кардинал. — Бессонница, которая длится дольше, чем может выдержать любой человек, и не будем забывать, что Его Святейшество, кроме всего прочего, человек. Человек, который к тому же, мягко выражаясь, уже не во цвете лет.

— Мы боимся, — вмешался монсиньор, — что бессонница вызывает у него серьезные галлюцинации.

— А врачи? Что говорят врачи?

— Папа наотрез отказывается даже слышать о врачах, — продолжал монсиньор.

— Ситуация безнадежна, — подвел черту кардинал. — Поэтому вы и здесь.

— Я? Бедный монах?

— Оставьте вы ваше притворное смирение, не прибедняйтесь, пожалуйста. Вы начинаете меня сердить.

— Так в чем моя задача? Что я, по-вашему, должен сделать?

— Главное, глядите в оба, постарайтесь заметить даже малейшие признаки одержимости, и в случае если ваше ученое мнение подтвердит наши подозрения, вам придется применить все ваше искусство, дабы изгнать Нечистого. Разумеется, в вашем распоряжении будет все, что вам потребуется, включая содействие папской префектуры, не говоря уже о государственном секретариате. Это и все прочее.

— И все прочее, — как эхо, подхватил монсиньор.

— Не знаю, до конца ли я вас понял. Вы просите меня...

Но он не осмелился закончить фразу.

— Послушайте, брат мой, у нас есть серьезные основания полагать, что в Папу вселился Нечистый.

— Что? Разве такое возможно?

— Вы специалист, — сказал Кьярамонти с улыбкой, в которой брату Гаспару почудилось лукавство, — и это мы хотим от вас узнать: разве такое возможно?

Брат Гаспар задумался, прочистил горло и сказал:

— Нет.

— Нет?

— Да, — поправился брат Гаспар.

— Так «да» или «нет»? — сказал Кьярамонти. — На чем остановимся, брат Гаспар?

— Рискованное предположение вашего высокопреосвященства ставит ряд вопросов, касающихся глубин нашего учения, над которыми следует поразмыслить спокойно и без спешки.

— Не пытайтесь увильнуть, брат Гаспар. Мы говорим с вами серьезно, совершенно серьезно.

— Разве речи вашего высокопреосвященства не покушаются на догмы Святой Матери Церкви?

— Какую догму вы имеете в виду?

— Так, сразу, мне приходит в голову с полдюжины.

— Например?

— Разве мы не подвергаем сомнению прямую связь Папы с Духом Святым? А как быть с догмой о папской непогрешимости? Куда ее девать? В каком жалком положении она оказывается. И разве тем самым мы не противоречим по меньшей мере полдюжине заповедей, составляющих существенную и основополагающую часть вероучения, которому мы посвятили свои жизни?

— Полноте, — был краткий, но удивительный ответ его высокопреосвященства кардинала Кьярамонти.

— Если Папа желает поддерживать сношения с дьяволом, — стоял на своем доминиканец, — в случае если это вообще возможно, такой образ действий наверняка подчиняется промыслу Божьему.

Подобная аргументация вызвала среди присутствующих сильное волнение.

— Что? Раскол в Церкви? Бога ради, брат Гаспар! Мы должны взять бразды правления Ватиканом, поскольку тот, в чьих руках они находятся сейчас...

— ...первостепенно важно, чтобы Его Святейшество вновь обрел здравый рассудок, — заявил архиепископ Ламбертини.

— О чем мы говорим: о старческих проявлениях, безумии или одержимости? Еще со времен декреталий Реймского синода Церковь предупреждала нас о роковой ошибке — смешении одержимости бесом с обычным психическим заболеванием.

— Именно, брат мой, именно, — миролюбиво вмешался Кьярамонти.

— Что «именно»?

— Именно поэтому вы и здесь. Если кто-то и может определить, дерзнул ли дьявол проникнуть в Ватикан, то этот кто-то — вы. По крайней мере мне не приходит в голову никто, кому бы это было столь явно предначертано. Кто, если не вы?

На какое-то мгновение доминиканцем овладело тщеславие, когда он убедился в том, насколько высоко ценят в куриальных кругах его знание злых сил.

— В докладе, который вы сейчас держите в руках, — добавил монсиньор, — вы найдете достаточно поводов для подозрений.

— Повторяю вам, — вставил кардинал, — мы говорим о расчленении мистического Тела Христова.

Однако, несмотря на все новые данные, касающиеся сложившейся ситуации, суть дела раз от разу представлялась брату Гаспару все более неясной.

— Я хотел бы заявить о том, что... О том, что для того, чтобы изгнать злой дух из смертного тела Его Святейшества, я первым делом должен убедиться, что он действительно вселился в тело Преемника святого Петра, как вы предполагаете и в чем лично я сомневаюсь.

— Это ваше право, брат Гаспар. Мы ожидаем, что вы будете действовать исключительно согласно своей совести и как человек сведущий. Но с самой горячей заботой предупреждаем: будьте начеку.

— В докладе содержится все необходимое, — настойчиво повторил монсиньор Луиджи Бруно.

— Надеюсь, вы придете отобедать с нами, мой возлюбленный брат Гаспар? — спросил кардинал Кьярамонти, стараясь изобразить нежную привязанность, которой он, несомненно, не испытывал.

— Само собой, ваше высокопреосвященство.

— В котором часу должна состояться его аудиенция у Папы? — спросил кардинал монсиньора.

— Без четверти восемь, — ответил тот. — Несомненно, они позавтракают вместе.

— Это так?

— Вы хорошо осведомлены, хотя насчет завтрака мне ничего не говорили.

— Так что глядите в оба, а затем без четверти два мы ждем вас в «L'Eau Vive» на виа Монтероне, рядом с Пантеоном. Вы знаете этот ресторан? — спросил кардинал, пока монсиньор Луиджи Бруно протягивал монаху карточку с точным адресом места встречи. — Без преувеличения скажу, что там вы сможете отведать лучшую французскую кухню во всей Италии. А теперь ступайте.

Святая Матерь Церковь настаивает, учит и повелевает, чтобы Бог, Который есть начало и конец всего сущего, был познаваем в естественном свете доводов, не поддающихся проверке; однако в то же время, сотворив человека, Он приуготовил все так, чтобы порой его душа уподоблялась божественной природе в своей непознаваемости, и непознаваемы показались брату Гаспару иерархи Святой Матери Церкви. В низком поклоне он поцеловал униженные перстнями руки и поспешно удалился, как говорится, несолоно хлебавши и скрепя сердце думая о том, что ему придется отчитываться в проигранных деньгах перед монастырем, учитывая, что покер вряд ли можно было отнести к числу неизбежных трат. Приор Косме уже предупреждал его о ватиканских соблазнах, и опять его предупреждения не были излишними.

Тем вечером он возвращался в свое жилище, с печалью думая о новом испытании, которому подвергал его Господь, потому что двуглавый змий путался у него между ног, пока он шел по длинному коридору, удалявшему его от карточной ловушки, подстроенной ему кардиналом Кьярамонти и ученым архиепископом Ламбертини, на которых он явно не произвел приятного впечатления. Неуверенность, ощущение собственной греховности и страх — таковы были неотвязные чувства, вселившиеся в сердце растерянного монаха, хотя, чтобы проявить перед кардиналом и архиепископом внутреннюю непоколебимость, он брел по ватиканским коридорам, насвистывая «Те Деум» Шарпантье.

II

Ибо Бог сотворил людей непокорными, дабы проявить к ним свое милосердие.

Святой Павел

Подобное предположение высказывалось уже не впервые: его можно было слышать при многих других обстоятельствах — будь то в форме обвинения или пророчества, — да и в самом Священном писании проскальзывала та же угроза. Дракон Апокалипсиса на свой лад вел войну против тех, кто соблюдает заповеди Божий и располагает свидетельством Иисуса. Петра предупредили, что ад попытается возобладать над Церковью и дьявол с особым пылом будет пытаться уловить в свои сети ее последователей. Этот галилейский рыбак, прежде прозывавшийся Симон Бар-Иона, был образцом, коему суждено было повести за собой Церковь сквозь века, которые никогда не были мирными и простыми. Человек, увлекаемый сердечными порывами, человек страстный, человек харизматичный, но подверженный греху, включая приступы безумия и, конечно, одержимость дьяволом, ибо в Евангелии есть на то намеки, — вот каков был этот самый Петр. «Отойди от Меня, сатана! Ты мне соблазн, потому что думаешь не о том, что Божие, но что человеческое». Однако Христос выбрал его. Он не взял за образец Павла, более осмотрительного, более рационального и утонченного, а

именно его, Петра, великого грешника, превратившегося в ловца человеков. Да, были десятки свидетельств, якобы подтверждавших некое присутствие дьявола в лоне Церкви. Все последние Папы заявляли об этом, и это же прозвучало в заключительных актах последнего Великого ватиканского собора. Невозможно игнорировать слова, произнесенные Павлом VI 29 июня 1972 года во время праздника святых Петра и Павла: «И в Церкви ныне царит состояние смятения». Несмотря на то что в подобных обстоятельствах его слова заслужили насмешки и даже едкие упреки в средствах информации, он осмелился подтвердить их в том же самом году, 15 ноября, всерьез отстаивая мнение, что именно дьявол был причиной первородного греха, и, ни минуты не колеблясь, выразил свою озабоченность властью Сатаны над родом человеческим и его присутствием даже в самом храме, поскольку тот, кто с самого начала был убийцей, тот, кто был отцом лжи, тот, кто замышлял пошатнуть нравственное равновесие человечества, тот, кто был вероломным обольстителем, Сатана, всегда стремился туда, где были святые, и такова причина того, что в мире не осталось безопасных мест. Кроме этого, брат Гаспар прекрасно помнил слова Иоанна Павла II, так же как и приводящее в дрожь видение, явившееся Льву XIII в 1884 году, когда, отслужив обедню, он справлял благодарственный молебен и со всей отчетливостью увидел демона, проникшего в Вечный город.

Тьма спустилась на землю, и от брата Гаспара не укрылся призрачный вид базилики Святого Петра, Святого города Ватикана и даже всего Рима. Он трепетал, но в данном случае отнюдь не естественная набожность была причиной его чувств. Начиная с его приезда четыре дня назад не переставая лил дождь и гремел гром, дни стояли пасмурные, и мертвенно-бледный, неясный и словно бы нечистый свет обволакивал Вечный город подобием туманной дымки, и сейчас тоже, пока он переходил виа делле Фондамента, косые струи дождя насквозь пропитали его рясу, вымочив до костей. Приор его монастыря привык ставить ему в вину, и не без основания, известную ворчливость и надменность, и брату Гаспару оставалось лишь признать эти свои недостатки, когда время от времени он пытался исправиться, хотя и тщетно, как мы скоро с вами увидим. «Я? — спрашивал он себя. — Неужели я посланник, именно я, ворчливый и надменный монах, посланный, чтобы... Чтобы что? Даже вымолвить страшно. Чтобы изгнать дьявола из тела наместника Христова». Неужели такова была его задача? Он просто не мог в это поверить. Молния разодрала завесу небес и, содрогаясь, угрожающе зависла над величайшим куполом христианского мира. Почти сразу же вслед за этим прогремели раскаты грома, казалось, исходявшие из самих недр базилики Святого Петра, да, да, из крипты, где язычники, великомученики, апостолы и Папы вместе вкушали вечный покой. Раздался колокольный звон, но даже он не смог успокоить смятенный дух брата Гаспара, а вскоре после этого донесся непрерывный стук вколачиваемых гвоздей, от которого доминиканца пробрала лихорадочная дрожь. «Откуда этот стук? Быть может, в эту самую минуту где-то поблизости распинают Иисуса из Назарета», — подумал он. Бог возлагал на него труд куда более тяжкий, чем можно было себе представить.

Как он жалел, что в эти минуты рядом нет его братьев, и как бы ему хотелось разделить с ними чашку мятного отвара, рюмку анисовки или стакан горячей воды, сидя у кухонного очага; или, возможно, легкую болтовню, шутки, надлежащую медитацию или чтение вслух в тесном кругу, вплоть до того, что он с удовольствием послушал бы, как по-домашнему журит его приор; или просто прислушаться к тишине окружавших монастырь тополей и каштанов, защищающих праведные сердца от козней этого мира. Как приятен был тогда и как ненавистен сейчас шум дождя, и с каким непередаваемым унынием думал он о жуткой обстановке апартаментов, выделенных, чтобы он проводил в них ватиканские ночи.

Однако довольно скоро брату Гаспару удалось справиться с этим затмением, сплавом сомнений и ностальгии: порой душу посещают странные гости, с которыми надлежит обходиться сурово, чтобы затем выпроводить их без лишних церемоний. Он внимательно сосредоточился на своем дыхании, пока не избавился от переполнявшей его слабости, а потом, заглянув в бездонные глубины своего существа, не обнаружил там ничего, кроме

радости и живого, острого любопытства: что же такое приготовил ему Ватикан и какую участь сулила ему Господня воля? Будь что будет, он примет это охотно или по крайней мере без жалоб и видимых проявлений слабости. В любом случае первым делом надо было придирчиво изучить доклад о Папе, который ему доверили. И именно в эту самую минуту он услышал, как возле его правого уха жужжит комар.

— Что ты здесь делаешь? — спросил у него брат Гаспар, уподобляясь святому Франциску. — Неужто ты еще не погиб под таким дождем, малыш?

Брат Гаспар рассмеялся над собственной выходкой, а затем, улучив момент, когда дождь ненадолго стих, приподнял полы своей рясы и пустился вприпрыжку между луж к зданию, где ему предоставили жилье.

При виде его привратник Филиппо не смог сдержать улыбки.

— Ну и вид же у вас, господин архиепископ, — сказал он.

— Филиппо, — упрекнул его монах, — никакой я не архиепископ. Я не заслуживаю такого обращения, да и не нравится мне оно.

— Тогда как же мне вас называть?

— Можешь звать меня как тебе угодно, только не высокопреосвященством и не Папой. Я еще не выдержал конкурса!

Оба от души рассмеялись.

— Ах да, вам тут письмо.

— Спасибо, — сказал брат Гаспар, беря конверт. — Спокойной ночи.

— Спокойной она будет для кого-нибудь другого: сегодня мне на дежурство.

— Какое занудство.

— Куда денешься.

— По мне, так можешь дремать сколько душе угодно: не думаю, что кому-нибудь взбредет в голову зарезать бедного монаха.

— Кто его знает. Этот святой дом много странного перевидал! — с усмешкой ответил Филиппо. — Слыхали, что случилось в прошлый четверг с двумя швейцарскими гвардейцами и сенегальской монахиней?

— Нет, и слышать не желаю.

Однако, несмотря на то что он самым явным и недвусмысленным образом дал понять, что не собирается выслушивать сплетни, упрямый Филиппо рассказал ему о хитросплетении страстей, в котором запутались эти трое несчастных, и брату Гаспару оставалось только дивиться происшествию, которое, несомненно, было выдумкой, что он и дал понять Филиппо.

— Кто знает, — ответил злоречивый привратник.

— Ладно, ладно, тебя там не было, так что...

— А в том году, слыхали?..

— Хватит, Филиппо, Бога ради, терпеть не могу сплетен.

— Я на всякий случай буду настороже.

— Премного тебе благодарен, Филиппо, но думаю, никто не желает мне зла. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Поднимаясь по лестнице, доминиканец вскрыл конверт и прочел предполагаемое письмо, которое оказалось не чем иным, как очередным посланием монсиньора Лучано Ванини, личного прислужника Его Святейшества, который был приставлен к брату Гаспару на все время его пребывания в Ватикане или по крайней мере не забывал напоминать об этом каждый Божий день. С определенностью можно сказать, что сей монсиньор больше докучал, чем угождал ему, и, несмотря на то что в некоторых случаях его присутствие было необходимо и его главная задача приобретала сугубую важность — служить связующим звеном между Его Святейшеством и экзорцистом, — в большинстве случаев такового

присутствия вовсе не требовалось, хоть он и старался превратиться в тень, повсюду следующую за монахом, вынуждая того прибегать к разным недостойным уловкам, чтобы от него улизнуть. Дело в том, что в его послании, послании монсиньора, было нечто неподобающее и путаное, равно как и в том, что, открывая дверь своей квартиры, брат Гаспар услышал телефонный звонок, и, прежде чем он снял трубку, у него появилось дурное предчувствие, к сожалению, подтвердившееся.

— Гаспар?

И точно: то был голос Лучано.

— Брат Лучано?

— Да, Гаспар, это я. Как поживаешь? Получил мою записку?

— Что происходит?

— Нам надо увидеться.

— Я устал, и у меня еще есть дела, — извинился брат Гаспар.

— Я к тебе загляну.

— Нет, мне нужно написать несколько писем, и... Речь о чем-то срочном?

— Я к тебе загляну.

— Когда?

— Прямо сейчас.

— Сейчас нельзя.

— Я в двух шагах.

Он повесил трубку, даже не дав возможности уточнить место и время, когда они должны были встретиться, и брат Гаспар почувствовал бесконечное раздражение. «Завтра, во время разговора с Папой, — подумал он, — попрошу избавить меня от этого монсиньора, который больше напоминает навязчивую муху». Сняв новую рясу, он переоделся в старую, несомненно угрожавшую вот-вот разорваться, и даже брату Гаспару было стыдно носить ее такую, латаную-перелатаную; он уже вытирал мокрые волосы полотенцем, когда раздался звонок.

— Лучано? — крикнул он.

— Брат Гаспар?

Открыв дверь, он увидел перед собой улыбающееся лицо Лучано, одетого в прекрасного покроя сутану с фиолетовым поясом и зажавшего под мышкой два больших альбома с золотым обрезом. Брат Гаспар проводил его в комнату и попросил подождать несколько минут, пока он не вытрется досуха.

— Итак, — сказал Гаспар, входя в гостиную, — какова же причина столь неожиданного визита?

— Я принес фотографии, которые ты хотел посмотреть.

— Какие фотографии? — удивился монах.

— Семинарские и фотографии Папы, — ответил Лучано, раскрывая первый альбом.

Брату Гаспару не оставалось ничего иного, кроме как усесться возле монсиньора и, изображая интерес, которого он на самом деле не испытывал, начать переворачивать картонные страницы, где располагались фотографии, самые что ни на есть обычные, на которых Лучано Ванини был изображен с разными духовными лицами, включая Папу, какой-то монахиней, обожествляемой своей паствой, кардиналами, а также с политиками, нунциями, послами, футболистами, оперными певцами, актерами, принцессами и прочими персонажами, населяющими страницы бульварной прессы. Брат Гаспар действительно не мог припомнить, чтобы он когда-нибудь проявлял интерес к личным фотографиям монсиньора Лучано Ванини, но милосердие вынуждало его быть терпеливым, а благоразумие подсказывало не относиться к нему свысока.

Минут через двадцать, ушедших на разглядывание этих светских фотографий, последний альбом захлопнулся, и брат Гаспар вновь спросил, чему обязан визитом монсиньора в случае, если на то были другие причины, помимо естественного добросердечия.

- Хочу показать тебе ночной Рим.
- Я устал, Лучано. Прости.
- Ты не проголодался? Не то я закажу что-нибудь.
- Правда, не беспокойся.

Однако монсиньор уже по привычке не обратил внимания на пожелания брата Гаспара и снял телефонную трубку, чтобы заказать ужин. К телефону подошел один из гвардейцев с поста у Колокольной арки.

- Тебе нравится? — весело спросил монсиньор, прикрывая трубку рукой.
- Что?

— Пицца. Или, хочешь, я позвоню в китайский ресторан?

Брат Гаспар с явной досадой пожал плечами. Нет, с этим монсиньором не было никакого слладу.

— С овощами? Ты определенно смахиваешь на монаха нового образца — глубокомысленного вегетарианца.

Пустить такого в гости — настоящий кошмар.

— Поставлю какую-нибудь музыку, чтобы ты расслабился, ладно?

Лучано подошел к скромному, но вполне приличному музыкальному центру, внимательно прислушавшись, настроился на волну «Радио Ватикана» и изрек:

— Псалом сто пятидесятый, Сезар Огюст Франк. Узнаешь? — Брат Гаспар ничего не ответил. — Знаешь, что Папа наказал мне целиком и полностью посвятить себя заботам о тебе? Готов угождать всем твоим желаниям, Гаспар. Хотя для меня, помимо обязанности, это просто удовольствие. Могу сказать наверняка — завтрашняя аудиенция отменяется.

— Что? Почему? Что происходит?

— Ничего особенного. Он не расположен.

— Что с ним такое?

— Обычная простуда, но в его возрасте... Ты же знаешь, в его возрасте даже простуда может иметь прискорбные последствия. Мы должны заботиться о нем, чтобы он протянул подольше.

— Когда я смогу его видеть?

— Возможно, завтра, но только в полдень. Или во второй половине дня. А может быть, и послезавтра. Или в какой-нибудь другой день. Я тебя извещу, не беспокойся. Отнесись ко всему спокойно. Хочешь рюмку вина? Я оставил пару бутылок в кладовке. Ты не заметил?

— Лучано, — еще более уныло спросил брат Гаспар, — что здесь творится?

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, что...

— Минутку, — прервал его монсиньор, — схожу за вином, а потом ты мне все расскажешь.

Сказано — сделано, и монсиньор выскользнул из гостиной, направившись на кухню.

Почти тут же он вернулся с бутылкой и двумя бокалами, которые поставил на стол.

— Не слишком ли светло? — сказал он, оглянувшись, и включил настольную лампу, бросавшую синие отсветы, которые, падая на стену, оклеенную желтыми обоями в цветочек, окрасили ее неземной зеленью.

Монсиньор передал брату Гаспару бокал, с театральной ловкостью откупорил бутылку и разлил вино.

— За брата Гаспара и за то, чтобы он приятно провел время в Ватикане.

Чокнувшись с монахом, он отпил капельку вина, посмаковал ее и под пристальным взглядом брата Гаспара шумно выдохнул, чтобы дать вину окислиться и таким образом проверить его качество.

— Ничего сверхъестественного, но пить можно, — изрек он.

— Лучано, — сказал доминиканец, — давай поговорим серьезно.

— Почему бы и нет? Давай поговорим серьезно, если тебе так хочется, Гаспар.

— Что здесь творится?

— А что? Ничего такого. Что, по-твоему, здесь должно твориться? Папа желает тебя видеть.

— Да, но зачем?

— Тебя удивляет, что он хочет тебя видеть? Меня — нет. Твое присутствие укрепляет наши силы.

— Но если он хочет видеть меня, то почему откладывает встречу? Я уже четвертые сутки в Ватикане, и день за днем аудиенция откладывается, и я чувствую, что уклоняюсь от своих обязанностей и теряю время, равно как и уверенность в том, что рано или поздно увижусь с Папой.

— Ты что, такая важная птица, что без тебя в монастыре и недели не могут обойтись? — слегка насмешливо упрекнул его монсиньор. — Не верю, дорогой Гаспар. Знаешь, в чем дело? Дело в том, что ты считаешь себя единственным и неповторимым. Или ты думаешь, что Папа отложит все дела и бросится тебя встречать? Ведь я же говорил: у него грипп. Он работает как вол, и иногда у него тоже есть право упасть без сил. Так ведь? Или ты ему смерти желаешь? Скажи — желаешь ему смерти?

Гаспар побледнел, как полотно.

— Как я могу желать ему смерти? — ответил он наконец. — Что за мысли у тебя, Лучано?

— Тогда не будь таким нетерпеливым. Нет, вы только посмотрите, какой резвый монашек! Ты всегда такой? Всегда дуешься? Злишься неизвестно на что? Сеешь раздор? Почему бы тебе не относиться ко всему спокойнее? Представь, что ты в отпуске. В Риме есть на что посмотреть. Кстати, как прошла твоя встреча с кардиналом Кьярамонти?

— Что?

— Твоя встреча.

— А откуда тебе известно?..

Они пристально посмотрели друг на друга. Сказать ему правду? Рассказать все? Уместно ли это? Крохотные голубые, почти прозрачной голубизны, глазки монсиньора, пронзительные и холодные, смотрели на монаха, страстно сверкая.

— Что ему было нужно?

— Ничего. Мы играли в карты.

— В карты?

— В покер. И я проигрался в пух и прах.

Монсиньор преувеличенно весело хохотнул, а затем неодобрительно покачал головой.

— Мне кажется, что не подобает так обходиться с нашими гостями. Что взбрело в голову этому Кьярамонти? Кто еще там был кроме его высокопреосвященства?

— Монсиньор Луиджи Бруно и архиепископ Пьетро Ламбертини.

— Иными словами, *la crème, de la crème*,⁵ — сказал Лучано тоном, который привел брата Гаспара в легкое замешательство: ироничным, отрешенным, неискренним и почти презрительным. — Ну, а кроме покера, чем вы еще занимались?

— Разговаривали.

— Разговаривали, значит! — сказал Лучано с волнением, причины которого были непонятны брату Гаспару. — Выходит, его высокопреосвященство только и знает, что разговаривать?

— Еще он хотел, чтобы я надписал ему свою книгу.

— И ты надписал?

Брат Гаспар кивнул.

— Слушай-ка, я ревную.

— Но ведь он кардинал, разве не так? Я не мог отказаться.

— Однако со мной...

⁵ Сливки из сливок (*фр.*).

— Я, кажется, уже объяснял тебе причины моего отказа, — прервал его Гаспар. — Я доверился тебе и ясно изложил все, что думаю по этому поводу. Так или иначе, если ты настаиваешь, я подпишу тебе ее, невелика важность. Напишу все, что захочешь.

Монсиньор ехидно взглянул на него и снова спросил:

— А Хакер? Хакер там был?

— Кто?

— Его высокопреосвященство кардинал Джозеф Хакер. Был там такой?

— Нет.

— О чем же вы говорили?

— То есть?

— О Нечистом?

— А почему, собственно, мы должны были говорить о Нечистом?

— Как это почему? Это наиболее логично, тебе не кажется? С одной стороны, твоя книга вызвала огромный интерес, а с другой... Ладно, просто Нечистый — самый почитаемый в Ватикане персонаж. После Господа Бога, разумеется.

— Почитаемый?

Больше всего брата Гаспара изумляло то, что он слышал из уст монсиньора Лучано Ванини.

— Возможно, «почитаемый» не совсем то слово, но... как бы это сказать? Не знаю, а как бы ты сказал? Ты ведь в этом деле большой знаток. Твоя книга (знаю, знаю, похвалы тебе не надоедают, хоть ты и прикидываешься, что это не так) просветила нас. Кстати, она хорошо расходуется? Как я понял, предыдущая принесла тебе немалую прибыль.

— Всю эту прибыль я отдал общине.

— Ну разумеется.

— Что такое? Ты мне не веришь?

— Конечно, верю, брат Гаспар. С чего бы мне тебе не верить? Здесь, в Ватикане, мы тоже все бедные, однако у каждого — у кого побольше, у кого поменьше — свой счет в швейцарском банке.

Брат Гаспар словно языка лишился.

— Лучано, не мог бы ты повторить то, что только что сказал? Не уверен, что правильно тебя понял.

— Шучу, дружище! — расхохотался Лучано. — Шутка! И не корчи такую физиономию!

— По-моему, такие шутки неуместны. По крайней мере меня они не смешат, и уж тем более сам я не склонен шутить в таком же духе. Я совсем не собираюсь принизить твой талант, но я здесь по конкретному делу, вдали от своих обязанностей, и с самого приезда чувствую какое-то непривычное беспокойство.

— А это еще почему? Расслабься, Гаспар, расслабься.

— Говоришь, расслабиться?

— Звонят в дверь. Не откроешь?

Брат Гаспар встал и направился к дверям: это был швейцарский гвардеец с пиццей; воспользуюсь моментом и упомяну, что Лучано, хотя именно он делал заказ, не выразил ни малейшего пожелания заплатить ватиканскому посланцу, что окончательно испортило настроение монаха.

Чтобы подчеркнуть свое намерение не затягивать ужин всяческими церемониями, он даже не побеспокоился найти скатерть и положил пиццу прямо на картонную коробку, в которой ее принесли; Лучано между тем рылся в шкафах и все перевернул на кухне.

— Изумительно, — сказал он, входя со столовыми приборами в небольшую гостиную и облизываясь. — А теперь, если ты не против, можем оставить серьезные темы на потом.

Пока они ужинали в атмосфере, которая по крайней мере брату Гаспару казалась угнетающей, поскольку поглощение пиццы прерывалось совершенно пустой и неинтересной

болтовней монсиньора (он уже подумывал о том, как бы сказать Лучано, что ему необходимо побыть одному), у монаха появилась уверенность, что от него скрывают что-то важное.

— Скажи мне, Лучано, только честно, каково состояние Папы? Я имею в виду — кроме гриппа, на который он сейчас жалуется.

— Кроме гриппа?

— Да.

— Так себе. Иными словами, недуги, типичные для человека его возраста, который всю жизнь работал, не жалея себя. — Они помолчали, пока Лучано не продолжил: — Но знаешь, какова подлинная болезнь Папы? — Гаспар отрицательно покачал головой. — Та, что он не хочет умирать. Понимаешь? Мысль о том, чтобы покинуть этот мир, приводит его в ужас.

И снова воцарилась глубокая тишина, но брат Гаспар почувствовал, что монсиньор страшно нервничает, будто хочет сделать ему какое-то важное признание и никак не может решиться.

— Ты больше ничего не хочешь мне сказать? — спросил он, словно чтобы помочь ему открыться.

Монсиньор улыбнулся, взял Гаспара за руку и ответил:

— Да, хочу.

— Что? — встревожился монах.

— Что ты мне нравишься, брат Гаспар.

— Как? Что ты сказал?

Неожиданно монсиньор встал из-за стола и прижался лицом к шее монаха, обняв его, как змея.

— Что ты делаешь, Лучано?

Лучано между тем одной рукой щупал его грудь, другой ласкал спину, а губы его покрывали шею монаха мелкими поцелуями, нежно касаясь ее языком. Удивление, которое брат Гаспар испытал, оказавшись в новой непредвиденной ситуации, ослабило его рефлексy, и он отреагировал с большим запозданием, чем то было желательно.

— Лучано, — вымолвил он наконец, — можно узнать, что ты делаешь?

Но Лучано ничего не говорил, по меньшей мере — ничего связного: он издавал нечто вроде нежного мяуканья, мурлыкал, и похоть — да-да, похоть — светилась в его глазах.

— Лучано, — повторил монах, — я не расположен терпеть...

— Ложись в кровать. Не хочешь лечь в кроватку, мой мальчик? Мальчик мой, какой ты хорошенький.

По обыкновению резкий, голос его сейчас звучал нервным юношеским шепотком, и он продолжал щупать тело монаха.

— Какой ты сладкий, — говорил он. — Делаешь гимнастику?

— Хватит, Лучано, — властно произнес доминиканец, стараясь остановить монсиньора.

— Мы так довольны, что ты приехал, брат Гаспар, мальчик мой, наш мальчик, какая удача.

— Лучано, прошу тебя.

Но тот не слушал.

— Благодарю Тебя, Боже, — говорил монсиньор, — благодарю Тебя за то, что Ты дал нам этого ангелочка.

Потные ручки монсиньора ласкали живот Гаспара, его волосы, спину, грудь и ляжки, и он покрывал его щеки и шею мелкими, очень нежными, почти детскими поцелуями; дыхание его стало прерывистым, а голубые миндалевидные глаза затуманились восторгом.

— Как мы тебя любим, брат Гаспар, мальчик наш, наш ангел.

От звуков его медоточивого голоса брата Гаспара слегка подташнивало, а его поведение, недостойное монсиньора, вызвало у него немалое возмущение.

— Лучано, — сказал он, вставая и освободившись наконец от его хватки, — сожалею, что ты вынуждаешь меня к этому, но я должен попросить тебя уйти.

— Но почему? Неужели мы даже не допьем вино?

Его голос звучал уже почти как обычно, дыхание стало ровнее, он быстро успокаивался и скоро выглядел обыкновенным священником, невинным и чистым.

— Давай сядем, — примиряюще предложил он. — Допьем вино, и я уйду. Обещаю.

Брат Гаспар уступил скрепя сердце и, видит Бог, поступил неправильно, потому что две-три минуты спустя — бедняга Гаспар, дабы не смущать монсиньора, по совести решил избегать всяческого упоминания о произошедшем несколько мгновений назад — монсиньор снова взял его за руку и принялся грубо, нервно поглаживать ее. У него самого были пухлые волосатые ручки, ледяные и горячие одновременно. Брат Гаспар с силой вырвал свою руку.

— Не понимаю тебя, — сказал он, стараясь сохранять спокойствие, хотя это было уже невозможно. Он продолжал жевать вязкий кусочек гриба, попавшийся ему на зуб.

— Чего ты не понимаешь? Что мы тебя любим? Этого ты не понимаешь? Господь наш заповедовал нам: «Возлюбите друг друга, возлюбите друг друга». Так чего же ты не понимаешь?

— Не смешивай разные вещи.

— Какие вещи?

— Сам знаешь.

— Что значит «сам знаешь»?

— Лучано, ты не должен себя так вести.

— Почему? Ну-ка ответь — почему?

— Потому что сексуальное наслаждение, — попытался урезонить его брат Гаспар, — это несовершенный и узкий путь познания Бога, а познание Бога — наше самое сокровенное призвание.

— Смирись, — сказал Лучано с беспредельным презрением, — если Бог познал тебя, не претендуй на то, чтобы познать Его!

— Все наше богословие, — продолжал увещевать его брат Гаспар, не смущаясь резким тоном монсиньора, — и все наше вероучение, учрежденное апостолами, Отцами Церкви и святыми, направлено на познание Божественной сути, чтобы благодаря этому познанию забыть о самих себе, о наших низменных личных интересах, равно как и о плотских утехах. Религиозный дух принимает мир, ибо отрекается от самого себя, и живет во имя любви к ближнему и Божественному Творению и благодаря им.

— Тебе только лекции читать, как скучно. Послушай, Гаспар, я — часть этого Творения, и хотя бы поэтому ты не должен пренебрегать мной. Ты поступаешь плохо. Ведь ты тоже часть Творения, разве нет? Почему же ты так упрямо считаешь себя каким-то особенным?

— Хватит, Лучано. К сожалению, я должен просить тебя уйти.

— До чего же ты правоверный, — вздохнул монсиньор. — Ты безнадежен, сын мой.

— Сложившееся положение кажется мне неприемлемым. Не вынуждай меня принимать меры.

— Об этом-то я и прошу, — язвительно сказал Лучано, — прими меры, Гаспар, прими меры. Я тебя не разочарую.

— Да? Ладно, тогда это будет первое дело, о котором я переговорю с Папой. Посмотрим, как тебе это понравится.

— Значит, донесешь, а? — И монсиньор покачал головой, выказывая свое неодобрение.

— Я обязан.

— Так, выходит, доносы — обязанность? — разъяренно спросил Ванини. — С каких это пор? Не помню, чтобы в Евангелии было об этом написано. Ну-ка скажи, где ты про это вычитал, умница? Хитер, хитер, брат Гаспар.

— Тогда остановись, пока не поздно.

— И что же ты ему скажешь? — сказал монсиньор, похоже, достигнув точки кипения. — «Святой Отец, Святой Отец, монсиньор Лучано — Вельзевул, монсиньор Лучано — Вельзевул». Вот что ты ему скажешь? Думаешь, он сам про это не знает? Скажу

тебе две вещи, дорогой Гаспар: во-первых, знай, что Папа выбрал именно меня, потому что я — такой, какой есть, а во-вторых, знай, друг Гаспар, что для того, чтобы увидаться с ним, ты должен пройти через меня, иначе говоря, я, и никто другой, являюсь связующим звеном между тобой и Папой, не какой-нибудь кардинал или архиепископ, а я — простой и скромный монсиньор, я, и если я не захочу, ты никогда с ним не встретишься. Теперь ясно? Да? Так не испытывай мое терпение.

Брат Гаспар не нашел в себе сил ответить ему, но тут же почувствовал, как маленькая потная ручка монсиньора снова схватила его руку и начала грубо мять ее, а еще через мгновение он упал перед Гаспаром на колени и опять превратился в существо, обезумевшее от похоти.

— Маленький ты мой, — говорил монсиньор, стыдливо его щупая — так, что брат Гаспар испугался, что возбуждение может овладеть и им, что в действительности и происходило, — мой мальчик, как мы тебя любим! А это что? Что это у нас тут? Надо же, у такого ангелочка...

— Лучано! — воскликнул Гаспар, вырываясь из его рук и больше не в состоянии сдерживать гнев. — Либо уйдешь ты, либо я!

— Но...

Брат Гаспар не позволил монсиньору вновь прибегнуть к своим уловкам, чтобы продлить эту отвратительную ситуацию.

— Лучано, я ухожу.

Сказано — сделано: он поспешно прошел к дверям, слыша за спиной взывавший к нему резкий голос — теперь он снова стал резким, — спустился по лестнице и с единственным намерением уйти как можно дальше от заразной, возбужденной твари на ходу пробормотал приветствие добрейшему Филиппо и вышел на улицу.

Дождь продолжался, и едва брат Гаспар отошел от гостиницы, как молния расколола темный небосвод. Не зная хорошенько, что делать и куда направиться, он решил встать под дерево, вместо того чтобы бесцельно блуждать по безлюдному и призрачному Ватикану. Он предположил, что монсиньор Лучано Ванини не осмелится дольше оставаться у него в номере. Или по крайней мере ожидал этого. Он представлял, как монсиньор бьет себя в грудь или выдумывает какое-нибудь убедительное извинение назавтра, вероятно напуганный возможной отставкой. Нет, он мог не волноваться: несмотря на угрозы, он никогда не донесет. Единственное, чего хотелось брату Гаспару, это увидеть, как он выйдет из здания, и снова занять предоставленное ему жилье.

С того места, где он стоял, чувствуя, как римский холод и сырость вновь пробирают его до костей, он различал свет в окне, но не видел никакой человеческой фигуры. Через десять минут — десять минут, которые протекли медленно и тоскливо, как века, — он увидел, как монсиньор выходит из здания, поэтому ему пришлось спрятаться за изгородью и осторожно за ним наблюдать. Монсиньор поглядел направо и налево, потом вдаль, но, слава Богу, не заметил присутствия экзорциста. Раскрыв зонтик, он направился к ватиканской парковке. Гаспар не хотел рисковать и, несмотря на усилившийся дождь, оставался на месте, пока не убедился, что нет ни малейшей возможности, что его заметят в его укрытии.

Когда он снова вошел в подъезд, Филиппо встретил его улыбкой.

— Снова вымокли!

— Как видишь, — ответил брат Гаспар, — люблю дождь. Это дар Господень.

— Все вы, доминиканцы, такие оригиналы! — воскликнул Филиппо.

Успешно преодолев это последнее препятствие, брат Гаспар поднялся по лестнице, вошел в номер, снял мокрую одежду и обнаружил, что ему нечего надеть, поэтому, прикрыв наготу двумя полотенцами, принялся сушить рясу на батарее. Дождь по-прежнему стучал в стекло, и все так же грохотал гром, и Гаспар тосковал по своим братьям и мирному уединению монастыря. Произошедшее оставило в нем глубокий отпечаток, наиболее ясно проявлявшийся в общем недомогании и обостренной, параноидальной чувствительности: у него было странное ощущение, что Лучано каким-то образом все же не покинул ватиканской

гостиницы, поэтому, несмотря на то что он сам видел, как тот вышел из здания, он на совесть обследовал все три комнаты: спальню, кабинет и гостиную. Ему, привыкшему к строгому убранству своей кельи, белым стенам, скудной обстановке из благородного темного дерева, деревенским запахам, примешивавшимся к запаху ладана, эти помещения представлялись неудобными, так как и здесь в равной степени царил дурной, тяготеющий к роскоши вкус. Однако он в очередной раз сумел совладать с собой: его ожидало чтение вверенного ему доклада, а также медитация и уединение, о котором, казалось, вопиял его изжаждавшийся дух.

III

С болью вспоминаю я, как пребывал в монастыре, как посредством созерцания удалось мне воспарить надо всем изменчивым и преходящим и как мысленно погрузился я в одно лишь неземное.

Григорий I

Почту не лишним сообщить о том, что ночью 2 ноября, в ожидании праздника усопших католических праведников, брат Гаспар спал плохо — и плохо, это еще мягко сказано, — то и дело вскакивая без всякой на то причины, и, едва открыв глаза, вновь переживал события предшествующего дня, и таким образом снова оказывался в объятиях монсиньора или в ложенном кругу собравшихся за карточным столом высокопоставленных церковных иерархов, а также сообщая, что в ту благословенную ночь, когда Лучано Ванини подверг его сексуальным домогательствам и привел в состояние, близкое к безумию, и, как я уже говорил, после того как сатир покинул ватиканскую гостиницу, брат Гаспар убрал остатки пиццы и бокалы с недопитым вином, чтобы приступить к чтению досье о Папе, но вот только куда он его задевал? Он перерыл все, но безуспешно. Несколько предположений пришли ему на ум и среди них подозрение, постепенно превращавшееся в уверенность: документы кардинала похитил Лучано Ванини. Само собой, вполне могло случиться, что он забыл их на стойке привратника, и, решив так или иначе напасть на след бумаг, он позвонил Филиппо и подверг его допросу с пристрастием: тот помнил, что видел, как брат Гаспар вошел в здание с большим, но не очень пухлым пакетом — пакетом, который он действительно положил на стойку, — однако Филиппо мог заверить, что затем он взял его с собой. Он помнил даже, что пакет и рукава рясы брата Гаспара оставили на дереве влажное пятно, которое добрый и заботливый Филиппо вытер тряпкой, как только доминиканец стал подниматься по лестнице. Нет-нет, он не помнил, чтобы монсиньор Ванини выходил из здания с пакетом, при нем были только два толстых альбома из тех, в которых хранят фотографии, продолжал он свой рассказ, хотя, конечно, подобные сведения не были убедительными и не могли рассеять подозрения брата Гаспара, поскольку, вполне вероятно, Лучано спрятал похищенное под пальто или сутаной. Сам брат Гаспар помнил — слабо, но помнил, — что положил папский доклад на телевизор, и единственным приемлемым объяснением было то, что монсиньор Ванини повел себя как обыкновенный воришка. Больше всего его угнетало то, что он скажет или не скажет кардиналу Кьярамонти, вздумай тот начать расспрашивать его о доверенной ему тайной информации, поскольку притворство перед лицом его высокопреосвященства всегда было вопросом щекотливым. Оставалась возможность отрицать потерю досье, но это означало по уши увязнуть в обвинительном процессе с непредсказуемыми последствиями, а возможно, и выступить против одного из самых могущественных кардиналов — не случайно речь уже заходила о государственном секретаре, — личного слуги Папы, а быть может, столкнуть самого Папу с влиятельной фракцией Кардинальской коллегии, которую нельзя было недооценивать. Наилучшим выходом представлялось открыто расспросить монсиньора Лучано Ванини и даже безотлагательно позвонить на его мобильный телефон, хотя, само собой, вновь выносить его присутствие, его уловки и домогательства казалось не лучшим способом восстановить столь

желанное душевное спокойствие, хотя и было необходимо, чтобы преодолеть сомнения, немедленно поговорить с ним с той строгостью, какой он заслуживал. Брат Гаспар набрал номер и стал ждать: никто не отвечал, и он даже не мог оставить сообщение на автоответчике; вполне возможно, монсиньор предвидел его звонок и решил поиграть с ним в молчанку, что было очередным указанием на то, что именно он завладел документами. Тем не менее монах не отступался и еще раз набрал номер: безуспешно, теперь не отвечала даже линия, и в конце концов Гаспар сказал себе, что единственная альтернатива — дожидаться завтрашнего дня, чтобы незванный гость подал признаки жизни. Его снедало желание вернуть себе досье, поскольку смутное предчувствие подсказывало ему, что документ может дать ключ к пониманию того, что до сего момента оставалось ему непонятным.

Эти серьезные заботы помешали его спокойной медитации, а затем и отдыху — уже упоминавшимися внезапными пробуждениями, — равно как и комар, сильно докучавший ему на протяжении почти всей ночи. Не в силах уснуть, брат Гаспар время от времени зажигал ночник, чтобы увидеть, куда село насекомое, и без всяких церемоний покончить с ним, но жужжание прерывалось, едва лишь проклятая букашка чуюла, что он собирается включить свет, как то обычно и происходит в таких случаях, когда начинает казаться, что эти твари предугадывают человеческие действия, и, сколько бы брат Гаспар ни вглядывался в стены и мебель, ему не удавалось различить место, где сел комар.

Не было еще и шести утра, когда для пущего издевательства послышался стук молотка, превративший его отдых в настоящую пытку, так что он даже высунулся в окно, чтобы определить источник этой напасти, но в тот же самый момент стук прекратился.

Уже начало понемногу светать — чудное время для тихой, уединенной молитвы, но душа монаха пребывала в безмерном смятении, и он даже не смог с подобающей набожностью помолиться за усопших, ведь разве не была чистой воды безрассудством мысль о том, что причиной его срочного вызова в загадочный Ватикан послужило не что иное, как просьба вынести суждение, не завладел ли Нечистый престолом святого Петра? И кто же его призвал? Сам Папа, как то можно было заключить по ватиканским посланиям, которые вручал ему приор? Или это кардинал Кьярамонти устроил его поездку? А что сказать об этом странном персонаже по имени Лучано Ванини, уверявшем, что он посланник Папы и существует на свете, чтобы служить ему, но на самом деле был величайшей помехой и приносил дурные новости, раз за разом откладывая столь желанную аудиенцию под расплывчатыми и подозрительными предложениями? Неужели он был не только содомитом, но и слугой Вельзевула? Дело в том, что уже с самого начала он заметил в монсиньоре Лучано Ванини кое-какие обескураживающие черты, как, например, чрезмерная жеманность и не менее чрезмерная забота о собственной персоне (он, несомненно, красил свои седины и делал маникюр); светскость, которой он щеголял (он упрямо водил брата Гаспара по магазинам, насильно заставлял посещать романтические уголки, культивировал безрассудную фамильярность и выставлял напоказ свою глупую и вульгарную нежность, вплоть до того, что однажды едва не осмелился наброситься на брата Гаспара с нелепой и неприличной щекоткой) и, наконец, полное отсутствие чувства собственного достоинства, которое он проявлял ежеминутно, ведя себя как несдержанный шарлатан, будучи при этом не кем иным, как личным слугой Его Святейшества. Так не были ли неуместными любые подозрения, зарождавшиеся в груди брата Гаспара? Разве не могло оказаться, что пасторальный стиль Лучано отличается от его собственного и в этом все дело? Нет, он уже продемонстрировал, что нет, но вначале Гаспар был склонен верить, что подозрения, которые он испытывал в отношении монсиньора, были подозрениями монаха, возможно чересчур удалившегося от светской жизни. «Каким наивным я был, не доверяя внешности», — думал он, обещая себе впредь не быть таким робким в своих суждениях и оценках.

Дело в том, что с самого своего приезда четыре дня назад и не считая Лучано Ванини и партии в покер, когда его самым низким образом обчистили, брат Гаспар чувствовал себя вне игры. Его единственным девизом оставалось «ждать»: ждать, что какие-либо новые

сведения наведут его на след того, что происходит в ковчеге святого Петра.

Чтобы отделаться от этих тревожных мыслей, выражавшихся в некоем недомогании, мыслей, в которых досада играла едва ли не одну из главных ролей, он решил заняться повседневной рутинной: сделал упражнения на растяжку, посвятил несколько минут медитации, помолился и наконец позавтракал фруктами и йогуртом. Эти первые часы дня — раз уж изучение досье, которое передал ему кардинал Кьярамонти, было в данный момент невозможно — он провел, правя небольшое эссе, посвященное поэме маэстро Экхарта «*Gratum sinapis*», ⁶ которое, в свою очередь, было всего лишь прологом к более честолубивому и, с богословской точки зрения, более глубокому труду, в данный момент занимавшему его мысли, вслед за чем уже в служебные часы он снова (и снова безрезультатно) звонил монсиньору Ванини, которому, по крайней мере, смог оставить разгневанное послание на автоответчике. Затем он позвонил кардиналу Кьярамонти — уведомить, что аудиенция с Его Святейшеством отложена и поэтому он считает назначенный накануне обед лишеным смысла, хотя и не смог связаться с кардиналом лично, вследствие чего был вынужден обратиться к секретарю его высокопреосвященства, монсиньору Луиджи Бруно, который с самого начала выказал себя крайне неучтиво, можно даже сказать, проявил нетерпение, переросшее в раздражение, будто уделить монаху три минуты было для него плачевной тратой времени среди многих обременяющих его обязанностей. После этого досадного инцидента, оставившего в его душе новый унижительный след, про который не так-то легко было позабыть, он позвонил в монастырь, где надеялся найти духовное и денежное вспомоществование. К сожалению — приор уехал в город, — он смог переговорить только с Марселино, который всецело был объят тревогой, показавшейся брату Гаспару несостоятельной и вызванной уроном, что причиняли в саду семенам, плодам и корням расплодившиеся во множестве мыши.

— А кошки на что же, Марселино?

— Кошки съедят трех, придушат двух — и довольны! А мышей-то сотни!

— Ради Бога, успокойся, Марселино, это еще не конец света. Коли б ты только знал, что тут со мной творится...

— Что мне делать, Гаспар? — спросил Марселино, не обращая внимания на его жалобы. — Я просто в отчаянии!

— Есть одно средство, Марселино, есть одно средство. Или, лучше сказать, целых два, которые ты можешь применить вместе для большего эффекта. Первым делом, кипятишь воду...

— Сколько?

— Несколько кастрюль, а потом идешь с этой водой в сад и льешь ее в норы, тем самым ошпарив самих мышей и их детенышей.

— А второе?

— Терпение, дружище, терпение. Во-вторых, опыт должен подсказать тебе, что, хоть ты и залил кипятком норы, где матери производят и выкармливают потомство, полагаться на это нельзя, поскольку ничто не гарантирует, что мыши не вернуться. Так что посади куст бузины, а еще лучше два, в каждом конце сада: запах ее листьев неприятен всем грызунам и в конце концов отпугивает их.

— А где мне взять бузину? — в отчаянии спросил садовник.

— Послушай, Марселино, мне бы твои заботы. Возле кухни я посадил три куста, специально, чтобы оберегать наши запасы. В любом случае спроси у Камачо, кладовщика, он поможет тебе с черенками и научит, как действовать.

— Ах, будь ты с нами, Гаспар, совсем бы другое дело было.

— Да, но меня категорически не хотят отпускать.

— Категорически? Ты что, заболел?

⁶ «Горчичное зерно» (лат.).

— Категорически, то есть принудительно.

— Ага, Но как у тебя — все в порядке?

— Нет, по правде говоря, нет.

— Папа уже принял тебя?

— Нет.

— А как он?

— Плохо.

— А в остальном?

— В остальном? Слушай, Марселино, в остальном все хуже некуда, и не забывай, что я по междугороднему, так что скажи приору, что мне необходимо переговорить с ним как можно скорее. Договорились?

— Ла-а-а-дно...

— Пусть обязательно до меня дозвонится.

Тревога и страх овладели им, и, чтобы не сидеть в ожидании перед телефоном, он отправился в поход по ватиканским музеям, но пробиться сквозь толпу туристов из всех стран было так трудно, что его порыв угас, прежде чем он успел подойти к входу. Он изменил маршрут и зашел на почту, откуда отправил открытку своей матери, потому что бедняжка была совсем одна, хотя постоянно присутствовала в его сердце и молитвах.

Дражайшая матушка!

Пишу тебе эти строки единственно затем, чтобы засвидетельствовать свою сыновнюю любовь и чтобы ты попросила Иисуса, ты, которая так близка к Нему, даровать твоему сыну все свои милости. Никогда не найду слов, чтобы выразить, как я счастлив, имея такую мать, как ты, и никогда не смою вины за то, что не могу ни помочь тебе, ни поухаживать за тобой — разве что настолько, насколько позволяют мне мои слабые силы и средства.

На открытке, которую я тебе посылаю, изображен впечатляющий Колизей, где сохранилась арена, орошенная кровью мучеников Христовых. Скоро увижусь с Папой. А пока я действительно общаюсь на равных со многими кардиналами и монсиньорами. Вчера я встречался с государственным секретарем! Много раз целую, мама, и надеюсь, что благословение Божие всегда пребудет с тобой.

Твой сын, Гаспар

Потом он купил номер «Оссерваторе романо», и за этим и другими делами прошел пятый полдень его пребывания в Ватикане. Когда он вернулся в гостиницу — Джованна, уборщица, как раз заканчивала свою работу, — то вновь принялся ожидать известий, будь то от кардинала Кьярамонти или от коварного монсиньора Ванини, которого он надеялся убедить вернуть так подло выкраденный доклад.

А пока стал просматривать ватиканскую газету, чтобы проверить, сможет ли он, читая между строк, обнаружить что-нибудь важное, что от него до сих пор скрывали. Но этого не случилось, потому что он уснул с газетой в руках, и лишь несколько часов спустя его разбудил телефонный звонок. Это был секретарь государственного секретаря, иными словами, монсиньор Луиджи Бруно, чтобы условиться насчет новой партии в покер. Брат Гаспар отказался, извинившись и сославшись на некоторую скудость денежных средств, поскольку его пребывание в Ватикане затянулось дольше положенного и ему по сих пор не удается связаться с монастырем; тогда монсиньор Бруно ласково предложил ему заем без процентов, но брат Гаспар отклонил его предложение, боясь увеличить и без того раздувшийся долг. Помимо главной причины — банкротства и нежелания доставлять удовольствие тому, кто всего несколько часов назад так неприветливо обошелся с ним, — его удерживала другая, куда более важная забота, а именно возможность в ближайшем будущем, за картами, подвергнуться расспросам о каком-нибудь конкретном пункте досье, которое он в недобрый час потерял.

Брат Гаспар вновь развернул газету и возобновил чтение, но дававший о себе знать

голод и обычная небрежность газетной прозы мешали ему сосредоточиться на ватиканских новостях.

Он вышел перекусить, а затем бесцельно бродил по римским улицам, так что в гостиницу вернулся только в начале пятого, а вернувшись, нашел на своем месте Филиппо, который поспешил сообщить ему, что в его отсутствие звонили двое: первый звонок был от Косме, приора, который по-отечески спешил прийти ему на помощь, второй — от кардинала Кьярамонти, который просил срочно перезвонить по его личному телефону и до разговора с ним ни с кем не говорить, что брат Гаспар и сделал.

— Ваше высокопреосвященство?

— Минутку, брат Гаспар, — раздался голос личного секретаря, монсиньора Луиджи Бруно. — Его высокопреосвященство тоже хочет с вами поговорить, не вешайте трубку.

Брат Гаспар подождал, как его и просили, и секунды эти показались ему вечностью, пока наконец он не услышал голос пурпураносца Кьярамонти:

— Брат Гаспар?

— Да, ваше высокопреосвященство, брат Гаспар слушает.

— Нам необходимо увидаться.

— Когда?

— Сейчас.

— Сейчас? Прямо сейчас?

— Мы не можем ждать. Вы заняты?

Брат Гаспар не нашелся, что сказать.

— Брат Гаспар? Вы слушаете?

— Да, — ответил он едва слышно.

— Вы одни?

— А с кем же мне быть?

— Тогда мы ждем вас в Епископском дворце до половины восьмого, — сказал Кьярамонти и повесил трубку.

IV

Бог не нуждается в нашей лжи.

Лев XIII

Пока брат Гаспар шел по Святому городу Ватикану, направляясь к Епископскому дворцу, где несколько минут назад он договорился встретиться с кардиналом Кьярамонти, он спрашивал себя, уместно ли будет поставить его высокопреосвященство в известность о безнравственном поведении монсиньора Лучано Ванини или лучше — как он в конце концов и решил — сохранить эти сведения в тайне, пока грубая правда, которую от него скрывали, не выйдет наружу и не поможет ему разгадать многие и многие ядовитые загадки, которые своей грязью порочили царство Преемника святого Петра. Хотя становилось очевидным, что обстоятельства складывались для него явно неблагоприятно, справедливости ради стоит отметить, что основу его натуры составляла цельность. Только одно мучило его более положенного — пропажа папского досье и то, как нелегко будет ему оправдаться в глазах его высокопреосвященства, не нарушив восьмой заповеди, и единственное, что придавало ему силы, была мудрая мысль о том, что никакой грех, сколь бы он ни был велик, не слишком велик для милосердия и прощения Божия. Так что не оставалось ничего иного, как врать напропалую, а затем так же напропалую ввериться бесконечному милосердию Божию.

В таком состоянии духа он и вошел в величественное здание, где иерархи уже ожидали его со сдержанным нетерпением. Завидев монаха, все они, включая кардинала Кьярамонти, его секретаря монсиньора Луиджи Бруно, а также знакомого нам со вчерашнего дня архиепископа Пьетро Ламбертини, встали, и то, что брату Гаспару пришлось услышать далее (и что я немедленно собираюсь вам сообщить), преисполнило его страха, поскольку первым

пунктом, подлежавшим обсуждению во время сегодняшней встречи, было его мнение о досье, которое они вручили ему менее суток назад.

— Мне оно показалось крайне интересным, — заявил брат Гаспар, между тем внутренне изо всех сил взывая к помощи свыше.

— Почему же оно показалось вам таким интересным? — спросил кардинал.

— Благодаря ясности, с какой излагаются наиболее существенные факты.

— Можем ли мы сделать из этого вывод, что ваше мнение не слишком отличается от нашего?

Брат Гаспар двусмысленно покачал головой, чтобы не связывать себя обязательствами ни в том, ни в другом смысле, но этот неосторожный жест, уклончивый по своей сути, был воспринят как высказывание в пользу предположения, которое у брата Гаспара вызывало немалые сомнения.

— Итак, — высказал общую мысль кардинал, — Папа одержим бесом.

— Я этого не говорил, — осмелился поправить его монах.

— Тогда что же вы хотели сказать, брат Гаспар?

— Мне нужны новые доказательства, чтобы покончить с сомнениями. На самом деле присутствие Сатаны — вещь гораздо более распространенная, чем то принято думать, но предположение о том, что римский первосвященник попал в его лапы, ставит бесчисленные вопросы, связанные с первоосновами нашего вероучения. Так или иначе, могу с полной определенностью заверить вас, что в эти самые минуты ядовитый серный смрад отравляет некоторые уголки Святого города Ватикана.

— Что вы хотите этим сказать?

— Сейчас я не могу вдаваться в подробности.

— Не увиливайте. С нами можно говорить начистоту. Более того — не только можно, но и должно. Вы меня поняли, брат Гаспар? Мне не хотелось бы думать, что... Почему вы молчите?

Гаспар понял, что от него жадно ждут суждений и мнений, и попытался изловчиться, чтобы как-то выпутаться из каверзного положения.

— Ваше высокопреосвященство, — молвил он, преклоняя колена, — вряд ли мне под силу сказать, сколь глубоки мои чувства, но, преодолевая вихрь страстей, обрушившихся на меня со дня моего прибытия в Ватикан, почитаю за незаслуженную честь быть залогом надежд стольких высокопоставленных церковных особ, и более того, будучи всего лишь смиренным монахом, пусть даже и сведущим в уловках, к коим прибегает Нечистый, равно как и непримиримым противником противников нашей Церкви, я лишь могу и должен с глубоко проникновенными сыновними чувствами выразить духовные милость и благодать, которыми, хотелось бы мне надеяться, в данную минуту благословляет меня ваше высокопреосвященство.

— Что? — спросил кардинал.

— Я говорю, что мне хотелось бы получить благословение, дабы укрепить свой дух перед лицом столь грандиозной задачи, которую, как кажется, вы передо мной ставите. Благословите, ваше преосвященство, бедного Гаспара.

Удивленное, если можно так выразиться, выражение застыло на лице кардинала Кьярамонти, в не меньшем удивлении пребывали его секретарь, монсиньор Луиджи Бруно, и архиепископ Ламбертини.

— Поднимитесь, — словно бы рассерженно попросил Гаспара его высокопреосвященство.

— Так вы не хотите меня благословить?

— Вы ускользаете от ответа, — упрекнул его архиепископ Ламбертини. — Почему вы не хотите просто и сразу высказать нам мнение, которого заслуживает в ваших глазах переданное вам досье, и считаете ли вы наши подозрения обоснованными или нет?

— Сожалею, но вынужден упорствовать.

— Что? — едва не сорвался на пронзительный крик архиепископ.

— Кто сомневается в том, что дьявол является источником всех зол для каждого из нас и особенно для Церкви, его главного врага? — попытался обосновать свою точку зрения брат Гаспар, стремясь овладеть ситуацией и предпринимая еще один обходной маневр, чтобы убедиться, что встреча может принять иной, более мирный оборот. — Изгнание более всего не по вкусу злему духу, отчего бесы всегда стараются, чтобы их присутствие было нечувствительным, и поэтому очень часто мы, экзорцисты, вынуждены дразнить их, как диких зверей, чтобы они обнаружили себя. Правила ритуала диктуют нам, прежде чем утверждать факт одержимости, полностью удостовериться, что таковая имеет место, и понять, каков ее характер: идет ли речь об одержимости, какую испытал на себе апостол Иуда Искарот, или о простом помрачении, как в случае с Иовом и святым Павлом, которые, как всем нам известно, подвергались нападкам дьявола; каковы мотивы сверхъестественного явления, помимо главного, то есть соизволения Божия, поскольку ничто не происходит без Его ведома, иными словами, стал ли человек жертвой сглаза или тяжкого и вопиющего греха; скорпион то или змий, и, соответственно, под чьей властью — Сатаны или Люцифера — он находится; каково его имя; сколько их, бесов; с какого момента они вселились в тело Папы, и тогда — но только тогда, — когда мы ответим на все эти вопросы, вызвать беса на бой, как то предписывает ритуал нашей Святой Матери Церкви в своем двадцати одном уложении.

— Да, хорошо у вас язык подвешен, — сказал архиепископ скорее с досадой, чем с восхищением.

— Нам нечего бояться, — добавил несокрушимый доминиканец, — так как Господь дал нам силу Своего имени, могущество молитвы, заступничество Церкви и способность изгонять демонов. Не думайте поэтому, что доклад, который вы мне передали, несмотря на весь свой огромный интерес и глубокую обоснованность, может считаться окончательным и безапелляционным приговором. Иначе говоря, я должен увидеть Папу, прежде чем сказать что-либо наверняка. Возможно, что Святой Отец в новом тысячелетии, начавшемся с таким блеском, решил усвоить особый стиль поведения.

— Вы нас не понимаете, — пожаловался Кьярамонти, сплетая пальцы, — вы так и не понимаете нас. Под каким предлогом, — спросил его высокопреосвященство, — вам на сей раз отложили аудиенцию с Верховным Пастырем?

— Простуда, так мне, по крайней мере, сказали.

— С кем вы разговаривали?

— С личным помощником Папы, монсиньором Лучано Ванини.

Стоило произнести это имя, как все присутствующие переглянулись со смесью досады и обеспокоенности.

— Какие отношения сложились у вас с монсиньором Ванини? — спросил архиепископ с гримасой, ясно указывавшей на то, что даже произносить это имя было ему неприятно.

— С моей точки зрения, — ответил брат Гаспар, очень довольный тем, что присутствующие разделяют его неприязнь к монсиньору, — он доводит свои знаки внимания ко мне до крайности. Говорит, что живет ради служения мне, но чаще мешает мне, чем помогает.

— Когда вы виделись с ним в последний раз? — спросил теперь уже кардинал.

— Вчера вечером.

— Вчера вечером? После того как ушли от нас?

— Не успел я вернуться в гостиницу, как он позвонил мне и, к моему несчастью, не замедлил явиться собственной персоной.

— Что ему было нужно?

— В том-то вся и беда, ваше высокопреосвященство.

— Как прикажете вас понимать?

— Именно это я имел в виду, когда упомянул, что этот субъект довел до крайности свои знаки внимания ко мне: и на этот раз монсиньор Лучано Ванини не хотел абсолютно ничего, кроме того, чтобы, возможно, лишить меня нескольких часов сна и медитации. Я как

раз думал просить Папу избавить меня от бремени, каковым почти каждый день является для меня его присутствие, но теперь мне пришло в голову, что, вероятно, ваше высокопреосвященство могли бы сделать что-нибудь в этом отношении, чтобы упростить необходимые формальности.

— Нет, — последовал краткий ответ.

— Иными словами, — с явным удовлетворением произнес архиепископ Ламбертини, — он вам не симпатичен.

— Повторяю — крайне не симпатичен, и в том-то вся и беда: похоже, он проникся ко мне нежными чувствами, которые я считаю неумеренными. Вы понимаете, на что я?..

— А сегодня? — пожелал узнать кардинал, не проявляя, впрочем, признаков того, что уловил обвинение, скрытое в последних словах брата Гаспара. — Сегодня вы с ним виделись?

Брат Гаспар энергично покачал головой.

— Полагаю, — сказал архиепископ Ламбертини, — что вы храните в надежном месте документы, которые мы вчера вам передали?

Брат Гаспар ответил чуть заметным утвердительным кивком, чтобы по нему нельзя было сказать, что он вновь нарушил восьмую заповедь.

— Мы вынуждены просить вас, — сказал монсиньор, — чтобы вы, если вы уже закончили ознакомление с досье, завтра же обязательно вернули его нам.

— Так я и сделаю, — ответил брат Гаспар с подчеркнутой твердостью.

Было очевидно, как ложь, произнесенная каждым, влечет за собой другую, та — третью, и таким образом душа безвозвратно гибнет, задыхаясь в клоаке обмана.

— Так знаете, — сказал кардинал Кьярамонти, слегка наклоняясь к монаху, — что поведение Папы вызывает целую волну ложных слухов, поскольку он постоянно и упрямо стремится отмежеваться от принятых правил. Естественно, поначалу мы все не могли не восторгаться и не рукоплескать простоте нашего Папы, его светскости и неожиданным выходкам, однако его непосредственность зашла слишком далеко. Непосредственность, брат Гаспар, это сокровище, которым не следует разбрасываться. Возможно, вы с вашим дружелюбным и опростившимся нравом и не стали бы чересчур упрекать Папу за подобные нарушения этикета, но поймите, что речь идет не о пустяках: все формальные моменты были разработаны крайне подробно и весьма основательно и являются существенно важными для правильного функционирования государственного аппарата. Во время встреч с главами других государств Папа произвел на них откровенно дурное впечатление. Обычно он проявляет нетерпение, самодовольно поглядывает на часы, спрашивает собеседника, долго ли тот собирается распространяться, и в припадках раздражения говорит всякую несуслаицу. Иногда доходило до того, что он заставлял отправить какому-нибудь высокопоставленному лицу телеграмму неподобающего содержания, с упреками и обвинениями вторгаясь в его личную жизнь, что влекло за собой резкие дипломатические протесты. Не стану от вас скрывать, что в последнее время отношения Ватикана с большинством стран оставляют желать лучшего. Нашу внешнюю политику на данный момент постоянно лихорадит, и дипломатическая служба тоже чуть ли не каждый день попадает в неловкое положение. Как они могут нормально работать при сложившихся обстоятельствах? Они жалуются, что все предпринимаемые ими начинания пропадают втуне из-за капризов свыше.

Брат Гаспар согласился, проникнувшись серьезностью сложившейся ситуации.

— С другой стороны, как вам уже известно, он отказывается от услуг большей части своей свиты. Мы приветствуем, что он не поощряет показной роскоши, так как уже вошло в привычку, что Святой Отец чаще удивляет мир своей склонностью к простоте, нежели к помпезности, как стало очевидно в последнее время. Однако все имеет предел, на самом деле редкая неделя проходит без того, чтобы он кого-нибудь не отправил в отставку. Понимаете, брат Гаспар, Преемник святого Петра отгораживается от своего окружения. Он никого не хочет видеть подле себя. В ватиканских кабинетах сейчас чаще царит праздность, и документы и дела всякого рода копятся, не имея выхода. В ряде тайных докладов я сообщал

— такова моя обязанность — эти и прочие подробности, в равной степени скандальные, если не сказать больше, весьма и весьма обеспокоенной Кардинальской коллегии. Чтобы избежать катастрофы, нам приходится ставить информационные заплаты, стараться, чтобы анархия и несогласованность, которые нам приходится терпеть, были не столь заметны, делать вид, что мы сохраняем спокойствие, почти безразличие, а это нам не всегда удается. Чем загладить незабвенную речь, которую он симпровизировал в сингапурском аэропорту? Традиция настоятельно советует, чтобы никто не оставался равнодушным к папской аудиенции и выходил после нее глубоко тронутым, причастившись его духовного тепла и таланта... Однако в последнее время он вызывал у людей только ужас и смятение. Ему, несомненно, являются видения, и видения эти исходят не от Бога, а от дьявола. В том случае, о котором я упомянул, в Сингапуре, пришлось совершить настоящий подвиг, чтобы заткнуть рот журналистам. К счастью, наша пресс-служба самая эффективная в мире, но постепенно мы начинаем впадать в избитые оправдания. Мы обходим, как можем, все вопросы и недоумения, возникающие на его пути, но... Ссылаемся то на грипп, то на то, что он упал, принимая ванну, уж и сам не знаю на что. И это при всем том, что мы храним ото всех нависшую в эти минуты над Церковью угрозу — Папа, восставший против своих же духовных чад. К нашим настоятельным просьбам и требованиям он не прислушивается. Я просил его возобновить общие аудиенции по средам, столь необходимые, как мы полагаем, чтобы укрепить веру в нашем переменчивом народе, столь склонном к утрате веры и отчаянию. Знайте же, наконец, что вот уже три месяца как мы в качестве экстренной меры осмелились предложить ему отречься.

— Что? Неужели это возможно? И что он ответил?

— Им овладел гнев, досточтимый брат, и на следующий день он письменно дал нам знать, что, если что-либо подобное повторится, он начнет массовое отлучение. Невероятно, вам не кажется? Похоже, он запомнил, что это мы его избрали... Дело в том, брат Гаспар, что его обязанности священны, а он пренебрегает ими: способствовать нашему будущему процветанию, помочь Церкви просуществовать третье тысячелетие, полное опасностей. И действительно, я не знаю его мнения, но мне представляется, что в эру науки, атеизма и безбожия, эру, когда Иисус исчезает из религиозного сознания молодежи, при опустошительном кризисе и нехватке людей, посвятивших себя духовному призванию, организованных и послушных священнослужителей, в эру, когда на нас со всех сторон обрушивается град проклятий, мне представляется, повторюсь, необходимым, чтобы Преемник святого Петра ясно и твердо направлял свою паству, не давая ей впасть в смятение, ибо разве не смятение — главное оружие дьявола?

Брат Гаспар кивнул.

— И так как мне повелевает мой долг, я сообщил обо всем этом Кардинальской коллегии, чья озабоченность, да будет вам известно, весьма велика. Вот почему вы здесь, брат Гаспар: первоначально идея была выдвинута Государственным советом, но, что логично, мы посчитали необходимым проконсультироваться по данному вопросу со Священной конгрегацией по вопросам вероучения, чтобы рассчитывать на ее поддержку (а вы уже знаете, какие они щепетильные). С самого начала префект, его высокопреосвященство кардинал Джозеф Хакер, не только не стал противиться, но, прочтя вашу книгу, пожелал благоприятствовать встрече...

— Кардинал Хакер прочел мою книгу? — спросил монах, не скрывая своего удивления.

— Да, естественно. Короче говоря, он собирается встретиться с вами. Его высокопреосвященство уже, наверное, вернулся из Хельсинки? — обратился кардинал к своему секретарю, монсиньору Луиджи Бруно.

— Сегодня вечером, если не ошибаюсь.

— Хорошо, — сказал кардинал. — Так на чем мы остановились?

— Священная конгрегация... — напомнил ему брат Гаспар.

— Действительно, нам надо рассчитывать на ее поддержку. И, думаю, мы ее получим. Верю, верю, брат Гаспар, что все недомолвки и сомнения, касающиеся Учения, будут

отброшены в сторону Священной конгрегацией: если Папа одержим, то наиболее логичным будет, если специалист по экзорцизму, принадлежащий к нашей Церкви, увидится с ним и вынесет свое сведущее суждение, чтобы действовать соответственно. А если мы подумали о вас, то потому, что недавно, за трапезой, Папа высказался (вполне восхищенно) о вашей книге и выразил желание с вами познакомиться. Поэтому монсиньору Дельпу, который еще не подвергся опале, было поручено намекнуть о том, что было бы интересно дать вам личную аудиенцию. Насколько нам известно, Римский Первосвященник с воодушевлением отнесся к этому предложению и подписал соответствующее письмо, текст которого, разумеется, был составлен монсиньором Луиджи Бруно, который в совершенстве имитирует дрожащий почерк Папы.

— Так оно и было, — подтвердил Бруно.

— Вот почему вы здесь, брат Гаспар. Теперь понимаете?

Доминиканец кивнул, хотя и не понимал, по крайней мере не все, поскольку некоторые из фактов, предложенных его вниманию, явно противоречили друг другу, тогда как другие были преступны, подобно зловещей фальсификации монсиньора Луиджи Бруно, если не ужасающе, как упоминание о кардинале Хакере, префекте по вопросам вероучения, который суровостью своих наказаний и санкций стяжал повсеместную славу инквизитора, не признавая ни малейшего уклонения от установленной доктрины и порой превращая свою строгость в истинную пытку для прелатов, известных незапятнанностью своего поведения и признанными богословскими добродетелями.

— Мы полностью доверяем вашему умению хранить тайну и вашей преданности, — продолжал кардинал Кьярамонти, — и мне больше всего хотелось бы, чтобы вы поняли серьезность ситуации и подстерегающую нас страшную опасность.

Брат Гаспар вновь кивнул, и присутствующие закивали тоже в знак обоюдного согласия, которое брат Гаспар перед лицом своей совести мог только приветствовать.

— Отлично! — воскликнул Кьярамонти, с очевидной симпатией хлопая его по колену. — Когда вы полагаете встретиться с Папой?

— Пока мне ничего не сообщали, ваше высокопреосвященство. Так что мне остается только ждать, пока монсиньор Лучано Ванини не укажет мне точное время. Однако надеюсь, что ждать осталось недолго.

— Мы тоже, — сказал кардинал.

Было хорошо заметно, что его высокопреосвященство остался весьма доволен второй встречей и доминиканец прошел испытание огнем, не опалив ресниц.

Тем не менее он никогда не мог вообразить, даже в самых страшных своих кошмарах, подобный клубок явных несурязиц и путаных ватиканских дел, но он еще больше внутренне смутился, когда, уже считая встречу законченной и намереваясь удалиться к себе в гостиницу, вздумал спросить его высокопреосвященство, не хочет ли тот что-либо добавить, и тогда к своему удивлению услышал, что им не хватает еще одного игрока для партии в покер и что они остались настолько довольны тем, как он вел игру накануне, что его кандидатура была не второй и не третьей, а первой из предложенных, и, прежде чем брат Гаспар успел найти уважительную причину, которая позволила бы ему покинуть Епископский дворец, они сумели улестить его, сказав, что он непревзойденный соперник, отличающийся великим умом и интуицией, и жаль, что накануне ему иногда приходилось сталкиваться с великолепными комбинациями, на которые был способен исключительно Кьярамонти, и жаль также, что под конец он проигрался, и они сошлись на том, что готовы ссудить ему денег, чтобы он мог принять участие в игре, наверняка зная, что его ресурсы слишком скудны, и таким образом он уже, как во сне, подписывал документ, жестко закреплявший за ним статус должника, и вот уже были убраны бумаги, книги, кодексы и без умолку и без толку трезвонившие телефоны, вот уже подали вино и джин с тоником для архиепископа, вот уже расстелили сукно и появились злополучные карты, которые кардинал Кьярамонти стасовал с мрачным, не сулящим ничего хорошего взглядом, пока остальные игроки следили за движениями его рук с пристальным и не совсем безосновательным

подозрением.

V

Общество больно. Единственная надежда, единственное средство — Папа.

Пий X

Поскольку очевидно — и никто не скрывает того, — что всякое совершенство заключается в том, чтобы принимать и сносить удары судьбы покорно и без паники, свободно и жизнерадостно, и так вплоть до самой смерти, не задаваясь вопросами, к чему это и откуда, за исключением открывающихся нам на каждом шагу чудес Божиих — по крайней мере так утверждают мистики, — не менее очевидно было и то, насколько далек от этого идеала брат Гаспар, поскольку Богу снова не было угодно, чтобы в свою шестую ватиканскую ночь он смог возлечь на ложе сна с миром, как то подобает каждому доброму христианину, хотя причины всех этих забот и тревог не могли быть более ясными и недвусмысленными, ибо совесть брата Гаспара была обременена, во-первых, долгом перед его высокопреосвященством кардиналом Кьярамонти, а во-вторых, пусть и меньшей, но тоже не совсем уж ничтожной задолженностью, которой он был обязан господину архиепископу, причем в общей сложности оба долга составляли такую сумму денег, какой у него никогда не водилось и какая вряд ли могла появиться, а между тем его высокопреосвященство манипулировал картами так же умело, как, без всяких на то сомнений, проделывал уже второй вечер подряд. Его стиль игры можно было бы определить как бесстрастный и систематичный; холодный, тусклый и бессердечный; он не принадлежал к числу игроков, которые полагаются на интуицию, им руководила вера в статистику, и он не давал увлечь себя необоснованно высоким ставкам своих противников; если в какой-либо партии ему не везло, он отделялся минимальными неизбежными потерями, делая вид, что терпит значительный ущерб, и наоборот, если партия оставалась за ним, лестью кружил голову остальным игрокам и причинял им огромный и нелепый урон, несоразмерный предопределениям судьбы, поскольку в иных случаях ему хватало пары семерок, чтобы запугать игрока, который мог бы у него выиграть, и в пух и прах разгромить другого, делавшего ложную ставку. Он был наделен особым талантом, который позволял ему владеть выражением своего лица и притворяться, что у него на руках ничего нет, когда все было в его руках, однако все эти наблюдения приходили, когда было уже поздно, и вполне могли считаться несвоевременными, так как было яснее ясного, что причина всех бед именно в нем, открыто признававшемся, что карты — его слабость.

Таким образом, брат Гаспар и эту ночь провел очень плохо, даже хуже, чем предыдущую, чуть ли не каждую минуту просыпаясь из-за кошмаров и невыносимых видений, которые его возбужденный мозг проецировал на занавес закрытых век, так же как и из-за комара, снова появившегося и упрямо не дававшего монаху покоя, причем что-то подсказывало ему, что это не простой комар, а тот, которого он подцепил за базиликой Святого Петра и который последовал за ним, чтобы обосноваться в его спальне и нарушать его отдых, не давая ни минуты передышки в эту шестую ватиканскую ночь, и, несмотря на неоднократные попытки затеять на него охоту, все они ни к чему не привели. Что касается бесконечных кошмаров, преследовавших его во сне, то они кишели вампирами и демонами; летучими существами, искавшими, как бы получше впиться ему в вены, высосать кровь и окончательно погубить его; мрачными улыбками и пугающим хохотом; внезапными сменами света и неожиданных ужасов; бегством от преследования по галереям, коридорам и часовням; тенями, укусами, криками и снова бегством, раз за разом, от смерти, которой так и не удавалось его настичь, пока он не понимал, что это происходит потому, что он уже мертв и уже одержим и превращен в одного из омерзительных демонов, наподобие тех, которым доставляло такое удовольствие со смехом созерцать его агонию. Таким образом, в ту ночь он

с полдюжины раз просыпался, вскакивая на постели, и столько же раз снова впадал в забытие. К счастью, всегда наступал момент, когда, поднявшись на поверхность из мрачных глубин, сознание подсказывало ему, что все это лишь сон, и тогда он твердо решал проснуться навстречу бессонному свету, так как страх и беспокойство, которые он почти постоянно испытывал, были едва выносимы. Прежде чем зажечь ночник, он чувствовал жужжание комара у себя над ухом и ненавидел и проклинал его на все лады; странно, однако ему казалось, что комар напоминает викария Лучано, а иногда его воображение разыгрывалось настолько, что при взгляде на насекомое брату Гаспару казалось, что его крохотная головка — скрупулезная копия головы кардинала Кьярамонти или монсиньора Ванини. Но из всех кошмаров сильнее остальных ранил его душу тот, в котором монсиньор Лучано Ванини исполнял роль главного демона, тот, в котором ему приходилось платить дань и в конце концов склонять голову и сгибать спину перед горькой чашей и игом креста, и в таком положении формально заключался договор, по которому Гаспар пил кровь монсиньора, холодную, как у рептилии, а тот жадно пил его кровь. Так что той ночью он целиком предавался Лучано Ванини, сливаясь с ним воедино, и холодная, как лед, кровь монсиньора текла по жилам бедного Гаспара, и только тогда Ванини объявлял ему, что аудиенция с Римским Первосвященником состоится скоро.

При зажженном свете (ибо свежие следы недавних видений еще могли испугать его) Гаспар пытался убедить себя, что сны — всего лишь сны, а демоны и вампиры не более чем плод фантазии, однако стоило ему закрыть глаза, как над ухом раздавалось комариное жужжание, и тогда, хотя стояла невероятная жара, он с головой укрывался мокрыми от пота простынями и одеялами, и, если ему наконец и удавалось заснуть, вскоре он опять просыпался распятый вверх ногами, либо падая из огромного окна, либо задушенный одним из ангелов Сатаны. Силы его были уже на пределе, когда он решился сжечь веточку розмарина, которую всегда возил с собой, чтобы очистить комнату и распугать бесов, после чего нашел убежище в успокоительном шепоте святой молитвы и таким образом наконец одолел все страхи и крепко уснул перед самым рассветом. Однако вскорости затрезвонил телефон. Это оказался добряк Филиппо с сообщением, что Гаспару звонят.

— Кто? Кто меня спрашивает, Филиппо? — пробормотал спросонок монах.

— Монсиньор Лучано Ванини.

— Кто?

— Монсиньор Луча...

— Не может быть, — прервал его Гаспар.

— Сказать, что вас нет?

— Нет-нет, соедини нас.

— Доброе утро, любимый.

Это был голос Ванини.

— Что тебе надо? — ответил Гаспар, не скрывая раздражения. — Еще только...
Который час?

— Папа желает видеть тебя сегодня утром, — объявил Ванини без предисловий. — Я зайду за тобой в течение часа. Устраивает?

Монах пробормотал что-то в знак согласия, и Лучано, не сказав больше ни слова и даже не простившись, повесил трубку, а брат Гаспар поспешил привести себя в порядок и наспех прочел утренние молитвы, пытаясь придать бодрости своему изнуренному духу.

Он не мог не обратить внимания на солнце, воссиявшее над этим новым днем, который обещал стать одним из самых важных в его жизни. И, без сомнения, он был таковым. Наконец-то он увидит Папу, Римского Первосвященника, Преемника святого Петра, первоначально и вечную и зримую основу единства всех епископов и огромного множества правоверных католиков. Наконец он увидит Папу, и он не мог скрыть своего великого волнения, когда монсиньор с непривычной торжественностью зашел за ним в гостиницу, а затем повел по садам и дворикам, по величественным лестницам, охраняемым

швейцарскими гвардейцами, которые, вытягиваясь перед ними по стойке смирно, подносили к виску правую ладонь и приветствовали их легким движением головы и стальным блеском голубых глаз. Наконец-то он увидит Папу.

— Какие красавцы, верно, брат Гаспар? — спросил монсиньор, подмигивая и выходя за рамки приличий, которых придерживался до сих пор. — Мы, католики, прежде всего эстеты. Не будь мы эстетами, мы не протянули бы столько веков. Не веришь? Да, мы погибли бы безвозвратно. Эстетизм — вот в чем наша великая сила, наш самый неопровержимый аргумент.

Гаспар даже не удостоил его ответом.

— Смотри-ка, а этого я не знаю, — сказал монсиньор Гаспару, указывая на гвардейца, стоявшего навытяжку в безлюдном коридоре. — Наверное, новенький, — шепнул Ванини.

Они прошли мимо гвардейца, который немедленно воинственно вытянулся по стойке смирно.

— Скажи, ты новенький?

Гвардеец кивнул:

— Сегодня — второй день моей службы, монсиньор...

— Монсиньор Лучано Ванини, лично прислуживаю Его Святейшеству. Возьми, — и он протянул гвардейцу свою карточку, которую часовой взял, даже не взглянув на нее. — Как тебя зовут?

— Франко.

— Ах, Франко, красивое имя. Из каких краев?

— Из Эммена, Люцерн.

— Знаю это место, очень красивое. Любишь кататься на лыжах?

— Очень.

— Ну, понятно, как и все. Полагаю, ты знаешь о правилах, принятых на этой службе, такой необычной и привилегированной?

Хотя гвардеец кивнул, монсиньор Ванини посчитал нелишним напомнить ему:

— Никакого вина, курения и никаких девочек. Ты знаешь, что новобранцам не разрешено жениться в течение пяти лет, и негоже заставлять бедных фемин страдать так долго или, что еще хуже, губить их для Царствия Небесного.

Гвардеец снова кивнул.

— Мы рады видеть тебя здесь, Франко, — сказал Ванини.

— Спасибо.

— Если у тебя заболят ноги, можешь присесть на минутку, ничего страшного. Мы ведь не какие-нибудь изверги. Еще увидимся, Франко.

Гвардеец кивнул в третий раз, и монсиньор с монахом продолжили свой путь.

— Куда мы направляемся, Лучано? — спросил явно взволнованный брат Гаспар. — В зал для аудиенций?

— Нет, в его личный кабинет, — ответил монсиньор Ванини, внезапно останавливаясь перед огромным окном, за которым виднелись прозрачная синева римского неба, зелень городских садов, памятник святому Петру и антенна «Радио Ватикана».

Естественно, он тоже посчитал, что подобное замечание не заслуживает ответа; они прошли дальше и вновь углубились в очередной лабиринт коридоров и лестниц, ведущих в личные покои Папы.

Прежде чем распахнуть одну из бесконечных дверей, Лучано внезапно остановился, опять напустил на себя серьезный вид и сказал брату Гаспару, что обязан кое о чем его предупредить: во-первых, он ни на минуту не сможет остаться с Папой наедине, поскольку он, Лучано, будет постоянно присутствовать при их беседе, хотя и постарается вмешиваться как можно меньше; во-вторых, он должен хорошенько взвешивать каждое свое слово не только потому, что в последнее время восприимчивость Папы болезненно обострилась, но прежде всего потому, что обычай требует, чтобы в подобных случаях посетитель больше слушал, нежели излагал собственные мнения, которые, несмотря на свою незначительность,

могли помешать сосредоточенности, требовавшейся от Папы; и наконец, аудиенция в любом случае не должна продолжаться более получаса, чтобы не перегружать его и без того подточенные силы и не злоупотреблять скудным временем, которым он располагал, чтобы справиться со всеми делами своего насыщенного расписания, на что у брата Гаспара, естественно, не нашлось возражений; они миновали дверь и углубились в новую череду залов и галерей, и эти беспрестанно распахивающиеся и захлопывающиеся двери, коридоры и коридорчики, пустующие жилые и нежилые помещения уже начали давить на брата Гаспара, испытывая его терпение, пока наконец они не остановились перед очередной дверью, которая никем не охранялась, но Гаспар чутьем уловил, что это последний рубеж. Лучано Ванини постучал в дверь костяшками пальцев, подождал ответа, но, поскольку такового не последовало, шепнул:

— Наверное, в ванной.

Однако вслед за этим он снова постучал в дверь, добавив:

— Святой Отец, разрешите? — И снова никто не снизошел ответить. — Святой Отец?

Тут Лучано, набравшись храбрости, приоткрыл дверь без всякого на то разрешения, и действительно, нагнувшись над сравнительно небольшим письменным столом, сидел Святой Отец, от которого — не могу не упомянуть об этом — исходило сверхъестественное сияние. Глаза брата Гаспара увлажнились от волнения, копившегося уже почти целый час.

Стоило двери открыться, как Римский Первосвященник поднял голову и посмотрел на вошедших словно бы из запредельных далей, и брат Гаспар, едва войдя в более чем скромно обставленный кабинет, почел за лучшее чуть приблизиться к высочайшей особе, смиреннейшим образом преклонить колена в низком поклоне и с трепетом в голосе произнести:

— Я у ваших ног, Святой Отец.

Ему показалось, что ответ медлит века, поэтому он поцеловал край папского одеяния и продолжал:

— В смирении мое богатство.

Но и на сей раз быстрого ответа не последовало, и все же наконец он услышал дрожащий голос, как бы через силу обращавшийся к нему:

— Мы очень желали вас видеть, сын мой, но садитесь, садитесь же, сын мой.

Брат Гаспар поднял увлажненный взгляд, выпрямился и сел напротив Папы, как тот его и просил. На коленях у Папы дремал персидский кот, чья иссиня-черная шерсть оттеняла снежную белизну почти прозрачной руки Его Святейшества, кожа которой светилась яркими шелковистыми переливами, словно омытая в вечности. На нем была простая белая сутана и такая же белая короткая мантия и скуфья. Вообще же в кабинете царил ледниковый холод, но, несмотря на это, несколько капелек пота словно застыли в складках перламутровых морщин папского чела.

Брат Гаспар подождал, пока к нему обратятся, но, так как Папа сидел молча, все с тем же потерянном выражением лица, он спросил:

— Как ваше здоровье, Святой Отец?

Святой Отец поглядел на Лучано Ванини, Лучано Ванини посмотрел на Святого Отца, который после долгого молчания произнес:

— Кто этот холеный монах, Лучано? Нам он неизвестен.

Брат Гаспар в некотором замешательстве посмотрел на Лучано, который только пожал плечами.

— Кто он? — снова спросил Папа.

Хорошо еще, что монсиньор наконец-то решил вмешаться:

— Брат Гаспар Оливарес из ордена братьев-проповедников, помимо прочего автор книги «Аз есмь Сатана», прославленный экзорцист.

— А, да, мы знаем, кто это, — сказал Папа, мигая, словно его слепил яркий свет, и одновременно лаская потягивавшегося кота. — Мы очень желали с вами познакомиться. Но садитесь же, сын мой, садитесь.

Брат Гаспар, естественно, не повиновался, учитывая то обстоятельство, что он и без того уже сидел.

Папа выдвинул ящик стола и стал в нем шарить.

— Куда же мы это положили? Нигде нет. Кто-то постоянно перекладывает наши вещи, — сказал он, бросая обвинительный взгляд на монсиньора Ванини, после чего возобновил поиски. — А, вот они, — добавил он, выуживая из бумаг очки в золотой оправе. Водрузив их, он живо огляделся и несколько резко добавил: — Зачем вы приехали?

— Что? — переспросил брат Гаспар, не в силах скрыть удивления.

— Да, да, зачем? Или вы тут проездом?

Гаспар не знал, что отвечать.

— Вы турист? Приехали по туристической путевке? — спросил Папа. — Уже посмотрели наши музеи? И что, понравилось? Мы находим это зрелище возвышенным, — сказал он, тяжело дыша. — Все эти произведения искусства, похищенные нашими предшественниками в разных местах, сваленные в кучу без разбора, так что никто не может привести их в надлежащий порядок, так что никто точно не знает, чем мы располагаем и где разместить наши сокровища. Некоторые с пылкой заинтересованностью советуют нам создать новый музей или расширить уже имеющиеся и подсказывают нам именитых архитекторов и строителей за невесть какие комиссионные, но мы отвечаем им: «Зачем нам тратить на это наше время?» Похоже, затем, чтобы нашлось место для новых скульптур, новых картин, новых... «Еще, еще и еще», — вот девиз Ватикана. «Но зачем? — снова спрашиваем мы, — зачем нам новый хлам, если никто не хочет смотреть на то, что уже есть?» Сжечь бы все это. Что, не верите? Немного серной кислоты — вот что не помешает Сикстинской капелле. А если нет, то продать ее японцам, которые все скупают. Уже есть парочка заинтересованных фирм. Ну, ладно, вы-то зачем приехали? Если, конечно, позволите знать?

Брат Гаспар не знал, что ответить, и однако же ответил:

— Я думал, что приехал по вашему зову, Ваше Святейшество.

Голос его дрожал, и мысли трепетали.

— А зачем нам было вас призывать? Вы что — важная шишка? Что вы такого сделали, чтобы мы пожелали вас видеть? Книжки пишете? Велика новость! Многие пишут книги — так что же: нам всех их принимать? Эх вы, шелкоперы: все вы тщеславные, а тщеславие — грех, который не заслуживает ни нашего любопытства, ни снисхождения. По правде говоря, не представляю себе ничего более скучного, чем тщеславный человек.

— Что? — залившись краской, спросил Гаспар, поскольку никак не мог переварить слова Его Святейшества, несмотря на все свои старания принять их в душу.

— Каковы ваша повестка дня и цель пребывания в Ватикане? Или вы храните их в тайне?

Брат Гаспар резко отрицательно покачал головой, при виде чего Папа выдвинул ящик стола и достал пакет, в котором бедняга Гаспар тут же признал документы, переданные ему кардиналом Кьярамонти и — теперь сомнений уже не оставалось — выкраденные у него монсиньором Лучано Ванини, личным слугой Римского Первосвященника — вором и предателем.

— Прошу вас, брат Гаспар, — сказал Папа, обмахиваясь пакетом, как веером, — пооткровенничайте с нами, ваша задача, ваше поручение, ваша миссия? В чем они? Шпионить за нами? Если нет, то какого черта все это значит? Почему вы за нами следите? Мы так устали... Так устали от бесконечных жалких интриг... Как мы одиноки. Самый одинокий человек на свете, всеми покинутый. Мы живем в стеклянной клетке, как шимпанзе. Знаете, брат Гаспар, мы чувствуем себя частью какой-то декорации, словно мы в чужом доме. Нам не дают свободы выражения, не дают... Кто мы такие для большинства людей? Едва ли больше, чем ярмарочный аттракцион, марионетка в белом. Почему нас так одевают?

— Чтобы вы лучше выглядели, — сказал Ванини.

— А ты молчи, Лучано, вечно ты говоришь, когда не просят, а когда открываешь рот,

обязательно сморозишь какую-нибудь глупость.

— Простите, — сказал монсиньор и несколько раз поклонился, — простите, простите...

— Червь, — вполголоса произнес Папа и снова обратился к Гаспару: — Хорошо, вернемся к нашим делам, кто передал вам этот пакет? — спросил он, хотя явно уже знал это, потому что ему сболтнул некий монсиньор. — Кьярамонти, верно?

Гаспар кивнул.

— И что вам сказал мой государственный секретарь? Помимо клеветы и преувеличений, которые он излагает письменно, что он вам еще сказал? Потому что он должен был сказать вам что-нибудь, правда, мой глубокоуважаемый брат? Потому что не мог же он просто так передать вам эту гнусность.

Он швырнул пакет на стол с безграничным презрением, взял кота, спустил его на пол и остановил на нем взгляд.

— Пошла прочь, киска! — сказал он, медленно махая рукой, но с явным намерением испугать кота.

Кот после минутного колебания, мягко ступая и с достоинством урча, направился к дверям, на мгновение остановившись, чтобы потереться о ноги монсиньора Ванини.

— Ответьте мне, брат Гаспар. Что сказал вам Кьярамонти?

— Его высокопреосвященство предполагает, — признался доминиканец, — что Ваше Святейшество поддерживает отношения не совсем с тем, с кем следует.

— С кем же это? — спросил Папа, не сумев подавить выражения величайшего любопытства, промелькнувшего на его лице.

— С дьяволом.

Папа недоверчиво поглядел на Гаспара, поднял руку, словно собираясь что-то сказать, но так и не промолвил ни слова. Щеки его раздулись, и мгновение спустя он будто выплюнул презрительный смешок. Затем бросил взгляд на монсиньора, который тоже посчитал уместным хохотнуть.

— Ну а вы как специалист, каково ваше мнение? — И, так как Гаспар молчал, папа добавил: — Почему вы ничего не говорите? Молчание вам не на пользу.

— Предположение его высокопреосвященства, — ответил брат Гаспар не торопясь, скорее со спокойствием человека, успевшего хорошо обдумать дело, — при всем к нему уважении кажется мне по меньшей мере недопустимым.

— Вот как. И почему же?

— Потому что, по крайней мере исходя из формулировки его высокопреосвященства, это было бы все равно что допустить одержимость самого Святого Духа, и, хотя мы можем в конце концов прийти к подобному богословскому противоречию, мы не должны пренебрегать мыслью о том, что если Папа поддерживает отношения с Нечистым, то это случай из ряда вон выходящий, тут нет ни малейшего сомнения, но отвечающий Божественному промыслу, и горе нам, если мы лелеем мечту постичь замыслы Божии. В откровении нам явлена истина: именно уступив этому искушению — отведать плода с древа познания и уподобиться самому Богу, — наши прародители обрекли себя на изгнание из рая. С другой стороны, святой Хуан де ла Крус с его несокрушимой логикой учит нас, что дьявол гораздо выше ценит душу, преданную Богу, чем бесповоротно осужденную, потому что последней нечего терять, тогда как первая теряет очень многое, поэтому в порядке вещей, что отец лжи наведывался ко всем святым, тогда как безбожники проводили жизнь, ни разу не подвергнувшись его нападкам и не сталкиваясь с ним въяве. Если Папа поддерживает сношения с дьяволом, то по причине своей святости, а не грехов. В любом случае предположение кардинала Кьярамонти есть нечто такое, что я даже не хотел бы подвергать рассмотрению, хотя в то же время вынужден засвидетельствовать, — закончил брат Гаспар, искоса поглядывая на Лучано, — что Нечистый появляется в некоторых уголках Царства святого Петра.

Папа, похоже, не поверил словам доминиканца.

— Признайтесь, брат Гаспар, вы действительно верите в дьявола?

— Естественно, Ваше Святейшество.

— Естественно! — воскликнул Папа. — Боже мой, конечно! Как же иначе? Значит, вы решили, что мы каменные... Каменные, — повторил он, как эхо. — Никогда не было так хорошо сказано, как в данном конкретном случае, — добавил он после длительного молчания. — Вот это, насчет камня и Петра: «И на сем камне Я создам Церковь Мою», Матфей, глава шестнадцатая, стих восемнадцатый и так далее. Значит, вы решили, что мы каменные. Поистине, наша фантазия достойна восхищения. Конечно же, возлюбленный брат мой, мы читали вашу книгу.

— Я очень рад, — сказал Гаспар.

— Чего мы не можем сказать о себе. Никогда в нашей жизни нам еще не встречался такой ворох нелепиц. Какую цель вы перед собой ставили, когда писали вашу книгу? Еще больше запутать нашу паству? Все дело в том, брат Гаспар, чтобы найти слова, которыми можно было бы говорить о Боге так, чтобы Он не показался безумной выдумкой, а по вашей книге можно сказать только обратное. Дьявола не существует, мой друг. К чему распространять подобные небылицы?

— Монсиньор Лучано Ванини, который состоит на вашей службе и которого мне волей-неволей пришлось наблюдать с близкого расстояния в последние дни, — торжественно произнес брат Гаспар, — не кто иной, как слуга Вельзевула.

Папа взглянул на него с еще большим изумлением, а потом перевел такой же взгляд на монсиньора, который прикрыл лицо рукой, словно стыдясь чего-то или задумавшись о чем-то.

— Это Вельзевул? — спросил Папа с выражением лица, в котором читалось глубокое недоверие. — С чего вы взяли?

— Он мне в этом признался.

— В чем? Когда?

— Два дня назад.

— И вы ему верите? Как можете вы верить ему, если всем известно, что он отъявленный лжец. Разве вы не знали? Никто в Ватикане не воспринимает его всерьез. Если бы Лучано назвался Наполеоном — вы бы тоже ему поверили? Какой же вы наивный, брат Гаспар. Это крайне меня удивляет. Дьявол — это суеверие, друг мой. Не осталось ни одного католика, который попался бы на эту удочку. В любом случае, если бы он реально существовал, как вы пытаетесь доказать в ваших абсурдных книгах, то мне жаль бедного дьявола, которому пришлось доверить какое-нибудь важное поручение такой бездарии, как Лучано. Итак, — обратился он непосредственно к монсиньору, — итак, Лучано, признавайся — ты служишь Вельзевулу? А может, ты сам — Вельзевул? Или кто-нибудь в этом роде?

— Ни то, ни другое и ни третье, Святой Отец.

— Тогда зачем ты распускаешь свои химеры, когда у брата Гаспара голова и без того забита бог весть чем?

— Я сказал это, только чтобы напугать его.

— А зачем тебе понадобилось пугать этого бедного монаха? Что он тебе сделал? Как не стыдно. Тебе не кажется, что такое поведение недостойно христианина? — Монсиньор Ванини покаянно и пристыженно склонил голову. — Мы довольны и недовольны, брат Гаспар. Довольны? — переспросите вы. Почему мы довольны? Потому что вы как дитя, и то, что такие агнцы еще остались в нашей Церкви, вызывает у нас глубокую нежность, хотя и не без примеси сожаления. Вы просто чудо, настоящее чудо, брат Гаспар: последние две тысячи лет прошли для вас незамеченными, как будто за все это время в мире не творилось столько злодеяний. Вы — претендент на папский престол, которого надо иметь в виду. Хотя сейчас мне пришло в голову, что, если не сделать вас кардиналом, шансов у вас маловато. Вам должно быть известно, что теоретически любой может быть избран Папой, но практически либо ты кардинал, либо... Откуда вы приехали?

— Из Касереса.

— Что за город? Где он находится? К какой епархии принадлежит? Ты не знаешь? —

спросил Папа, глядя на монсиньора Лучано Ванини, который только пожал плечами. — Ладно, какая разница. Быть тебе кардиналом.

— Пресвятой Отец, — прервал его Лучано.

— Что?

— Кардинальская коллегия косо посмотрит на это назначение.

— А что тут такого?

— Она посчитает его поспешным. Даже архиепископом он не может стать. Даже епископом. Даже монсиньором. Он никто. Монах, который пишет книги и выращивает помидоры.

— Этот Лучано прав. Лучше действовать потихоньку. Для начала мы можем назначить вас заместителем секретаря Папского совета по укреплению единства христианского мира. Что вы на это скажете?

— Но эта должность занята, — возразил Лучано.

— Разве? Ну что ж, тогда назначим вас ответственным за чрезвычайные ситуации.

— А это что такое? — спросил брат Гаспар.

— Так вы отказываетесь?

— Нет, конечно, разумеется, я весь в вашем распоряжении, Святой Отец, — поспешил сказать брат Гаспар.

— Или, еще лучше, попробуем другой маневр: мы можем назначить вас архиепископом Лусаки, точно, быть тебе архиепископом Лусаки.

— Лусаки? — встревожился брат Гаспар. — Где это?

— Лусака — столица Замбии. Как вы понимаете, не можем же мы сделать вас архиепископом Парижа! Курия на нас накинется. А Лусака... Кого она волнует? Там это пройдет самым незаметным образом.

— И мне придется переехать в Замбию?

— Нет, нет, это для придания весомости, чистая формальность, спешить некуда. Мы хотим, чтобы вы были здесь, Гаспар, с нами.

— Архиепископ Лусаки... — повторил Гаспар, не в силах сдержать тоскливого чувства.

— И что? Как звучит? По-моему, неплохо. Эта должность свободна, правда, Лучано? — Лучано неохотно кивнул. — Итак, что скажете? Вам это по вкусу? Сказать начистоту, золотых гор не обещаю, но предупреждаю, что мы не позволяем нашим архиепископам убиваться на работе. Плести интриги, распускать слухи — это у них прекрасно получается, но работать... Лучано, — произнес Папа, снова обращаясь к монсиньору, — как ты думаешь: если я сначала назначу этого экзорциста архиепископом Лусаки, а потом, я думаю, и кардиналом, кто-нибудь на нас рассердится? — Лучано промолчал, но лицо его сморщилось, что должно было служить признаком великого презрения ко всей этой затее. — Что им сердиться? Разве мы не непогрешимы? Итак, — продолжал Папа, — деталями займемся позднее. Так или иначе, я рад, когда представляется редкий случай приветствовать благородного и доброго христианина. Мы говорим это от всего сердца, без малейшего намерения попусту льстить вам. «Если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное», — Матфей, глава восемнадцатая, стих четвертый.

— Нет, — поправил его брат Гаспар, — Матфей, глава восемнадцатая, стих третий.

— Вы уверены?

— Совершенно, — подтвердил Гаспар.

— Нет, — вмешался Лучано, — Матфей, стих третий, но глава не восемнадцатая, а девятнадцатая.

— А ты бы помалкивал, Вельзевул, — сказал ему Папа. — Так на чем мы остановились? Вот и потеряли нить. Как только этот открывает рот, наши мысли начинают путаться. Ах да, Матфей, глава восемнадцатая, стих третий: «Истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное». Но вы уверены, — снова спросил он Гаспара, — что это Матфей, глава восемнадцатая, стих третий? Как-то не звучит.

А может, стих второй? Есть у кого-нибудь Книга Наставлений?

— Что? — спросил брат Гаспар, стараясь не выдать своего удивления, но невольно выдавая его.

— Библия, друг мой. У вас совсем нет чувства юмора. Видите? Видите, что нам и слова нельзя сказать, чтобы нас не осуждали? Итак, у кого есть при себе Библия?

Брат Гаспар отрицательно покачал головой, и Папа посмотрел на монсиньора, который, казалось, был в ярости.

— У меня тоже нет, — сказал он, — и вообще я не вижу здесь ни одной.

— Сапожник без сапог, — сказал брат Гаспар.

— Что? — переспросил Папа. — Что вы сказали?

— Это поговорка.

— Так, так, как это?.. «Сапожник...»

— Сапожник, — повторил брат Гаспар, — без сапог.

— «Сапожник, — сказал Папа, словно взвешивая каждое слово, — без сапог». Нет, это нам не нравится. Вздор. Итак, есть у кого-нибудь Библия?

Но Библии ни у кого не было.

— Сходи попроси у сестры Аделы одолжить нам свою, — обратился Папа к монсиньору.

Ванини вышел, и Папа, пользуясь случаем, сказал Гаспару:

— Слушай, ведь не будет ничего страшного, если мы перейдем на ты, правда? В конце концов, мы, можно сказать, коллеги.

— Ничего страшного, Ваше Святейшество, но очень боюсь, что мне потребуются великие усилия, чтобы обращаться на «ты» к Римскому Первосвященнику, живой основе нашей Святой Католической...

— Прощу тебя об одном личном одолжении, Гаспар, — прервал его Папа. — Оставь ты эту высокопарную манеру выражаться. Несомненно, ты недавно общался с какими-нибудь кардиналами. Этот язык заразителен, как чума, и ни к чему нас не приведет. По крайней мере, когда мы говорим наедине. Если речь идет о средствах массовой информации, энцикликах и соборах, то там, конечно, другое дело, и нам подобает изъясняться возвышенно, но, чтобы пошептаться, нам это не нужно. Скажи по-честному: он тебе нравится?

— Кто?

— Лучано.

— Лучано?

— Монсиньор Ванини. Нравится он тебе?

Гаспар пожал плечами; казалось, его уже ничто не может удивить. И, действительно, он предчувствовал, что утратил способность удивляться до конца своих дней.

— Не хочешь спросить, почему я назвал его Вельзевулом? Кому такое придет в голову? Только такому типу, как «доктор монсиньор Лучано Ванини, личный слуга Его Святейшества». Ты не видел его визитных карточек? Будет случай — попроси его показать. Как он важничает, какой напускает вид, ходит по Ватикану так, будто это его земля! Вот почему я назвал его Вельзевулом. И ты, Гаспар, ему поверил? Какой экстравагантный человек. Тебе не кажется? Слушай, а ты обратил внимание, что он подводит глаза? А зачем он это делает? Какое смятение царит в этой бедной душе! Однажды, ты только представь, он стянул у меня золотые часы, которые подарил мне «Фиат». Я, положим, в это не поверил. Стянуть часы у Папы! Где такое видано? Как это возможно? Разве я ему мало плачу? Не то чтобы он был плохой, я этого не говорил, но вот что скажу наверняка: он скорее умрет, чем пальцем пошевелит. Он думает, что если будет воровать досье или приносить мне слухи, о чем сказал тот или иной кардинал, то получит повышение, и сил не жалеет. Он для меня вроде ежедневника, работает постоянно и самоотверженно, упорно, на лаврах не поживает, потому что этот Лучано, которым наградила меня судьба, в любой момент может отвлечься на что угодно. «Сделай мне ксерокопию, Лучано», — говорю я. Проходит час, другой, и

наконец через два часа является Лучано с ксерокопией. Вот попробуй узнай, что его сейчас отвлекло. Экстравагантность, какой свет не видывал, но я терплю его только потому, что есть персонаж, которого он копирует с исключительным правдоподобием.

Я уже сказал, что Гаспар утратил способность удивляться, но теперь, именно в данный момент, эта способность мигом вернулась к нему.

В дверь постучали, и вошел монсиньор Ванини, который, рассыпаясь в церемонных ужимках и жестах, возвестил:

— Библии сестры Аделы нет, равно как и самой сестры.

— Что я тебе говорил? — сказал Папа Гаспару, бегло, украдкой взглядывая на монсиньора. — Ладно, не важно. Матфей, глава восемнадцатая, а стих третий или четвертый — мы выясним. Напомни мне, Гаспар, что мы должны проверить.

— Непременно, Ваше Святейшество.

— Хорошо, сынок, — сказал Папа. — Ты мне нравишься. Давно ты уже здесь?

— В Ватикане?

— В Ватикане.

— Шестой день.

— И как самочувствие?

— Хорошо.

— Так, значит, тебе нравится Ватикан?

— Очень.

— Ты уже побывал в наших музеях?

— Была слишком длинная очередь, и я не решился. Возможно, завтра.

— Страшный хаос. Напрашиваются драконовские меры. Надо что-то делать. Не думаешь?

Брат Гаспар кивнул.

— Искусство — это всего лишь идолопоклонство, а разве его суть не в преклонении перед человеческим тщеславием? Что чувствует посетитель наших музеев? Толчки со всех сторон, боль в ногах и тривиальное любопытство, окрашенное нетерпением — поскорее вернуться в автобус или в гостиницу. А искусство? Пф-ф-ф. Так не лучше ли взять все и продать?

— Возможно, — осмелился предположить монах, — стоило бы ограничить число посетителей, чтобы благоприятствовать религиозному чувству, которое внушают нам эти творения человека (да, суeta суeta, Ваше Святейшество, но также и таинство, ибо сам Дух Святой порою веет среди этих чудес человеческого тщеславия).

— Что ж, будем говорить твоим языком: стоит сократить число посетителей или, наоборот, продать весь этот балаган «Майкрософту» или японцам — пусть они на свое усмотрение организуют эту мраморную кунсткамеру. Почему мы должны распоряжаться этими сокровищами? Неужели нам такое к лицу? Нет, правда, неужели к лицу? Разве мы не пропагандируем идолопоклонство? Да еще в одном из крупнейших мест паломничества культурного туризма, о котором ни слова не говорится в Евангелии. Но знаешь, что, по правде говоря, меня больше всего беспокоит? Больше, чем музеи, и даже больше, чем мои отношения с Кардинальской коллегией?

— Думаю, да, — сказал брат Гаспар.

— Ах вот как. Правда? Ну, говори.

— Смерть. Ваше Святейшество не хочет умирать.

— Точно. Откуда ты знаешь? Я не хочу умирать. Если бы я был буддистом, мне хотелось бы воскреснуть в облике дельфина, но, будучи католиком, об этом и помыслить нельзя, верно же? Так что приходится смириться с тем, что лежит по ту сторону человеческого воображения: с жизнью вечной. Бог со всех сторон окружил нас загадками. Да, брат Гаспар, это может показаться трусостью, но ты был прав: я не хочу умирать. Все верно, жизнь каждого в отдельности немногого стоит, однако он придает ей колоссальное значение, и вот мы изо всех сил боремся, чтобы существовать достойно и основательно, жить

насыщенной человеческой жизнью, взывая к чудесам и свету, которые нас окружают или, по крайней мере, кажется, что окружают. Тяжкий это труд — отвоевать собственную жизнь. Мы всего лишь люди. Как мне хотелось бы однажды сказать: «Я всего лишь человек». А тебе как живется, брат Гаспар? Любишь эту жизнь?

Гаспар кивнул.

— Жизнь так прекрасна, и какая жалость, что мы должны умирать, — продолжал Папа. — Мне хотелось бы иметь в своем распоряжении миллиард жизней, чтобы каждую провести рядом с каждым из людей, населяющих Землю. Они все такие завораживающе интересные... Быть рабом каждого из них. Любить всех, дарить всем душам свою душу, а не просто энциклики. Понимаешь, брат Гаспар?

— Отлично понимаю.

— Отдаться, — продолжал Папа, — душой и телом отдаться всему Творению — вот о чем я говорю. Понимаешь, брат Гаспар?

— Отлично понимаю.

— Правда?

Брат Гаспар, сама заботливость, кивнул, почувствовав на себе гневный взгляд Лучано. Краешком глаза он заметил, как тот нервно пощелкивает указательным пальцем по циферблату своих часов, словно давая понять, что отпущенное время заканчивается, а может, и уже закончилось.

— Книга, которую ты написал, брат Гаспар, сплошная глупость. Однако в ней есть несколько прекрасных историй: людям нужны прекрасные истории, чудеса и загадки. Ясно, брат Гаспар? А еще человеку нужно, чтобы время от времени ему хорошенько врезали и пару раз вытянули хлыстом: тут тебе и атомная бомба, и Освенцим, с полдюжины ураганов, парочка землетрясений, несколько торнадо и авиакатастрофа. И вдруг, ни с того ни с сего, явление какого-нибудь святого, который своими чудачковатыми милостями заставит людей почувствовать себя еще более жалкими. — Он задумался и добавил: — Ты будешь хорошим Папой, тебе этого никогда не говорили?

— Только моя матушка, но матери... известное дело.

— Так вот я — не твоя матушка, а я — тоже говорю тебе: ты будешь хорошим Папой. Этот взгляд зачарует наше стадо. Но не обольщайся, лучше не слишком обольщайся. Я ничего не могу тебе обещать, Гаспар. Хотя да, мое ремесло: я покажу тебе все, чему научился сам, и ты будешь сознательно готов стать преемником Наместника Христова. Ты знаешь иностранные языки?

Брат Гаспар тяжело вздохнул, давая понять, что это не самое сильное его место.

— Ладно, ладно. Значит, придется тебе брать уроки, ты должен владеть, как минимум, пятью языками. Не делай такое лицо, я устрою для тебя несколько путешествий. Будем продвигаться потихоньку. Для начала знай, что, когда наши намерения откроются, тебя попытаются убить.

— Как это убить? — заволновался брат Гаспар.

— Ну да, чего удивительного? Ты только посмотри на этого Кьярамонти! Папство ему во сне снится! Ну и пусть остается с носом! Но ты... Не обращай внимания, когда тебя будут оскорблять, и позволяй унижать себя, не подавая виду. Тогда ты победишь.

— Смирение — мое богатство.

— Однако в то же время не забывай улыбаться, пусть даже порой это будет показная улыбка. Не будешь делать этого, все подумают, что ты слишком глубокомысленный, а кардиналы, как и все на свете, избегают бездн. Да, брат Гаспар, в момент истины человек предпочитает обыденное существование. В глубине души никому не нравятся угрюмые личности, которые пыжаты от распирающих их поминутно блестящих мыслей. В нашем притупившемся веке Гамлетам уже нет места. Капельку, всего лишь капельку банальности, чуточку пошлости, но не слишком хитроумной и двусмысленной, вот о чем я тебя прошу. Второй основной пункт твоей стратегии — как можно чаще притворяться дурачком, который «ни сном ни духом». Те, кто страстно стремится к своей цели, люди пропащие. Если ты

раскроешь хотя бы треть своих подлинных мыслей, ты тоже пропал. Церковную карьеру не сделаешь в захолустье, понимаешь, брат Гаспар? Препятствия бесчисленны, возможности крайне скудны, и все же... Самая большая опасность подстерегает тебя, когда оказывается, что ты делаешь слишком много бесполезного. Тебе придется взвешивать каждое обстоятельство, каждый шаг, каждое движение твоей души — в противном случае, если ты недостаточно силен, то мало-помалу потеряешь ее. Вот что действительно опасно. Людей, которые достигли высот, не продав душу, можно пересчитать по пальцам. Может случиться даже так, что ты позабудешь смотреть на деревья, а когда человек забывает смотреть на деревья, он пропал, понимаешь, брат Гаспар? Понимаешь, о чем я говорю?

— Отлично понимаю.

— Если ты перестанешь воспринимать окружающих с полным и самоотверженным милосердием, ты погиб; если ты почувствуешь жалость к себе вместо благодарности за чудесным образом дарованное тебе существование, ты погиб; если твоя жизнь превратится в сплошную борьбу, если ты поддашься самолюбию — любому, какими бы высокими и благородными причинами ни было оно вызвано, — ты погиб, и, если ты не сможешь прожить до конца каждую из быстротекущих минут, ты погиб. Погибель подстерегает нас на каждом шагу, на каждом шагу мы рискуем утратить свет и погрузиться во тьму. Мы — люди, и поэтому невероятно хрупкие. Понимаешь ли ты, о чем я говорю, брат Гаспар?

— Отлично понимаю. Речь Вашего Святейшества божественна.

— Вельзевул, — сказал Папа, поднимая глаза на Лучано. — Вельзевул, что я тебе говорю...

Но Лучано сделал вид, что не слышит.

— Вельзевул, — настойчиво повторил Папа.

— Что? — мрачно буркнул Лучано с плохо скрываемым неудовольствием.

— А то, что мне нравится птенчик, которого ты мне привел. Нашей Церкви нужны люди из такого теста... Надо совершить революцию, и поскорее. Более того — сейчас. Могу я рассчитывать на тебя, брат Гаспар?

Если доминиканца настолько изумили и восхитили поведение и вид монсиньора Лучано Ванини, то что сказать о глубоком катаклизме, произошедшем в его душе перед лицом Папы, Римского Первосвященника, Верховного Пастыря Церкви и — трудно умолчать об этом — самого Наместника Христова? Кто он? Кто? Кто этот человек такого могущественного внутреннего своеобразия, которое уже через несколько минут общения с ним, успело посеять в душе брата Гаспара зерно величайшего изумления? Следы его брат Гаспар неожиданно обнаружил очень скоро, буквально на следующее утро, в течение которого ему пришлось столкнуться с разнообразным и пугающим спектром серьезных нравственных дилемм, решение которых поставило бы в тупик ученых богословов. Однако вплоть до этого самого момента брату Гаспару удалось прийти к немногим, если и вовсе ни к каким выводам. Если, с одной стороны, становилось очевидно и было бы нелепо отрицать, что речь идет о личности в высшей степени маниакальной, в высшей степени своеобразной, со столькими причудами и редкими чертами характера, которые в большинстве случаев приводили человека в состояние изумленного столбняка, то с другой — обращение Папы было настолько смиренным и братским (казалось, ничто не может помешать ему выставить напоказ глубины своей души), что любой был готов сдаться ему на милость. Как насчет всего другого — неизвестно, однако очевидно было, что ему нравится отправлять обязанности Папы и что он ни на секунду не перестает быть им: он вдохновенно строил каждую свою фразу, швыряя слова скорее в лицо вечности, чем истории, обращаясь скорее к ангелам и архангелам, чем к людям, словно уже уверовал в свою святость, которую в иные моменты брат Гаспар испытывал соблазн приписать ему, и речь его отличалась пронзительной, страстной ясностью, которая — нельзя не признать — всегда смущала брата Гаспара, повергая в смятение бедного монаха, который слушал Папу, запутывая его и себя в паутине парадоксов, из которой, похоже, никакая риторика и доктрина не могли их

вызволить. Самым пугающим было то, что, хотя по большей части Папа сам забавлялся, жонглируя загадками и внося смятение, в некоторых случаях он сам оказывался в большем смятении, чем его собеседник. Естественно, главное, что почувствовал во время этой первой встречи брат Гаспар, было исходящее от Папы обаяние, и тот, в свою очередь, казалось, проникся к монаху искренней и внезапной нежностью, что доказывает не только то, что по окончании аудиенции Папа вручил Гаспару маленькую золотую медаль со своим портретом (когда обычным в подобных случаях подарком были всего-навсего простые четки), но, главным образом, то, что он назначил ему на завтра прогулку по ватиканским садам, хотя подлинная цель этой, второй встречи состояла, как поведал ему Папа, в том, что он собирался в общих чертах изложить Гаспару планы, проекты и коренные преобразования, которые замыслил совершить в своей Церкви.

— Когда ты выслушаешь меня, брат Гаспар, — сказал Папа, — то поймешь, что то, что я предлагаю и, несомненно, совершу, если Бог дарует мне достаточно мужества и света, значит куда больше, чем наведение показного глянца.

VI

...Я мараю себя прахом мирским...

Григорий I

Как уже говорилось, великое смятение овладело доминиканцем после встречи с Римским Первосвященником, поскольку он никоим образом не мог ожидать ничего похожего на то, что ему пришлось увидеть и услышать в тот день, и таково было это смятение, что когда он шел обратно по лабиринту ватиканских залов, галерей, двориков, лестниц и коридоров, сохранявших и защищавших Папу, наподобие египетской мумии, то чувствовал глубокую необходимость поделиться своими эмоциями и, возможно, получить совет, — необходимость, которую до крайности осложнял Лучано Ванини. Было хорошо видно, что тот уязвлен и встревожен; более того, что гнев и зависть снедают его снаружи и изнутри, признаки чего он начал выказывать, едва они вышли из папского кабинета. Да, монсиньор находил тысячу и один предлог, чтобы без стыда и зазрения совести как можно больнее ранить смиренного монаха, которого он сопровождал, хотя достойное и безупречное поведение брата Гаспара не давало никакого повода к упрекам.

— Ты доносчик, Гаспар, — говорил тем не менее монсиньор. — Выдал меня с головой.

— Что?

— А то, что поставил меня в крайне незавидное положение. Так-то ты платишь мне за услуги, которые я тебе оказываю? Чего ты добиваешься? Моей отставки? Да?

Брат Гаспар попытался объяснить монсиньору, что у него и в мыслях не было ничего дурного и единственное, что двигало им, было повиновение Римскому Первосвященнику, но монсиньор не только не обращал внимания на эти доводы, а напротив, мало-помалу вконец разгораясь, перестал сдерживать поток безжалостных оскорблений, слетавших с его уст.

— Сдается мне, ты плохо кончишь, птенчик. Долго тебе в Ватикане не продержаться.

— Да что с тобой, Лучано? Зачем ты все это говоришь?

— Жалкая, мерзкая, продажная душонка, гнусный, подлый монашек, все дурачка из себя строишь? Теперь тебе только Папину задницу лизать осталось. Вот почему.

— Уйми свой ядовитый язык, — взволновался брат Гаспар. — Что бы там ни случилось — кем ты себя возомнил, что так говоришь о Папе?

— Вельзевулом, — ответил монсиньор и, казалось, на этом успокоился, но не прошло и двух минут, как он снова нарушил молчание очерняющей бранью: — Ты бросил меня в опасности, подло и бесцеремонно. Впрочем, я сам виноват: надо было раньше, много раньше сообразить, что ты из тех священников, что алчут власти, которые способны предать своего брата, чтобы добиться прихода или повышения. Да, ты из тех, кто всегда рад-радешенек потешить чужое тщеславие. Но говорю тебе, ибо так заповедано в Евангелии, что великие

муки уготованы льстецам. Греховодник, жалкий карьерист...

— Но Лучано...

— Поздно теперь: «Луча-а-а-но», — передразнил его монсиньор. — Чтоб тебе сквозь землю провалиться, чтоб тебя кондрашкахватила!

На протяжении всего лабиринтообразного пути обратно монсиньор Лучано Ванини не переставал извергать на брата Гаспара обвинения и проклятия (такие же и еще худшие, чем уже упомянутые). Временами монаху казалось, что он задыхается, что сердце его перестало биться, а кровь свернулась в жилах. Как только они вышли на улицу, монсиньор холодно попрощался, бросив: «Дорогу сам знаешь», — и пошел прочь маленькими шажками, волоча ноги и сгорбившись так, будто весь мир своей тяжестью лег ему на плечи, — признаки отвратительного настроения, но также и прежде всего, подумалось доминиканцу, признаки его злобной натуры.

Ах, как тосковал брат Гаспар по мирному уединению своего монастыря, как устремлялся душою к своим братьям и как нуждался в духовном совете своего приора, поскольку не в одной беде его сдержанные слова и суждения послужили брату Гаспару путеводной нитью и утешением, и, надо же, не успел он войти в свой номер ватиканской гостиницы, как ему позвонили, и это оказался не кто иной, как добрейший Косме, и, полагаю, никто не удивится тому, насколько он был поражен, когда бедный и измученный монах поведал ему не только о том, что видел Папу, не только о том, что проговорил с ним почти целый час, не только о том, что Папа пригласил его завтра прогуляться вместе по своим личным садам, нет, не только об этом и не только о том, что ему показалось, будто он пробудил в Папе глубокое отеческое внимание, нет, не только об этом — какое! — но и о том...

— А теперь держись, брат, и сядь, если ты все еще стоишь, потому что меня назначили архиепископом Лусаки.

— Архиепископом чего, брат?

— Лусаки, это в Замбии, и одновременно — с минуты на минуту — кардиналом.

Услышав подобные неслыханные новости, Косме погрузился в глубочайшее молчание, сосредоточенное, ошеломленное молчание, после чего сказал:

— Кажется мне, я не совсем хорошо тебя понял, брат мой. Будь добр, повтори еще раз то, что ты сказал.

— Кардиналом, брат мой. Я буду кардиналом.

— Ты, Гаспар? Кардиналом — ты?! Ну, дружище!.. — и Косме расхохотался.

Вполне понятно, что Гаспара больно ранил подобный скептицизм, хотя он не мог до конца отвергнуть возможности, что подобные подозрения и сдержанность в выражении чувств были вызваны не столько естественным презрением Косме ко всему мирскому, сколько нездоровой и достойной порицания завистью. За этим взрывом не скоро стихнувшего хохота снова последовало молчание, впрочем не столь продолжительное, как предыдущее, молчание, которое на сей раз в конце концов нарушил брат Гаспар:

— Мне нужны деньги.

— Что? — переспросил приор дрожащим голосом. — Деньги?

— Я в буквальном смысле без гроша в кармане.

— Да, в Италии жизнь дорогая, — не без иронии ответил Косме.

— А тебе откуда знать?

— Они что, тебя даже пообедать не приглашают?

— Нет.

— Вот скупердяи.

— Да, это правда. Здесь, когда приходит время платить, все стараются не...

— Гаспар, — прервал его Косме.

— Что?

— Ты должен попросить чек для монастыря за счет «лепты святого Петра».

— Что?

— Попроси чек у Папы. Уверен, он тебе его даст. Расскажи ему, что нам не на что отремонтировать колокольню.

— Думаешь, это хорошо? Просить чек у Папы?

— А почему бы и нет? Так принято.

— Разве?

— Ты что, не знал?

— Впервые слышу.

— Так принято, — повторил приор. — Папе известно о том, какие тяжелые времена мы переживаем. В общих чертах он знает, что монашеские ордена буквально разваливаются на глазах. Скажи Папе про колокольню, скажи, что по четвергам мы устраиваем трапезы для неимущих, и еще скажи, что нам хотелось бы пополнить библиотеку, и мимоходом упомяни, что мы содержим одиннадцать семей.

— Уже одиннадцать?

— Да, такие вот дела. Скажи ему об этом. Пусть знает, что мы не сидим сложа руки.

— Скажу, брат мой. И сколько у него попросить?

— Что?

— Ну, чек... На какую сумму? Сколько принято просить?

— Не знаю, предоставь это на его усмотрение. Но вину свали на паству. Скажи ему, что это они не исполняют свои обязанности, что под тем или иным предлогом всегда стараются недодать нам. Скажи ему про это, а затем вверься его милосердию.

— Хорошо, я сделаю это, — ответил Гаспар. — Но пока не мог бы ты выслать мне хоть что-то до конца недели?

— Посмотрю, что удастся сделать.

— Спасибо, мой приор.

— Нам тебя не хватает, Гаспар. Вся братия переживает твоё отсутствие.

— Мой дух, — ответил Гаспар, услышав такое прочувствованное и неожиданное признание, тем более что совсем недавно они почти спорили и тем более что Косме, скептический и сухой, как хлебная корка, не был склонен ударяться в пустые сантименты, — мой дух по-прежнему с вами, в монастыре.

— Это-то я и хотел услышать. Смирение, брат мой, смирение. Будь осторожен, не давай вскружить себе голову мечтам о величии. Я в твои годы тоже был честолюбцем. Но это моментально проходит, как только понимаешь, что мы — ничто; голубиный помет; ничто. Ни на минуту не забывай об этом.

— Мое величайшее желание, дорогой приор, как можно скорее покончить с возложенной на меня миссией.

— Что? Кто? Папа? О чем речь?

— Это тайна, я должен молчать.

— Тайна?

— Молись за меня, возлюбленный брат мой, это единственное, что я могу тебе сказать, молись за меня.

— Все так серьезно?

— Серьезнее не бывает.

— Бог мой, ты меня заинтриговал.

— Пошли мне деньги.

— Пошлю, не беспокойся. Да благословит тебя Господь, брат Гаспар.

— Спасибо, мой дражайший приор. Я черпаю свои слабые силы только в тебе и в своих братьях.

— И в Боге, Гаспар, память о том, и в Боге.

— Само собой.

Гаспар повесил трубку и почувствовал, что душа его отныне неуязвима. Косме был прав, как никто на свете. «Кто мы? — спросил себя Гаспар. — Голубиный помет! Тогда чего

беспокоиться?» Спасение заключалось в трех словах: «Смирение, смирение и еще раз смирение». В смирении было его богатство. «Кем ты себя возмнил, бедный Гаспар? — словно вопрошал его сам Бог. — В глубине души ты искал святости, страстно стремился к тому, чтобы твое имя пополнило жития святых, чтобы с тебя писали образа и во имя твое освящали часовни, а еще лучше — соборы; но теперь тебя прельщают церковные почести, и ты мечтаешь о пурпурном облачении. Ты говоришь себе, что возможно и то и другое, что можно одновременно быть святым и кардиналом, но вспомни о первосвященниках, которые распяли Сына Моего, и что, когда ты просил у Меня милости служить Мне душою и телом, Я позволил тебе это, сказав, что Меня интересуют лишь твои страдания, что наследие, которое Я тебе оставляю, состоит в полном забвении себя и в том, чтобы отдавать всего себя остальным людям. Смирение и страдание — вот твое единственное наследство, бедный Гаспар».

Да, продолжал он внутреннюю беседу с собою, возможно, Бог послал его в Ватикан с единственным намерением унизить и этим унижением очистить его душу. Замысел Божий состоял лишь в том, чтобы показать нам тьму и заставить нас вспыхнуть, как светочи; Он погружал нас в грязь — ибо что иное есть познание мира? — дабы мы научились презирать его и удалились от него без тоски и сожалений. Ни в коем случае Гаспар не должен был позволить соблазну тщеславия развратить его невинность. Доминиканец просил Бога только о том, чтобы Он порвал связывающие его узы, чтобы Он сделал его пленником Своего промысла. Он должен был отказаться от своей воли и подчиниться Тому, Кто почиет в глубине всех сердец и Чьи мысли отличны от мыслей человеческих, повторял про себя Гаспар, Тому, Кто взирает на землю и заставляет ее содрогаться, прикасается к горам и повергает их в прах. И брат Гаспар решил протянуть руку помощи Наместнику Христову. Решил повиноваться его приказам, пренебрегая всем прочим, и, упав на колени, он поднял взор к Господу и сказал: «Исстрадалась душа моя, но знаю, что еще не готов к большим испытаниям. Итак, да сбудется воля Твоя».

Остаток дня он посвятил молитвам, да так, что ему даже не пришло в голову с новой прытью приняться за свои богословские труды, поскольку хотелось ему лишь одного — побыть наедине с Богом, — и когда он настолько погрузился в это состояние, что ему удалось более или менее избавиться от сомнений, вызванных тщеславием от сознания того, что он призван на службу Папе, в дверь позвонили: это был не кто иной, как пугливое пугало — монсиньор Лучано Ванини, которого брат Гаспар скорбно, но не без язвительности спросил, каковы причины его визита, если таковые имеются, или он по привычке зашел, чтобы потревожить его?

— Пошли, пошли! — восклицал Лучано, отчаянно жестикулируя. — У меня много работы, и я не могу терять время.

В одно мгновение глаза его наполнились слезами.

— Что происходит, Лучано?! — спросил тронутый этим брат Гаспар.

Тогда, словно для пущей издевки, Лучано бухнулся перед ним на колени и запричитал, как в фарсе.

Чтобы прекратить эту дикую сцену, которая в довершение всего происходила на самом пороге, так что существовал немалый риск, что кто-нибудь может ненароком пройти мимо, Гаспар пригласил монсиньора в номер.

Как прекрасно выразился Блаженный Августин, грехи суть не что иное, как мистическое тело дьявола, и как раз грехи-то и принес с собой монсиньор.

— Я принес тебе это, — сказал Лучано.

— Что это?

— Учебник английского.

У него был голос человека, сеющего раздор, голос, сбивающий сердца с пути истинного.

— Спасибо.

Брат Гаспар взял учебник, положил его на стол и посмотрел на Лучано.

— Я так несчастен, — сказал тот.

— Знаю, — ответил брат Гаспар.

— Ничего-то ты не знаешь! Откуда тебе знать!

— Но я знаю, Лучано, знаю.

— Что? Что ты еще такое знаешь?

— Лучано, я знаю, что ты одержим.

— Прощу прощения, — сказал Лучано.

— Меня тебе не обмануть. Я знаю, что ты — это не ты. Знаю, что ты страдаешь, но это не твоё страдание. Покончи с ним!

— Что ты такое говоришь?

Брат Гаспар схватил монсиньора за плечи и стал трясти его, повелевая:

— Во имя Отца, Сына и Святого Духа изгоняю тебя, нечистая сила, изыди сей же час из сына Божия Лучано Ванини! Повелеваю тебе Его именем, ты, проклятый и осужденный, именем Того, Кто ходил по водам и протянул руку тонущему Петру! Изыди и покончи со страданием, которое ты терпишь и которое производишь! Покончи с ним, покончи с ним! Изыди, проклятый бес, и вернись в своё логово! Изыди сей же час, проклятый!

— Гаспар, что ты делаешь? — сказал монсиньор упавшим, дрожащим голосом. — Ты что, с ума сошел? Прекрати сейчас же!

Брат Гаспар повиновался.

— Знаешь, у тебя с головой не в порядке, — сказал Ванини.

Экзорцист отошел на несколько шагов и, указывая на него пальцем, приказал:

— Читай Отче наш!

— Почему? Зачем?

— Давай прочитаем Отче наш, Лучано, — настойчиво повторил монах, однако на этот раз более мягко.

— Что-то не хочется, — ответил монсиньор.

— Мерзкий бес! — произнес Гаспар, готовясь повторить свои заклинания.

— Послушай, Гаспар, твои шуточки мне что-то не нравятся. Я пришел помириться. Я пришел сюда, переступив через свою гордость, чтобы поговорить с тобой, брат Гаспар, — или уже прикажешь величать тебя «ваше высокопреосвященство»? — язвительно заметил Лучано. — Так вот знай: меня изгнали из Ватикана.

— Что?

— Папа приказал меня выселить, теперь я даже не знаю, куда идти. Вышвырнули на улицу, как щенка. Что мне теперь делать?

— Тебя прогнали?

— Да, закончится месяц, и мне конец.

— Но ведь тебе дадут другое назначение, разве нет?

— Нет, и даже, возможно, отлучат. И знаешь из-за чего?

— Что ж, несомненно, Папа хочет попросту предупредить тебя, чтобы ты вел себя более благопристойно, — сказал монах, желая утешить Лучано и помочь ему справиться с бедой. — Подожди и увидишь, что все вернется в своё русло, если только ты всегда будешь вести себя соответственно своему званию.

— Ладно, птенчик...

— В любом случае я не несу ответственности за решения, которые принимает Папа, — ответил монах на этот раз более сурово. — Это дело не по моей части.

— Как бы не так! — возразил монсиньор. — Да это же ты своими коварными уловками спровоцировал мое изгнание! Ты, ты! Исключительно ты!

— Даже если бы все было как ты говоришь, чем я могу тебе помочь?

— Плут! Обманщик! — взъярился монсиньор. — Приезжаешь сюда и уже на шестой день добиваешься повышения по всем статьям!

— Слушай, Лучано, я не желаю слушать эти обвинения. Будь уверен, что я не старался

заполучить посты и повышения, которые мне предложили, и будь уверен, что я их не приму.

— Да, все так говорят, но, в конце концов... В конце концов, ты своего не упустишь, как все.

Говоря по совести, брат Гаспар понимал, что монсиньор отчасти прав, и, прельщаясь пурпурной кардинальской мантией, он не мог не думать о своей матери, поскольку пенсия по вдовству, которую она получала, была мизерной, и, несомненно, кардинальский чин позволил бы ему располагать кое-какими дополнительными средствами, чтобы вознаградить бедняжку за беды и страдания, которые она терпела сызмальства, почему, и довольно часто, он испытывал своим сыновним сердцем угрызения совести из-за того, что не делал всего возможного для ее благополучия.

— Однако есть одна вещь, — продолжал Лучано, — которую тебе стоило бы учесть. Многие прелаты долгие годы дожидаются своей очереди, как вдруг появляется этакий выскочка, притворяющийся святым, с вьёвшейся под ногтями грязью и ангельским личиком, как будто за всю жизнь мухи не обидел. Но меня тебе не провести. А я-то, дурак эдакий, спешу к тебе отпраздновать твое повышение... Мое единственное утешение в том, что их высокопреосвященства вопьются тебе в горло, как вампиры, и если ты и выживешь, то только чудом. Я бы на твоём месте поскорее убрался отсюда, прежде чем...

Брат Гаспар ни минуты более не собирался выслушивать монсиньора, потому что слушать его — значило спорить, так что он снова заявил, что перегружен работой и просит сделать одолжение и оставить его в покое, что его занимают множество жизненно необходимых для Церкви дел, но Ванини настоял на том, что разговор еще не окончен, и попросил брата Гаспара сделать одолжение и выслушать его еще несколько минут.

— Хорошо, хорошо, — недовольно ответил монах. — Но только пять минут, — добавил он, глядя на часы и решив жестко оборвать монсиньора, если новые бредни, которыми была забита его голова, выйдут за пределы установленного времени.

Монсиньор Лучано Ванини согласился и сел, сел, в свою очередь, и Гаспар, с нетерпением ожидая окончания его монолога, еще прежде чем он начался.

— Ладно, — серьезно сказал Лучано, — я уж помолчу о твоём предательском характере, стоившем мне карьеры...

— Без комментариев, — ответил Гаспар почти ласково, почти неслышно, прикусив язык, чтобы сдержать гнев, потому что это Лучано, вне всякого сомнения, предал его, передав досье в руки Папы.

— И я хотел бы сосредоточиться, — продолжал монсиньор, — на причинах, заставивших меня вести себя с тобой именно так, а не иначе.

— Начиная с этого момента, — прервал его брат Гаспар, — я не только принимаю твои извинения, но и считаю их необязательными: можешь побереечь их, потому что я уже простил тебя.

— Мне нужно, чтобы ты меня выслушал, — ответил монсиньор.

— Слушаю, — благосклонно отозвался доминиканец.

— У тебя есть друг? — спросил Лучано.

— Не понимаю.

— Ну, я имею в виду в монастыре — есть у тебя друг?

— У меня много друзей, — ответил заинтригованный монах.

— Нет, я не про то. Друг, понимаешь, друг.

— Не понимаю.

— Да ладно, брат Гаспар. Только не говори, что в монастыре у тебя нет друга.

— Всех братьев я считаю своими друзьями, всех одинаково люблю, и они отвечают мне тем же.

— Вот это ответ! — сказал монсиньор, расхохотавшись. — Вечно ты вывернешься! Знаешь, брат Гаспар, давай начистоту.

— Не понимаю тебя, а то немногое, что понимаю, предпочел бы не понимать.

— Ла-а-а-дно... — уступил монсиньор. — Не хочешь мне ничего рассказывать, не

рассказывай, но я думаю, что...

— Итак, монсиньор, — сказал брат Гаспар, вставая и теряя терпение, — у меня много дел, хочешь что-нибудь добавить?

— Что?

— Сядь, пожалуйста, Гаспар, сядь на минутку, прошу тебя... Пожалуйста... — Брат Гаспар снова уступил желанию монсиньора. — Знал я как-то одного юношу, — продолжал Ванини, — точно с таким же характером, как у тебя. Неужели испанцы всегда такие... порывистые? Какая прелесть. Юноша, о котором я говорю... Мы познакомились в... Он тоже был очень резкий, очень непостоянный, очень недоверчивый и очень непредсказуемый... Но в конце концов, в конце концов... Ты просто не представляешь, Гаспар, как я любил его. Жаль, что... Я познакомился с ним в Риме, во время одной из папских церемоний, на которую тот был приглашен, он уступил мне место, мы улыбнулись друг другу и... И дружба, Гаспар, великая дружба возникла между нами. Потом мы еще пару раз виделись в Испании. В Паленсии, он жил в Паленсии. Ты бывал в Паленсии? Я поехал повидаться с ним, движимый любовью... Я отдаюсь любви всем своим существом, понимаешь? Но... Мы не виделись вот уже семь лет, однако я все еще часто его вспоминаю, зачем мне лгать?.. Не проходит и дня, чтобы я не вспомнил о нем. Он был твоего типа, хотя и не такой высокий. Кстати, какого ты роста? Он был всего на несколько сантиметров выше меня, но у него было очень красивое, просто ангельское лицо, и смотрел он на меня так же пристально, как ты сейчас. Каждый день, да, каждый день я вспоминаю о нем. Мне больно, очень больно, невыносимо больно, что он больше не хочет меня видеть. Если бы он знал! Иногда я звоню ему в его день рождения и в день рождения младенца Христа, то есть на Рождество, но он не слишком-то рад меня слышать, я это чувствую, и все же он был главной любовью моей жизни. Я вспоминаю его каждый день, он — моя трагедия, понимаешь? И когда вдруг, словно подарок небес, появился ты, я подумал, что... Что ты — та любовь, которую Бог сохранил для меня, любовь, которой суждено заменить утраченную.

На какое-то мгновение брат Гаспар лишился языка (столь велик был стыд, который он чувствовал вчуже), когда же дар речи вернулся к нему, было уже в некотором смысле слишком поздно.

— Согласно учению Церкви, постоянно и без тени сомнения утверждалось, что подобные деяния по самой сути своей безнравственны, — пытался увещевать он монсиньора, хотя в словах его не чувствовалось никакой убедительности, учитывая, что Лучано уже спустил штаны, равно как и исподнее, желтовато-серое, поношенное и мятое, и поглаживал свои органы, глядя на Гаспара живыми, искрящимися глазками, умоляющими глазками ягненка, ведомого на заклание. — Что ты делаешь, ради всего святого? — сказал монах, не в силах отвести глаз от члена монсиньора, маленького, постепенно взбухающего, и от всей его оробелой фигурки, скорее смехотворной. — Тебе не стыдно?

— Сделай мне, — сказал Лучано прерывающимся от волнения голосом, закатив глаза. — Сделай мне, ангел мой...

Движимый чувством жалости и христианского сострадания, не видя иного выхода, брат Гаспар взял руку монсиньора и принялся ласково поглаживать ее, терпеливо выжидая, пока тот не обретет облегчения, которого добивался и которого действительно очень скоро добился, после чего, покраснев как рак, стал рассыпаться перед Гаспаром в благодарностях, хотя вклад последнего был скорее психологический, чем реальный, — момент, которым тот воспользовался, чтобы попросить Ванини дать ему наконец возможность работать, что он и сделал, не заставляя упрашивать себя дважды.

VII

Каково состояние моего духа?

Гамлет я или дон Кихот?

На правом ли я пути?

Павел VI

Судя по раннему часу, когда ему была назначена встреча ослепительным утром 4 ноября, брат Гаспар предположил, что его угостят плотным завтраком, скорее на британский, чем на континентальный манер, какими представлялись монаху папские завтраки, и поэтому вполне логично, что он испытывал двойное нетерпение, но не успел он миновать гвардейцев во дворе Сан-Дамазо, как заприметил монсиньора Лучано Ванини, заигрывающего с одним из часовых.

Услышав их смех, брат Гаспар после недолгого колебания приблизился к сторожевой будке.

— Добрый день, птенчик, — оживленно пропел Лучано и, заговорщицки подмигнув, добавил: — Подожди минутку. У меня для тебя инструкции от Папы.

Гаспар отошел на несколько шагов и терпеливо принялся ждать, пока Лучано закончит разговор с гвардейцем. Он заметил, что они обменялись телефонами, после чего монсиньор, улыбаясь, подошел к монаху.

— Что ты здесь делаешь, Лучано? — спросил его тот. — Разве тебя не выгнали из Ватикана?

— Ах, какой же ты все-таки нехороший, брат Гаспар. Хочешь, чтобы я поскорее исчез с твоих глаз?

— Не надо так говорить, Лучано.

— Так знай: кончится месяц, и меня вышвырнут.

— Сожалею, — сказал Гаспар, хотя на самом деле ни о чем не сожалел, но что еще можно было сказать в такой ситуации?

— Не волнуйся, я что-нибудь подыщу... Лично я чувствую себя вознагражденным тем, что познакомился с тобой. Поверь мне: как только я тебя увидел, я почувствовал нечто вроде...

— Лучано, — прервал его монах, — ты прекрасно знаешь, что я не одобряю твоего поведения, так что не начинай.

— Ты это из-за него? — спросил монсиньор, тайком указывая на гвардейца, с которым только что разговаривал. — Но это просто друг. Тебе нечего бояться, птенчик.

Оставалось только восхищаться поразительной способностью монсиньора держаться предельно дерзко, предельно экстравагантно, беспредельно витая в облаках.

— Что до вчерашнего вечера... — робко произнес он. — Тебе понравилось?

— Что?

— Я спрашиваю, понравился ли тебе вчерашний вечер.

— Не хочу и говорить об этом.

— «Не хочу говорить, не хочу говорить»... — сказал монсиньор, издевательски подражая голосу Гаспара. — Ты что, правда ревнуешь?

— Я? Ревную?!

— Но, Гаспар, я ведь сказал, что это всего лишь друг. К тому же он женат и не из наших. Но, если хочешь, ладно, я больше не скажу с ним ни слова. Даже здороваться перестану. Стоит тебе только захотеть, хотя, по правде говоря, это не слишком-то по-христиански.

— Мне-то что до твоих дел, Лучано?

— Ревнуешь, — с улыбкой повторил монсиньор. — Брось, Гаспар, не будем спорить из-за пустяков теперь, когда мы наконец начали понимать друг друга. Если бы ты знал, о чем я только не передумал за эту ночь. Послушай, — добавил он, вытаскивая из внутреннего кармана пальто конверт, — знаешь, что тут?

Брат Гаспар отрицательно кивнул.

— Два билета на самолет до Лондона.

— И?

— И один на знакомое мне имя... Ну-ка, поглядим, — сказал он, вытаскивая из

конверта билет и делая вид, что читает его, — посмотрим, что тут написано. «Гаспар»... Да, «Гаспар Оливарес» — это ведь ты, если не ошибаюсь?

Гаспар кивнул.

— Это на Рождество. Хочу посмотреть, что творится в англосаксонской столице. К тому же нелишне будет попрактиковаться в английском. Хочешь поехать? Предупреждаю: все заранее оплачено, все под мою ответственность, я ведь знаю, как тебе нелегко приходится. Так хочешь поехать или нет?

— Я думал провести Рождество с матерью, — извинился Гаспар.

— Конечно, конечно, нельзя забывать о матерях, матери должны быть для нас на первом плане. Но у тебя еще есть время подумать. Приглашение остается в силе до последней минуты, идет?

Гаспар нехотя согласился, но как могло случиться такое, чтобы Папа выбрал себе подобного личного слугу — такое ничтожество, такого человечешку, чья нищета духа была пагубна и заразна?

— Хорошо спалось, птенчик? — многозначительно вздохнул монсиньор. — Мне тоже.

— Лучано.

— Слушаю тебя, мой птенчик.

— Мне крайне стыдно вспоминать случившееся вчера, — тоном упрека сказал Гаспар, — и я не понимаю, как ты осмеливаешься даже упоминать об этом. И, Бога ради, прекрати называть меня птенчиком.

— Гаспар, Гаспар... Не рассказывай сказки, я-то знаю, что тебе понравилось.

— Мне? Понравилось?

— Ты что, собираешься сказать... Послушай, Гаспар, у меня на такие дела глаз наметанный, и я знаю, что ты, что ты... Но ладно, по правде говоря, мне тоже так нравится. Когда все слишком очевидно, не знаю, но я нахожу это вульгарным и не таким возбуждающим.

— Хватит, Лучано. Какие инструкции дал тебе Папа?

— Мне было сказано, чтобы я попросил тебя подождать здесь.

— Чего и зачем ждать, Лучано?

— Ждать, пока Папа закончит завтракать. Что с тобой? Отчего у тебя вдруг такое лицо? — добавил монсиньор, почувствовав, что это известие вызвало у Гаспара немалое разочарование.

— Просто так, — мрачно ответил он. Однако, привыкнув к суровой монастырской жизни, так же как и к добровольным постам (брат Гаспар привык не брать в рот и маковой росинки каждую пятницу, так же как и шесть последних дней Великого поста), он подчинился воле обстоятельств и, достав четки, погрузился в размышления.

— Эй, блаженненький, — обратился к нему монсиньор с лукавой улыбкой. — Конечно, ты не упускаешь ни малейшей возможности, чтобы тебя заметили. Снова набираешь очки?

Естественно, подобными комментариями Ванини снова испытывал терпение Гаспара, но тот решил пропускать их мимо ушей.

— Брат Гаспар, — неожиданно сказал монсиньор, но доминиканец дал себе слово, что никогда в жизни больше не заговорит с ним. — Брат Гаспар... — настойчиво повторил Лучано.

Гаспар только посмотрел на него.

— Я хочу сказать тебе одну вещь, и запомни ее хорошенько, потому что повторять я не стану: о вчерашнем Папе ни слова. Ни Папе, ни кому другому. И что мы вместе едем в Лондон — тоже, а то ты такой наивный и все выбалтываешь этим ротиком, который Бог тебе дал. Я — нравится тебе это или нет — худшая из тварей, запомни. Ты предупрежден.

Чтобы показать, что он не испугался угрозы, брат Гаспар кивнул и улыбнулся.

— Ты смейся, смейся... — сказал монсиньор.

Вскороги появился Папа в сопровождении трех гвардейцев, и брат Гаспар

прочувствованно приветствовал его, потому что в то утро Папа казался другим человеком, причина же этого преображения, не оставшаяся незамеченной ни для кого из католиков, состояла в том, что Папа, в порыве наивысшего, хотя и приводящего в замешательство смирения, облачился в спортивный костюм. Брат Гаспар преклонил перед ним колена, но Папа поднял его с земли, заключив в братские объятия. Надо отметить, что от Его Святейшества пахло лосьоном после бритья и яичницей с беконом, равно как и то, что это последнее обстоятельство лишь усугубило лютый голод, терзавший бедного Гаспара уже более полутора суток.

Услышав автомобильный гудок, они обернулись и увидели, как из-под арки двора Сан-Дамазо выезжают три белые машинки, похожие на те, которые можно увидеть на лужайках для игры в гольф. До брата Гаспара не сразу дошло, что, собственно, происходит, особенно когда машинки мгновенно окружили их, и он даже вздрогнул от испуга, потому что на мгновение ему показалось, что они стали жертвами покушения проклятых арабов, которые нагнали такого страха на весь католический мир. Однако бояться было нечего: водителями оказались гвардейцы, которых Папа знал в лицо и которые, выйдя из своих автомобильчиков, воинственно им отсалютовали. Папа, поблагодарив солдат за крайнюю расторопность и эффективность действий, тепло попрощался с ними, а затем лично принялся обучать брата Гаспара правилам вождения, что было несложно: акселератор, тормоз и гудок — и вот они уже сидели за рулем, хотя прежде Папа посчитал необходимым предупредить монсиньора Лучано Ванини, что хотя он и может сопровождать их, но только держась на расстоянии.

Они объехали Монетный двор, проехали по мосту Сакраменто, покружили возле домика Пия IV и через Квадратный сад добрались до Китайского колокола. Подумать только, сказал про себя брат Гаспар, что он целыми днями представлял себе аудиенцию у Папы, и вот теперь, к его великому счастью, эта аудиенция сопровождалась экскурсией по его частным садам; подумать только, что он наконец оказался в его присутствии и однако же не мог отделаться от ощущения, что все это сон, что вместо него во всем этом участвует кто-то другой. «Я, — размышлял он дальше, — бедный смиренный монах, здесь, на прогулке, рядом с Его Святейшеством в спортивном костюме, и все так запросто, вот только свою машинку он ведет немного небрежно. Какой же он человечный и каким великим и неподдельным смирением веет от него! Никакого напускного мистицизма». Однако даже в эти минуты брат Гаспар краешком души тосковал по своим братьям. Да, ему хотелось разделить с ними то счастье, какое он испытывал в присутствии Папы. Когда он будет рассказывать об этом в монастыре, все придут в изумление, конечно, если ему поверят. С другой стороны, неожиданно решил он, если подтвердится известие о назначении его архиепископом, он пригласит на церемонию всех своих братьев. Таким образом они тоже смогут ощутить вблизи человечность Папы. Как видим, «я» брата Гаспара все больше раздувалось от гордости.

— Присядем на скамейку и потолкуем, брат Гаспар, — сказал ему Папа, останавливая машинку. — Или хочешь покататься еще?

— Нет, хватит.

Выйдя из своих машинок, они сели на резную мраморную скамью.

— Как тебе в Ватикане? Нравится, брат Гаспар? — поинтересовался Папа.

— Да, но я чувствую себя заинтригованным.

— Заинтригованным? Почему?

— Более чем заинтригованным, Святой Отец, ошеломленным. Вот, пожалуй, точное слово.

— Рад это слышать, но почему, возлюбленный брат мой? Почему ты ошеломлен?

— Не знаю... столько всего пришлось здесь пережить. Такой избыток эмоций не по мне. С другой стороны, по правде говоря, я тоскую по моему приору и моим братьям и знаю, что они тоже истосковались без меня.

— Понятно.

— Много лет подряд мы плечо к плечу вели тяжкую битву. И делили на всех каждую радость. Просто невероятно, что теперь мне придется покинуть их, чтобы исполнить наказ Вашего Святейшества, приняв обязанности архиепископа Лусаки и кардинальский чин! Какие сюрпризы преподносит нам жизнь. Несколько минут назад я вспоминал, как они провожали меня в Ватикан. Они радовались, потому что радовался я, а я радовался, видя, как радуются они, вот только, по правде говоря, не знаю, радовались ли мы или пребывали в печали.

— Что-что?

— Подумать только, какие заботы удерживают их там: будь то ремонт колокольни, поддержка, которую они оказывают одиннадцати нищенствующим семьям, и прочее в том же роде. Это уж не говоря о настоятельной потребности пополнить библиотеку, о том, что по четвергам мы устраиваем трапезу для всех, кто стучится в наши двери, или о саде, который мы поддерживаем с таким трудом и в котором сейчас развелось несметное множество мышей.

— Дружище, почему бы вам не покупать еду в супермаркете, как все, и тем самым не избавиться от дополнительных хлопот?

— Монастырская жизнь, сами знаете...

— Да, да, конечно, монастырская жизнь, нельзя смотреть на все через розовые очки...

— Правду сказать, хоть я и не люблю жалобиться, мы дотягиваем до конца месяца только благодаря добровольным пожертвованиям полусотни наших прихожан.

— Так, значит, вы довольны своей паствой?

— Можно сказать и так.

— Что ты имеешь в виду?

— Что они, конечно, хотят помочь нам, но делают это, мягко говоря, скромно.

— Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы, — сказал Папа, — и Отец ваш небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их?

— Конечно.

— Итак, не заботьтесь и не говорите: «что нам есть?», или «что пить?», или «во что одеться?». Отец ваш небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом. Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам. Итак, не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо день завтрашний сам будет заботиться о своем: довольно для каждого дня своей заботы. Матфей, глава шестая, стих тридцать четвертый, если ты снова меня не поправишь. Скажи честно, — закончил Папа, несмотря на свою непогрешимость, ни словом не обмолвившийся о чеке, который брат Гаспар рассчитывал рано или поздно получить, почему он и не нашел лучшего выхода, кроме как дожидаться более подходящего момента, чтобы вернуться к делу и довести его до конца, а возможно, неожиданно и резко (без обиняков и экивоков) заявить, что нужды монастыря намного превосходят ограниченные ресурсы, которыми он располагает. — Тебе плохо, брат Гаспар? Что-то ты побледнел.

Внезапно брат Гаспар понял, насколько важно поведать Папе все свои самые потаенные тревоги и печали.

— Святой Отец, — заявил он, — думается мне, что святой Петр и другие апостолы немало удивились бы, увидев, что здесь происходит.

— Давай начистоту, брат Гаспар, — сказал Папа. — Все, кто приезжает в Ватикан, всегда немного смущаются, это нормально, так что не надо строить передо мной какую-то важную птицу. Скажу больше: смятение предшествует куда более глубокой вере. Без смятения вера немногочисленна. Я бы даже сказал, что Святому Духу нравится оказываться там, где царит смятение, где возникают вопросы, потому что без вопросов вера превращается в привычку, в укоренившееся обыкновение, выраженное горсткой внешних признаков, лишенных всякого смысла. Нет ничего более упорядоченного, чем смерть, это состояние вечного покоя. Когда я умру, а тебе взбредет в голову писать мемуары (уверен, что ты этим кончишь, плутишка), приведи в точности слова, которые я тебе сказал, не впадай в искушение приукрасить их цитатой из Блаженного Августина или какого-нибудь другого

Отца Церкви, ограничься тем, что я уже сказал и что собираюсь сказать теперь: мир, брат Гаспар, более упорядочен, чем мне бы того хотелось. Мы хотим познать Бога, да, но мы познаем Его только в том случае, если будем любить Его бескорыстно, без отчаяния, если полюбим Его с чистой и глубокой радостью ребенка. Нет ничего более глубокого, чем детская улыбка. Это нечто настолько абсолютное, что, глядя на нее, мы только и можем сказать: «Бог есть». В каждом детском смехе Бог существует бездоказательно, без поисков, пусть и мимолетно. Потому что... А тебе как кажется?.. Может ли существование Божие быть мимолетным? Может? Правда?

— Нет, — ответил монах.

— Может, Гаспар, может. В этом все таинство Божие. В том, что Он существует, но только временами. Удивительно, верно, брат Гаспар?

Гаспар уклончиво кивнул, потому что такой вопрос требовал более спокойного размышления.

— Пройдемся немного, брат Гаспар? Что-то меня знобит. Всякий раз, как заговариваю о смерти, происходит одно и то же.

Они пошли по усыпанной мелкими камешками дороге и скоро углубились в нечто вроде леса, хотя и очень ухоженного. Было видно, что разнообразная растительность здесь подобрана сознательно; разумеется, такому любителю травоядных тварей, как брат Гаспар, доставляло истинное удовольствие гулять по частным садам Римского Первосвященника.

— Святой Отец, — обратился к Папе Гаспар, резко останавливаясь.

— Что?

— Я оставил ключи в машине. Ее не уведут?

— Вот это славно! — добродушно воскликнул Папа. — Ну и мысли у тебя, глубокоуважаемый Гаспар! Нет, нет, не надо ни о чем беспокоиться: способность дерзать не слишком-то развита у моих подданных. Нет, нет, не стоит беспокоиться. Каким бы невероятным это тебе ни показалось, все здесь ведут себя так, будто они люди честные, и среди прочего это величайшая из многих ватиканских странностей.

Брат Гаспар с Папой рассмеялись, и скоро — ничто так не сближает, как смех, — монах решил, что настал подходящий момент вернуться к разговору о монастырских делах, а потому без лишних предисловий изложил ситуацию, в которой находились его братья, но эти доводы снова не получили ни малейшего отклика.

Естественно, во время прогулки было никуда не деться от вызывающего раздражения раздраженного Лучано Ванини, который не отставал от них, хотя по настоятельному требованию Папы, уже упомянутому, ему приходилось следовать за ними на осмотрительном расстоянии, так как всякий раз, когда монсиньор поддавался искушению приблизиться, чтобы подслушать, о чем идет речь, Папа сжимал правую руку в кулак, выставив указательный палец и мизинец (разделяя таким образом распространенное, хотя и суеверное убеждение в том, что этот знак способен как-то отпугнуть Сатану), а затем потрясал ею, проклиная монсиньора с явным и почти детским воодушевлением.

— *Vade retro, Вельзевул! Vade retro!*⁷ — что, кстати сказать, приводило монсиньора в очевидное замешательство.

Хотя Папа и предложил брату Гаспару свободно и без обиняков выражать все чувства, мнения и суждения относительно своих замыслов коренного и всемерного изменения облика Церкви («Не робей перед папской непогрешимостью», — шептал он Гаспару), несомненно, что в большинстве случаев он выслушивал его самодовольно и даже с некоторой неприязнью, как несомненно и то, что внезапно он начинал сердиться на него и на весь мир, хотя правды ради и следует сказать, что, не давая волю своему гневу, он обычно прощал монаха, обращаясь к нему с примерно такими словами: «Ты совсем как дитя, брат Гаспар, совсем как дитя. „Ибо говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в

⁷ Изыди (лат.).

Царство Небесное“». Матфей, глава восемнадцатая, стих третий или Матфей, глава восемнадцатая, стих четвертый, — хотя в конце концов оказывалось, что правда на стороне Гаспара и приведенный стих взят не из Евангелия от Матфея, глава восемнадцатая, стих четвертый, а из Матфея, глава восемнадцатая, стих третий, что и подтвердил в тот же самый день начальник швейцарской гвардии Пиус Периссе (явно тот самый, который занимался подготовкой прогулочных машинок), это не помешало тому, чтобы Папа не упрекнул его за некоторые из его суждений. Так, например, он считал, что брат Гаспар воспринимает все чересчур серьезно, и сказал, что на самом деле главное — это люди, конкретные мужчины и женщины. Однако, несмотря на то что брат Гаспар был в состоянии проникнуться этим мудрым призывом не терять из виду мужчин и женщин из плоти и крови, составляющих живое тело Святой Матери Церкви, он не мог не заметить, что Римский Первосвященник переживает, мягко говоря, не лучшие времена. Как бы в довершение издевки, настроение Папы подвергалось частым и резким изменениям, переходя от раздражения к сарказму, от меланхолии к воодушевлению и от презрения ко всему роду человеческому — к горячему призыву ко всемирной солидарности и примирению, и все это вызывало немалое удивление доминиканца, как не могли не удивлять его многочисленные и неожиданные отступления, которые Папа то и дело позволял себе по ходу своего монолога.

— Выражаясь финансовым языком, мы, католики, нигилисты, — вдруг говорил он.

— Что? — изумленно переспрашивал брат Гаспар, так как не в силах был уловить основной сути подобного высказывания, хотя и провидел в нем замаскированную ссылку на упорство, с каким описывал Папе плачевные экономические условия, в которые по вине скупости прихотен был поставлен монастырь, перечень и общий баланс которых он посчитал нужным дважды в течение одного утра довести до сведения Папы, со свойственной ему врожденной обязательностью исполняя возложенное на него деликатное поручение.

— Куда подевался Лучано? — спросил Папа, надевая очки и оглядываясь по сторонам, пренебрегая при этом нетерпением, с которым брату Гаспару хотелось уяснить целиком или хотя бы отчасти его утверждение о финансовом нигилизме католиков. — Поди разузнай, чем он там занят...

Последовав примеру Папы, брат Гаспар встал и поглядел вдаль, но Лучано нигде не было видно.

— Никого не вижу, — сказал он.

— Когда он у меня перед глазами, он меня нервирует, но когда я теряю его из виду, то начинаю нервничать еще больше. Куда он подевался? Нас должны сфотографировать.

— Сфотографировать? Зачем?

— Так принято, — ответил Папа.

— Сколько всего принято в Ватикане! — восхитился брат Гаспар.

— Ну уж, тоже скажешь!

Папа сел, и доминиканец последовал его примеру.

— По правде говоря, брат Гаспар, несмотря ни на что, ты — человек с очень развитым чувством здравого смысла. Я весьма ценю это качество. Сделанное тобой замечание кажется мне более чем уместным. Да, брат Гаспар, ты попал в точку: привычки неизменно процветают в этом Святом городе. Мне как-то тоже случалось размышлять на эту тему... Привычки, обыкновения — как все это мешает нам видеть Бога. Конечно, их высокопреосвященства упрямо стараются облагородить инерцию, по которой мы все движемся под помпезными именами и даже кичась якобы явленной нам мудростью! Да, брат Гаспар, ты прав, у нас слишком много привычек, досадное засилье привычек. Но здесь, поверь мне, все видят в этом источник благоденствия и никто не жалуется. Не переставай проявлять свое любопытство: ты первый человек, который в моем присутствии жалуется на это.

— Мне говорили, — ответил брат Гаспар, чувствуя, что настала возможность, которой он ждал, — что одна из самых укорененных ватиканских привычек — выплачивать некую сумму, когда того требует деликатное экономическое положение какой-нибудь общины или

монастыря. Это правда?

— И ты, брат Гаспар! И ты!

— Я? Что я?

— Ты тоже являешься ко мне за этим! Неужели тебе мало того, что ты стал архиепископом Лусаки и кардиналом? Ты тоже тянешь руки к лепте святого Петра?

— Не я, нет, мой приор.

— А как зовут твоего приора? — спросил Папа, как-то по особенному на него глядя, так что брат Гаспар инстинктивно почувствовал, что поторопился и лучше бы было вести дело с большей осмотрительностью. — Кто он?

— Моего приора зовут Косме Антонию Сан-Хуан, и, кажется, вы два раза принимали его, последний раз четыре года тому назад, может, вспомните. Это человек, у которого слово не расходится с делом, мудрый и порядочный.

— Да-да, мудрый и порядочный. Но не попросил ли он тебя о маленьком одолжении, как все?

Брат Гаспар кивнул.

— Что ж, — продолжал Папа, — кажется, придется мне отлучить этого щеголька.

— Святой Отец, заклинаю вас Господом Богом, не делайте этого!

— Я непогрешим, — ответил Папа.

— Да, но это будет тяжкий труд и вызовет такое недовольство, что... что я даже подумать боюсь. Кроме того, я боюсь, что он будет винить себя в том, что поручил это дело мне. Наконец, должен признаться, что наши отношения всегда были непростыми.

— Это еще почему?

— По разным причинам. Вероятно, из ревности, потому что мои труды привлекают внимание богословов, а его — проходят почти незамеченными, что, возможно, несправедливо, но я в этом не виноват: я лишь пишу о том, что Бог дает мне увидеть собственными глазами. Несколько раз я заимствовал у него кое-какие мысли, но это совсем другое дело, хотя, с одной стороны, сам он иногда признает, что мои книги сослужили ему пользу как источники и даже подвигли его на какую-то новую мысль, но с другой, когда наступает решающий момент, он не делает никаких ссылок на меня ни в примечаниях, ни в предисловии. Не отлучайте его, он уже несет достаточное наказание, и кроме того, это, несомненно, человек верующий и добрый пастырь для нашей братии, несмотря на свои недостатки, которых у всех нас не счесть.

— Ты понял все слишком буквально, брат Гаспар. Таких, как ты, поискать. В любом случае, знай, досточтимый брат, что, по заведенной в Ватикане привычке, мы чаще получаем чеки, чем раздаем их.

— Святой Отец, — слышался издали голос, принадлежавший не кому иному, как монсиньору Лучано Ванини, который нес перекинутый через руку белый подрясник и вел за собой фотографа.

— Взгляни на него, — сказал Папа, по мере того как парочка приближалась, — взгляни на этого несчастного — почему он не хочет восстать? Как далеко может завести его раболепство, желание пресмыкаться? Блаженны кроткие.

— Так будем фотографироваться, Святой Отец? — спросил Лучано.

— Конечно, почему бы и нет? — снизошел тот. — Ох уж эти фотографии, сущие дьяволы... Ладно, Лучано, надевай на меня этот карнавальный костюм.

Монсиньор облачил Папу поверх спортивного костюма в белый подрясник, и скоро фотограф (который, как все фотографы, чем-то напоминал человека-вешалку, столько разных сумок, сумочек и аппаратов было повешено у него на плечах и на шее) настроил объектив и отщелкал пару дюжин снимков, пока Папа и брат Гаспар притворялись, что ведут беседу, доверительно обмениваясь впечатлениями, имеющими вселенский интерес.

— Хорошо, достаточно! — сказал Папа, соорудив гримасу, до смерти перепугавшую фотографа и монсиньора.

Пока они удалялись, брат Гаспар попытался представить себе реакцию приора, если

угроза папского отлучения осуществится, однако у него сложилось впечатление, что все обойдется, если только он снова не допустит ошибки и не будет упрямо добиваться получения чека. Лучше было навсегда позабыть об этом.

Несмотря на то что брат Гаспар по-прежнему ожидал, что Папа поведет речь о революции, которая, судя по его словам, должна была произойти в лоне Святой Матери Церкви, той самой революции, которая углубит значение веры вплоть до того, что изменит некоторые из наиболее глубоко укорененных верований, — несмотря на все это, до слуха его долетал только какой-то заушный лепет, пробиться сквозь который было так же трудно, как сквозь чащу джунглей. Так, например, Папа заявил, что Бог должен был бы освободить людей, а не подавлять их, что если им нравится свободная игра идей, то Он должен помогать им, а не чинить помехи, и чем больше концепций и доктрин образуется вокруг Духа Святого, тем больше мы удаляемся от Сущего. К чему вся эта ученость? Не к тому ли, чтобы придать себе побольше весу? Зачем нам нужно приукрашивать Послание, жонглировать концепциями и словами? Зачем окружать себя мелкими и неумными чудесами? Разве это не тщеславие? Неужели людям не хватает одного-единственного чуда — незамутненно-божественного существования мира, удивительного факта, что Нечто существует на месте Ничто.

— А что ты думаешь по этому поводу, брат Гаспар?

— По какому?

— Какому? Да обо всем этом ералаше. Что такое Ватикан? Что мы представляем собой на сегодняшний день? Одни словеса. Что до меня, кто по большей части является сутью народной молвы и всяческих мудрствований, кто воспринимает меня всерьез? Только нищие духом. Понимаешь, брат Гаспар? На самом деле человек ничего (или почти ничего) не может сделать для самого себя, но для других он может сделать неизмеримо много. Не в этом ли суть Послания? Но если меня разряжают, как куклу, то могу ли я быть убедительным? Однако курия настаивает на том, что нет, что если ко мне и прислушиваются, то исключительно благодаря всей этой помпе, словно, оденясь я в обычный, дешевый костюм, моей пастве показалось бы, что к ней обращается какой-то пенсионер, и пресса даже не позаботилась бы печатать мои высказывания. Что ж, может быть, и так, может, их высокопреосвященства и правы, но тогда, именно поэтому, я говорю им, что то, что видят пресса и верующие — всего лишь форма, народная молва, будь она проклята; молва и зрелище выступают на первый план, а слова и их смысл так и не находят подлинного отклика. Надо превратиться в средоточие света, и средоточие это должно быть крохотным, как пламя свечи, а все эти блистающие мантии и тиары слабо способствуют тому, чтобы мое слово было услышано. Вот потому-то я и перестал появляться на публике. Короче говоря, я хочу покинуть мир зрелищ. Понимаешь, брат Гаспар?

Гаспар изумленно кивнул.

— Мне стыдно, чудовищно стыдно. Я выхожу на площадь, и народ кричит: «Да здравствует Папа! Да здравствует Папа! Посмотрите, как он прекрасен! Да здравствует Папа!» — и все в этом роде, и мне, естественно, становится чудовищно стыдно. Они видят во мне старичка, который одной ногой стоит в могиле, а разодет, как оперный певец, и, разумеется, я вызываю у них нежность. Но дело в том, брат Гаспар, что я знаю: на самом деле они смеются надо мной... Да, да, смеются... Все, весь мир смеется надо мной... Они понимают, что мне нехорошо, что я боюсь смерти, что в глубине души я, как и все они, страдаю маниакально-депрессивным психозом и что я сознаю, что я — не более чем выдумка окружающих. В результате я не могу не показаться им нелепым. Или ты не считаешь меня нелепым?

— Нет.

— Восхитительно, брат Гаспар, поистине восхитительно. Нет, таких, как ты, точно, надо искать. Блаженны нищие духом, Матфей, глава восемнадцатая, стих третий. Вот в чем секрет: нищие духом. Ибо им принадлежит Царство Небесное. Стоит человеку прочесть полдюжины книг, как — бум! — все рушится. Будь прокляты интеллигенты! Интеллигенты

ненавидят сами себя, брат Гаспар, и из этого глубокого и безутешного недуга черпают силы, чтобы отнять желание жить у каждого христианина с помощью своего хитроумного анализа, своего безграничного и чванливого пессимизма, в конце концов, с помощью своей безмерной гордыни. Все-то им хочется разложить на составные части! И за каким дьяволом они нам нужны? Лучше быть слегка туповатым, тебе не кажется? По крайней мере так утверждает Евангелие, но эти людишки, я в этом не сомневаюсь, с таким упорством славят печатное слово, что, полагая, так просто мы от них не отделаемся. Блаженны нищие духом, брат Гаспар, блаженны нищие духом.

— Блаженны, — подхватил Гаспар.

— Кто ты по гороскопу?

— Что?

— По гороскопу.

— Я не совсем понимаю, о чем спрашивает меня Ваше Святейшество.

— Хватит! — прервал его Папа, внезапно раздражаясь. — Не хочешь же ты мне сказать, что тебя в первый раз об этом спрашивают?

— Нет, но я даже представить себе не мог, что Ваше Святейшество...

— А можно узнать почему? — прервал его Папа, что вошло у него в привычку, по мере того как ярость его не только не утихала, но еще больше разгоралась. — Почему? Почему все только и ждут, что я буду вести себя не как простой, обычный человек? Разве я не имею права на небольшую долю здоровой пошлости? Разве у меня не может быть обыденной жизни, полной банальностей? Разве я обречен ежеминутно быть глубокомысленным? Если бы ты только знал, какую скуку, какую невыразимую тоску я испытываю, когда мне приходится читать сухие и холодные слова, которые секретари их высокопреосвященств (даже не сами высокопреосвященства — секретари!) пишут для меня, эти совершенно нечитабельные вариации... В чем на самом деле состоит работа Папы? Говорить миллионам католиков, которые даже и не христиане, что хорошо, что, в конце концов, этот насильственный и безумный спринт к могиле имеет какой-то смысл? И что же мы для этого делаем? Ничего; одни энциклики — и ничего больше. Не кажется ли их высокопреосвященствам, что молчание предпочтительнее? Так нет же, потому что мы — приверженцы слова, приверженцы прошлого или, лучше сказать, приверженцы описи, оставшейся нам от прошлого. Еще давно я заметил, что если мы не улучшим стиль нашего папства, то стадо наше рассеется, и рассеется безнадежно. Никто даже и внимания не обратил. Пропустили мимо ушей. Как так может быть? Как это возможно, чтобы высокопреосвященства и их секретари, которые способны витийствовать без конца, не проронили ни разу в жизни ни единой шутки, все освещающей и все освежающей банальности? Немного чувства дистанции, немного перспективы! Как такое возможно? А вот я скажу как: просто их высокопреосвященства воспринимают самих себя слишком всерьез, но в конечном счете это не моя проблема. Моя проблема в том, что они претендуют на то, чтобы и я воспринимал их всерьез и одновременно воспринимал всерьез самого себя. И ты, брат Гаспар, и ты... Теперь мне кажется... Ты легко можешь поддаться тому же искушению. Ты тоже воспринимаешь все слишком всерьез, заносчивый монашек.

— Я постараюсь исправиться.

— Какое твое любимое животное?

— Животное? Шимпанзе, — машинально ответил Гаспар.

— Шимпанзе?! Удивительно, брат Гаспар.

— Хотя питаю такую же склонность к дельфинам, как Ваше Святейшество, — добавил монах, вспомнив, что накануне Папа выражал желание перевоплотиться в дельфина, что, разумеется, бросало некоторую тень на учение и явленную свыше мудрость и было некоторым образом несовместимо с ними, — насколько именно, брату Гаспару показалось, он может вот-вот постичь.

И в самом деле, единственным приемлемым объяснением явно безрассудному желанию Папы перевоплотиться в дельфина, подумал брат Гаспар, могло быть и, вероятно, было

ребяческое удовольствие вызывать у окружающих изумление. «Одно лишь изумление ему ведомо», — сказал он, цитируя святого Григория Нисского, а затем Иоанна Павла I (который, несомненно, позаимствовал эту фразу у святого Григория, потому что Папы, насколько нам известно, тоже присваивают себе чужие изречения): «Что такое мы как не плоды божественного изумления?» Изумление, которое, конечно же, чувствовал и брат Гаспар, но изумление изумлением, а Святой Отец предполагал устроить — и вряд ли кто мог помешать ему в этом — беспрецедентную революцию в католическом мире. И не только это: в ближайшие дни, по его словам, он хотел обсудить с доминиканцем «подробности грядущей смуты», твердо и окончательно решив, что на той же неделе на внеочередном собрании консистории произведет его в кардиналы и назначит архиепископом столицы Замбии, Лусаки. И при этой мысли ему тут же пришла на память его матушка, которая наверняка расплакалась бы от радости, чего, к сожалению, он не мог с такой уверенностью утверждать в отношении своего приора.

— Я хочу, брат Гаспар... — сказал Святой Отец, кладя руку ему на плечо. — Да, я хочу, чтобы именно ты составил пастырское послание, которое я собираюсь прочесть завтра своей пастве, так что следи хорошенько за моими словами и не упускай ни одного из них.

Однако то, что стояло на кону, намного превосходило естественное удовольствие от внезапного повышения, равно как и удовольствие, что всего за одну ночь он превратился в возлюбленного сына Пресвятого Отца, так как ему уже поручали такие в высшей степени ответственные задания, как составление пастырских посланий, — но в чем же заключалась революция, которую Папа собирался произвести? Это брату Гаспару было не совсем ясно или, по крайней мере, не так ясно, как должно было быть.

— Какой, по-твоему, самый распространенный грех нашего времени? Самый распространенный, а следовательно, тот, против которого мы должны сосредоточить основные усилия? Какой?

— Не знаю.

— Алчность, брат Гаспар, алчность — вот по преимуществу самый тяжкий грех современности, который превосходит все остальные своими опустошительными последствиями: великой и неопикуемой нищетоу, которую он порождает, эпидемией убийств и самых различных преступлений, творящихся во имя его. Помнишь, брат Гаспар, энциклику Пия XI «Quadragesimo anno»? «Родина там, где больше благ», — написал он с лукавой проникательностью. Алчность, алчность, везде одна алчность: алчность идолопоклонников, досточтимый брат. Все сокровища, которые мы собираем на этой земле, пойдут на корм стервятникам, и, возможно, поэтому удовольствие, которое приносит алчность, полно тоски и тревоги. И не будем при этом забывать, что тоска также исходит от Бога: тоска — участник таинства смерти, которое разыгрывается в нас. Как, брат Гаспар, как мы с тобой сможем остановить эпидемию алчности, которая завладела людьми? Если бы мы нашли ответ на этот вопрос, — сказал Папа, словно жалуясь, словно все его тело было действительно охвачено мучительной болью, — если бы мы нашли ответ на этот вопрос...

— Быть может, посвятив наши дни и труды Господу... — начал было монах.

— Ха! — снова прервал его Папа. — Нет, брат Гаспар, нет, ведь разве не этим мы занимались столько веков? И чего же мы достигли? Ничего.

— Тогда? — переспросил его встревоженный брат Гаспар. — Тогда?..

— Тогда, брат Гаспар, мы должны повергнуть всех вокруг в величайшее и абсолютное изумление.

Гаспар растроганно кивнул.

— Самая сильная и самая слабая сторона моего положения — в том, что я непогрешим. Конечно, непогрешимость — это своего рода экстравагантность, но я, со своей стороны, намерен извлечь из нее наибольшую пользу. Потому что иногда, брат Гаспар, общаясь с курией, я чувствовал, что все непогрешимы, кроме меня, а ведь с тысяча восемьсот семидесятого года только Папа, а не какой-нибудь кардинал, считается непогрешимым. Разумеется, догма о папской непогрешимости существует сравнительно недавно, но и этого

достаточно, чтобы заткнуть рот строптивцам. Знаешь, я вот о чем подумал...

— Да?

Папа умолк, посмотрел на монаха, снова впал в задумчивость, снова посмотрел на Гаспара и наконец сказал, указывая на башню Сан-Джованни:

— Там в моем распоряжении — парк вертолетов. Небольшой, но этого хватит. Хотелось бы тебе облететь купол собора Святого Петра? Хочу сказать заранее: это впечатляющее зрелище, и оно того заслуживает.

Гаспар кивнул.

Если вначале он был склонен думать, что смысл и конечная цель изумления, о котором то и дело заводил речь Папа, сводились исключительно к тому, чтобы пробудить в людях мощную тягу к Богу, то теперь в душу его закрались некоторые сомнения. Однако то, что и как случилось в дальнейшем, заставило доминиканца усомниться во всем, что до сих пор казалось ему искренним и правдивым, и то, что я сейчас собираюсь рассказать, я проиллюстрирую слово в слово в соответствии с тем, свидетелем чего пришлось стать брату Гаспару, а именно: когда казалось, что прогулка уже подходит к концу, и оба возвращались к месту, где оставили свои машинки, Папа предложил сделать передышку, они уселись на скамью, и тут-то Папа и попросил брата Гаспара исповедовать его.

— Что? Кто? Я? — запинаясь, пробормотал монах.

— Кто же, как не ты?

— Мне кажется, я недостоин...

— Сначала выслушай меня, — прервал его Папа по своей неискоренимой привычке, — и тогда поймешь, почему ты оказался избранным. Это не случайно. Случайно ничего не бывает, брат Гаспар. Ты что же, отказываешься меня исповедать? Но я желаю. Хочу рассказать тебе о некоторых своих грешках.

И рассказал. Грешки!

В его глазах все это были «грешки»!

При других обстоятельствах брат Гаспар попросил бы кающегося посвятить каждый оставшийся ему вздох молитве, чтобы смыть свои величайшие грехи, но, учитывая, что кающимся грешником был Папа, а исповедником — бедный монах, подобная рекомендация вряд ли прозвучала бы уместно.

— Пусть Бог, Отец наш всемилостивейший, Который примирился с миром через смерть и Воскресение Сына Своего и ниспослал Святой Дух во искупление грехов, наградит тебя чрез это церковное таинство покоем и прощением. Отпускаю тебе грехи твои во имя Отца, Сына и Святого Духа.

— Аминь, — отозвался Папа. — Что ж, я чувствую себя лучше, прямо полегчало. Спасибо, брат Гаспар. Нет ничего лучше, как вовремя исповедаться. Еще раз спасибо.

— Не за что, — довольно едко и недоверчиво ответил монах.

— Хочу сделать тебе небольшой подарок, — сказал Папа, шаря по карманам, и брат Гаспар решил, что наконец-то получит желанный чек, о котором уже трижды просил.

Однако Папа ограничился тем, что достал серебряную медальку, дешевые четки и лотерейный билет, и сказал:

— Что выбираешь?

— В каком смысле?

— Медаль, четки или лотерейный билет?

— Медаль у меня уже есть.

— Тогда остаются четки и билет.

Речь шла о самом заурядном билете с ничем не выделявшимся номером 207795, но у брата Гаспара забилося сердце: а вдруг... Сознывая, что скорей всего Папа подвергает его испытанию — судя, в первую очередь, по тому, как пристально следит он за ним в эти минуты нерешительности, — брат Гаспар отдал предпочтение лотерейному билету, хотя и не без тягостного чувства, что совершает грех, и не без страха, что его выбор подвергнется

осуждению.

— Ах ты, маленький материалист, — действительно сказал Папа. — Но по крайней мере не лицемер, как остальные. Ты выбрал правильно, потому что основной вопрос здесь в том, что... Знаешь, я недавно размышлял над папской непогрешимостью, — еле слышно произнес Его Святейшество, — над нашей непогрешимостью. Мы не можем ошибаться... Почему? А потому, возлюбленный брат мой, что мы напрямую связаны со Святым Духом... Однако в чем состоит наша непогрешимость? В том, что мы никогда не ошибаемся, возвещая с кафедры догматы веры. А что такое догмат веры, возлюбленный брат мой? Слушай внимательно: такими вещами нельзя пренебрегать, поскольку догмат — это истина, без веры в которую спасение невозможно. Что? Ты дрожишь, возлюбленный сын мой?.. Иными словами, когда мы однажды размышляли обо всем, связанном с нашей непогрешимостью, нам пришло в голову, что уже давно ни одного Папу не осеняла мысль, достойная того, чтобы превратиться в догму, в непогрешимую истину, и тогда мы сказали себе, что настал час одному из нас сказать нечто дерзновенное, неслыханное, глубокое и блестящее, и именно это я предлагаю сделать незамедлительно... Не сомневайся, возлюбленный сын мой: мы утвердим новый неопровержимый догмат веры (и утвердим его с кафедры, как полагается), что в День Младенца Христа выигрыш общенациональной итальянской лотереи придется на билет номер 207795, серия АН.

Конечно, с богословской точки зрения, подобное предложение было полным абсурдом, к нему нельзя было отнестись иначе, как к ребяческой шалости или бреду, но брат Гаспар, не ведая о противоречиях, которыми Святой Отец потрясал как правдой, следил за его ясными и внешне логичными рассуждениями с явным интересом.

— А зачем? — продолжал говорить он терпеливо слушавшему его монаху. — Зачем? — несомненно, спросишь ты себя. Почему Папе нужно, чтобы выигрыш выпал на билет номер 207795, серия АН? По одной очень простой причине, возлюбленный брат мой... Или, лучше сказать, по двум причинам. Первая заключается в том, что Папа, иначе говоря мы, приобрел билет с упомянутым номером, более того — всю серию... Но хорошо, ты спросишь и будешь прав: как это возможно, чтобы Папа прибег к подобной уловке, чтобы разжиться несколькими жалкими миллионами, когда всем известно, что ватиканская казна... ты ведь понимаешь, о чем я, правда?

Какая нам в том необходимость? Возлюбленный брат, нами движет не алчность, а желание узреть истину, раскрыть на нее глаза окружающим и подвергнуть испытанию сам Дух Святой... С другой стороны, если указанный нами номер не выпадет, это будет означать, что мы не так непогрешимы, как думали. Иными словами, с того самого момента, когда мы заявим об этом, воспользовавшись подобающей нам непогрешимостью, мы станем всего лишь детьми слепого случая и окажемся в его руках... Ну как? Что думаешь, брат? Тебе не кажется, что мы вызовем колоссальное изумление, подлинное, апокалиптическое?

— Несомненно, Пресвятой Отец.

Во время всего монолога у Папы было такое же улыбающееся лицо, как у Рафаэлла Карра, одной из тех звезд эстрады, которые способны сохранять свою внешность лет сорок-пятьдесят благодаря вечности, неизменно проходящей через операционную. «Забавно, — подумал брат Гаспар, — что у нее и у Папы было одно и то же выражение лица и такое же внеземное сияние исходило от обоих», — но в глубине души он уже пресытился всякими странностями и больше не мог жить в состоянии постоянного изумления, так что спрятал билет в карман с затаенной мыслью: «А вдруг мне повезет, вдруг повезет?..»

Вскоре они снова вышли на усыпанную камешками дорогу, и тут изумление доминиканца превратилось в нечто вроде отвращения, отвращения ко всему мирозданию до мельчайшего атома.

Наконец завиднелись машинки и Лучано Ванини, который старательно протирал носовым платком зеркала заднего обзора.

— Угодливая шавка, — сказал Папа. — Иногда так прямо убить его хочется.

— Понимаю, — сказал брат Гаспар.

— Неужели?

— Естественно, и мне кажется, вы правильно поступили, уволив его. Жаль только, — цинично добавил Гаспар, — что в Царстве святого Петра не применяется смертная казнь. Быть может, мы могли бы восстановить ее, вам не кажется? Как часть революции.

— Что? — переспросил Святой Отец, останавливаясь и несколько удивленный словами монаха.

Брат Гаспар боялся худшего, но ему до сих пор было неизвестно, что он сам роет себе яму.

— Разве неправда, что вы решили отказаться от его услуг?

— Кто тебе это сказал?

— Он самый, Лучано Ванини.

— Когда?

— Вчера вечером.

— Обманщик!

— Значит, он все это выдумал?

— Конечно, конечно, выдумал.

Несмотря на то что монсиньор искоса поглядывал на них, брат Гаспар не собирался утихомириваться.

— А почему бы вам его не выгнать? — поддразнил он Папу. — Если он причиняет вам столько неприятностей — почему вы его не выгоните? Почему не выдадите ему паспорт? У меня впечатление, что услуги, которые он оказывает Преемнику святого Петра, не лучшего сорта и что его облик, учитывая занимаемый им пост, оставляет желать лучшего. Почему вы не отправите его в отставку *ipso facto*?⁸

— Потому что думаю, что монсиньор Лучано Ванини нечто вроде божественного посланника, данного нам в наказание. По правде говоря, если подумать хорошенько, мы, вероятно, могли бы разделить этот крест, — ответил Папа и, неожиданно подняв руку, закричал: — Лучано, Лучано!

— Что? — ответил Лучано, по-прежнему пребывая в скверном настроении.

— Подойди на минутку, пожалуйста! — Лучано только презрительно посмотрел на них. — Лучано, — добавил Святой Отец. — Не упрямясь... — Скрепя сердце, монсиньор поспешил к ним. — Лучано Ванини, — торжественно провозгласил Папа, как только он приблизился, — с этого самого момента вплоть до самой своей смерти ты переходишь в услужение к брату Гаспару, будущему архиепископу Лусаки и кардиналу.

Монсиньор воспринял новость с абсолютным безразличием, лишь слегка поклонившись доминиканцу, причем глаза его на мгновение затуманила похоть. Брат Гаспар чуть не умер.

— Ступай, Вельзевул.

— На всю жизнь? — пробормотал доминиканец, как только Лучано отошел от них.

— На всю жизнь, — ответил Папа.

— Но...

— Никаких «но», я — Папа.

— Это невозможно...

— Еще как возможно. Это я тебе говорю.

— Но... Груз, который вы на меня возлагаете, при всем моем уважении, мне не по силам.

— Груз? Какой груз? Груз остается на наших плечах, брат Гаспар. Расходы монсиньора Лучано Ванини (чрезмерные и нелепые, как вы сами убедитесь по ходу дела) мы целиком берем на себя. Так что... Груз — нам, наказание — тебе.

От внимания монаха не ускользнуло, что все происходившее было в каком-то смысле

⁸ В силу самого факта (*лат.*).

необычно и парадоксально. Складывалась ситуация, невиданная за все века существования католичества, а именно: несмотря на то что брат Гаспар был исповедником, а Святой Отец — кающимся, епитимью на исповедника наложил кающийся, и состояла она в том, что теперь брат Гаспар всю свою жизнь должен был терпеть жалкого и омерзительного монсиньора, которого ему тут же захотелось прикончить.

— Ну что ж, пора домой, возлюбленный брат? — предложил Папа. — Можешь меня проводить, если хочешь.

Они уселись по машинкам, и, когда уже приготовились тронуться с места, Святой Отец напустил на себя вид автогонщика и сказал:

— Да будет проклят последний! — и понесся вниз по склону не без риска для собственной жизни.

Брат Гаспар легко мог бы догнать его, потому что уже научился в совершенстве управлять своим автомобильчиком, но предпочел уступить первенство. В конце концов, речь шла о Его Святейшестве, тогда как он был всего лишь бедным и смиренным монахом, который не только пребывал в смятении и практически на грани нервного срыва, но и временами чувствовал, как, словно дым, тают в нем вера и надежда, которые в лучшие времена питали и поддерживали его, вера и надежда, которые по сию пору охраняли его от нападков дьявола, и до такой степени возросло недоверие и презрение, которые монах ощущал по отношению к самому себе, поскольку не зря опустошительный смерч слабости, страха и отчаяния бушевал в его душе, что вскоре после того, как они вернули машинки командующему швейцарской гвардией Пиюсу Периссе, который веселой овацией встретил возвращение процессии, когда, казалось, он уже собирался попрощаться с Папой, явно переполняемым эмоциями после своего блестящего финального спурта, он только и мог, что преклонить колена перед Его Святейшеством, вперив глаза в землю.

— Что с тобой? — спросил Папа. — Ты плачешь?

— Да, Святой Отец.

— Почему?

— Потому что... Сожалею, что приходится говорить такое, но я не хочу быть ни архиепископом, ни кардиналом.

— Что? — спросил Папа.

— ...И еще меньше, — продолжал брат Гаспар, — я хочу, чтобы меня назначили архиепископом Лусаки. Что мне делать в этой Лусаке?

— Но, брат Гаспар, — попытался разубедить его Папа, — разве я не говорил тебе, что дело с Лусакой — это чистой воды трюк, чтобы никто не мог спросить: «Откуда взялся этот монах?» — «Из Лусаки», — ответим мы, и волей-неволей им придется смириться.

— Нет, нет...

— Что?

— Святой Отец, мне не хватает нравственных сил, чтобы занимать столь высокие посты. Я слишком слаб, чтобы заслужить кардинальскую мантию, это наверняка развратит мою душу. Кроме того, я почти не знаю языков: итальянский, немножко французский да с полсотни смехотворных выражений на английском — вот и все, по пальцам можно пересчитать. Конечно, я готов исполнить любое повеление Вашего Святейшества, но архиепископ, кардинал и ко всему прочему еще революция... Не знаю, смогу ли я... Это для меня чересчур. Что касается возможности стать Папой... Не знаю, смогу ли я... Я... Не знаю... Кто я такой? Что я? Голубиный помет! И ничего больше! Как же мне быть Папой? Это пугает меня... Если вы так уж хотите дать мне поручение, то отправьте меня миссионером к индусам, неграм или китайцам, но быть кардиналом... Нет, нет и нет... И, Богом вас заклинаю, избавьте меня от такого секретаря. Иначе вся моя жизнь пойдет прахом, и вы лишите меня будущего.

Тогда Святой Отец снова по-братски обнял его за плечи, попросил подняться и, глядя ему в глаза, повторил слова, сказанные Папой Пием XI своему государственному секретарю, Эудженио Пачелли:

— Я считаю величайшей благодатью своей жизни иметь вас рядом. Если Папа умрет, то на следующее же утро или через день выберут следующего и деятельность Церкви не будет прервана. Но если нам не будет хватать брата Гаспара, то это станет несчастьем куда худшим, ибо другого такого нет. Молю Бога, чтобы Он дал еще одному брату Гаспару возрасти в какой-нибудь семинарии, но по сей день во всем мире есть только один. Брат Гаспар, мы желаем видеть вас кардиналом.

Монах отрицательно покачал головой.

— Мы желаем видеть тебя кардиналом, — повторил Папа, на этот раз более сурово.

Но Гаспар снова помотал головой.

— Я Папа, — сказал ему Его Святейшество, — и я непогрешим. Кому как не мне знать, в чем нуждается твой дух?

— Я не могу быть кардиналом, — ответил брат Гаспар. — Моя вера слишком ослабла.

На сей раз Папа бросил на него удивленный и досадливый взгляд.

— Слушай, брат Гаспар, я знаю, что ватиканский обычай требует, чтобы, когда кого-то производят в кардиналы, он бил себя в грудь и извивался, как червь, но ты зашел что-то уж слишком далеко. Все кардиналы говорили мне то же самое, но на третий раз шли на мировую, что тоже является обычаем в подражание трем отступничествам святого Петра. Ты превзошел все мыслимые и разумные пределы, поэтому я вынужден просить тебя больше не отказываться и не испытывать мое терпение. Поверь, если ты снова скажешь, что отказываешься быть кардиналом, я восприму это как решительное и окончательное отречение. Что скажешь?

Брат Гаспар расплакался, как дитя.

— Ладно, ладно, брат Гаспар, не надо впадать в мелодраму. Я знаю, что ты, как и все, страстно стремишься к кардинальской мантии, а если повезет, то и к папской тиаре. Это логично и естественно — используя дарованные нам способности, пытаться достичь наивысшей славы: всем нам нравятся сильные чувства. Если это не так, то зачем ты стал экзорцистом? Что ты думаешь? Что я только вчера родился? Нет, ты не должен стыдиться своего волнения. К этому нет ни малейшего повода. В этом волнении, можешь мне не верить, вся соль жизни, так что оставь все напускное и подыщи подходящий девиз для нового этапа в своей жизни, кроме того, подготовь прочувствованную речь и скажи монсиньору Ванини, чтобы он сопровождал тебя в лучшие магазины готового платья — «Конфексьонес Регис» или «Кавалледжери и сыновья». Скажи, чтобы все расходы записали на наш счет. Понял? Давай, брат Гаспар, мы хотим, чтобы ты был здесь, с нами, мы любим тебя и нуждаемся в тебе. В наших с тобой руках, брат Гаспар, прогресс Церкви. Не удивлюсь, если ты станешь моим преемником. Или я недостаточно ясно выражаюсь? Пора совершать революцию, и ты нужен мне, — закончил Папа, дружески потрепав монаха по щеке, что бедному Гаспару показалось более подходящим футбольному тренеру, нежели Папе, но силы его уже настолько истощились, что ничто не могло испугать или смутить его. Папа же под конец добавил: — Я считаю, что эти слезы смывают следы твоих отречений. Приходи ко мне завтра и не забудь захватить папское послание, которое я тебе доверил. Вместе позавтракаем и всерьез возьмемся за работу. Отныне будем действовать в самом тесном сотрудничестве. Не сомневайся, ты войдешь в историю Церкви как один из ее великих спасителей и займешь почетное место в святцах. А теперь ступай. Ах да, завтрак подают в восемь.

Гаспар кивнул.

VIII

Можем ли мы вынести, чтобы истина, явленная нам свыше, стала предметом обсуждений?

Пий XI

Всем нам нравятся сильные чувства, как сказал Святой Отец во время второй встречи, но ближе к полудню 4 ноября бедный Гаспар почувствовал, что силы его практически на исходе, и действительно, когда он вернулся к себе в номер, глаза ему застила сонная пелена и он пребывал в таком великом смятении, усугубляемом зверским голодом, который ему приходилось терпеть и который прогулка по папским садам, равно как и упоминание Святого Отца о завтраке, только обострили, что, вернувшись, он хотел было найти утешение в молитве, но так и не смог этого сделать.

Хорошо известно, что добровольный пост люди переносят стойко и даже с удовольствием, поскольку человек подвергает себя испытанию, сознавая, что подобное состояние подготавливает его к благостному созерцанию Бога, но пост вынужденный — это нечто совсем другое и почти противоположное: обмороки и головокружения переживаются как пытка, а не как экстаз очищения. Во время постов такого рода сыновья Адамовы скорее склонны думать о жареных баклажанах, чем о духовном совершенстве, иными словами, брат Гаспар чувствовал себя до крайности несчастным и жалким, несмотря на упомянутые обещания церковной славы, которые, казалось, подтвердились этим утром, и даже еще более чем просто несчастным, когда ему приходила на память странная исповедь Римского Первосвященника. Гаспар блуждал в потемках. Тонкий луч света, который связывал его с Господом, казалось, погас.

Последние три года прошли для него почти без внутренних испытаний, не считая тех, что были связаны с его миссией экзорциста; напротив, он пребывал в мире с Богом и каждый день, пусть даже на краткое мгновение, ощущал явственное присутствие чуда. Терзавшие его прежде колебания и сомнения, казалось, исчезли без следа. Однако со времени своего прибытия в Ватикан он чувствовал некое беспокойство, какую-то неудовлетворенность, овладевавшую им почти ежечасно. Сначала все удручало его без каких бы то ни было причин, потом же причин стало хоть отбавляй. Он старался выглядеть довольным и, прежде всего, быть таковым, но теперь это ему не удавалось.

Если, согласившись с мистиками, мы предположим, что, когда человек обретает дар постоянства в молитве, он достигает вершины всех добродетелей, поскольку посредством молитвы мир преисполняется божественным присутствием, то мы также должны допустить, что дух — всего лишь сбившийся с пути бродяга, доколе он не обрящет мира и мужества, а будет противиться и не сможет погрузиться в медитацию. Брата Гаспара подавляли желания: желание стать кем-то, желание облачиться в кардинальскую мантию и желание постичь промысел Божий и разгадать Его замыслы. Он попытался молиться, но не смог. Желания заполонили его душу, и он был уже не тот, что вчера. Он попытался молиться и не смог.

Разумеется, поразительный парадокс заключался в том, что у человека, который неожиданно-негаданно стал претендентом на кардинальский пост, тем не менее не было и горстки монет, чтобы купить себе чего-нибудь съестного. Хотя Его Святейшество недвусмысленно пообещал на следующий день угостить его завтраком, брат Гаспар не хотел и не мог ждать так долго, и, хотя тот же человек и так же недвусмысленно напроорочил ему славное будущее, в данный момент возможность прославиться на церковном поприще казалась брату Гаспару сущей безделицей, чуть ли не банальностью по сравнению с тем, что действительно занимало его мысли: ужасной исповедью Папы.

Машинально, не задумываясь о масштабах последствий, которые это может повлечь, он набрал номер секретаря его высокопреосвященства кардинала Кьярамонти и сообщил, что аудиенция у Папы уже закончилась, после чего возникло много важных вопросов, требовавших серьезного и глубокого обсуждения.

— И последнее, — добавил брат Гаспар. — Важно увидаться как можно скорее, возможно, за обедом.

— Я переговорю с его высокопреосвященством, — ответил монсиньор Луиджи Бруно, — однако сомневаюсь, чтобы речь могла идти об обеде.

— Почему же?

— Иногда, как сегодня, чтобы не тратить времени зря, его высокопреосвященство

имеют обыкновение довольствоваться сэндвичем, который ему уже наверняка подали. В любом случае будьте на месте. Мы скоро перезвоним.

Так и случилось: не прошло и десяти минут, как раздался телефонный звонок и монсиньор Луиджи Бруно попросил брата Гаспара немедленно прибыть к его высокопреосвященству.

Доминиканец никоим образом не ожидал увидеть такое многочисленное собрание, какое ему предстало: в кабинете его высокопреосвященства собрались не только уже знакомые ему кардинал Джузеппе Кьярамонти, его секретарь монсиньор Луиджи Бруно и вечно хмурый архиепископ Ламбертини, но и, к великому удивлению брата Гаспара, еще двое кардиналов, которых тут же представил ему сам Кьярамонти. Первым был кореец Хавьер Ксиен Кван Мин. Склонившись, брат Гаспар поцеловал перстень на его руке и спросил:

— Хавьер Ксиен Кван?..

— Мин, — пояснил Кьярамонти.

— Мин? Ах да, конечно, Мин, — сказал Гаспар.

— Ксиен Кван Мин, — повторил Кьярамонти, между тем как кореец одарил брата Гаспара широкой улыбкой.

— Ксиен Квен Мин, — сказал брат Гаспар, стараясь запомнить иноземное имя.

— Кван, Кван, — поправил его Кьярамонти, — не Квен. Ксиен Кван Мин.

— Ксиен Кван Мин?

— Ладно, ладно, хватит! — почти рассерженно без всякой на то причины сказал Кьярамонти и, схватив Гаспара за руку, резко, почти рывком, подтащил ко второму из кардиналов.

Брат Гаспар снова наклонился, поцеловал перстень и вдруг, словно в довершение своих бесчисленных терзаний, услышал голос Кьярамонти:

— Его высокопреосвященство кардинал Эммануэль Малама, архиепископ Лусаки, Замбия, о котором вы, наверняка, уже наслышаны.

— Архиепископ Лусаки?! — воскликнул брат Гаспар не в силах скрыть недоверия. — Этого не может быть!

— Нет? А почему, позвольте спросить? — сказал кардинал Кьярамонти, нахмурясь и довольно-таки удивленно.

Удивляться бы надо было бедняге Гаспару, ведь разве не ему Святой Отец обещал чин архиепископа Лусаки, хотя, естественно, он даже намеком не дал этого понять. Его главная цель была успокоиться и постараться внести ясность в свои мысли, чтобы не впадать в противоречия и не дать кардиналам возможность заподозрить, что дело нечисто.

— Хорошо, хорошо, сядемте, господа, — сказал Кьярамонти, — нам о многом надо переговорить, так что не будем терять время. Его высокопреосвященство кардинал Хакер, к сожалению, запаздывает. Прошу садиться.

И вот все шестеро расселись по удобным диванам, стоявшим в одном из концов просторного зала собраний государственного секретаря, хотя должен отметить, что поначалу все приумолкли, словно не зная, какова подлинная причина данного собрания, или ожидая, кто первым нарушит молчание, и именно в этот момент в дверь постучали, и кардинал Кьярамонти досадливо проронил:

— Войдите...

Появился фотограф, который после одобрительного знака Кьярамонти проворно навел объектив на присутствующих и успел несколько раз щелкнуть, в то время как их высокопреосвященства — за исключением корейца, — притворялись, что ведут оживленную беседу, представление, которое, казалось, тоже входит в число ватиканских привычек, но, как только объектив закрылся и фотограф вышел из зала, вновь воцарилось глубокое молчание. Воспользовавшись им, брат Гаспар принялся внимательно разглядывать двух только что представленных ему кардиналов.

Большого несходства нельзя было себе и представить. На лице кардинала Ксиен Кван

Мина, который до сих пор не промолвил ни слова, что не переставало тревожить Гаспара, застыла улыбка, обнажавшая два крохотных клыка, улыбка, которая, хоть и показалась Гаспару вначале выражением величайшей искренности, ясным и очевидным проявлением кротости и доброты, свивших гнездо в его сердце, теперь вызывала у него некоторые подозрения, поскольку клыки и эта словно приклеенная улыбка придавали кардиналу зловещий вид восковой куклы. Что касается африканца, то, как правильно заметил его высокопреосвященство кардинал Джузеппе Кьярамонти, Гаспару была известна его слава экзорциста, несмотря на то что он уже удалился от дел, хотя не столько по причине возраста и многочисленных недугов, которыми страдал, сколько — и прежде всего — из-за слишком частых выступлений перед телекамерами, когда он лет пять тому назад проводил сеансы экзорцизма и вел немислимые, чуть ли не еретические речи, что и стоило ему в свое время нескольких предупреждений, равно как и формального запрещения выступать на публике и постепенного, но окончательного отдаления от курии. Кроме того, опубликованные им книги слишком редко ссылались на ученые источники и в конечном счете оказывались ненаучными, что не снискало ему симпатии и уважения ватиканских богословов. Действительно, в некоторых инстанциях его обвиняли в колдовстве, в том, что он недопустимым образом смешивает анимистские тезисы с евангельским словом, и даже в том, что во время некоторых своих обрядов он использует проткнутых иглами тряпичных кукол и обезьянью кровь. Для вящего позора некоторые дешевые комики издевались над ним в телешоу. Брат Гаспар задался вопросом, как и ради чего кардинал Малама удостоился присутствия в этом важном синклите столь высокопоставленных и суровых церковных иерархов. Так или иначе, африканский кардинал не сводил глаз с брата Гаспара: взгляд его был тусклым и совершенно невыразительным, так что брат Гаспар даже испугался, что до ушей кардинала каким-то загадочным образом дошел слух о назначении его, брата Гаспара, архиепископом Лусаки, что, по логике вещей, вряд ли было тому очень приятно. Однако дело в том, что, как скоро заметил Гаспар, не только его высокопреосвященство кардинал Малама пристально его разглядывал, но и прочие пятеро присутствующих вонзили свои взоры в монаха, словно ожидая, что из него сейчас посыплются бесчисленные откровения и разоблачения. Маленькие клыки кардинала Ксиен Кван Мина торчали между губ, и перед глазами брата Гаспара все поплыло в дымке, как перед обмороком.

— Ваши высокопреосвященства, — сказал брат Гаспар, — где здесь уборная?

Их высокопреосвященства переглянулись, и после показавшейся бесконечной паузы кардинал Кьярамонти прокаркал:

— Налево, в конце коридора.

Брат Гаспар встал и, выйдя из зала, свернул налево, как ему и сказали, и добрался до сортира: страх и голод в равной степени мучили его.

Когда монах вернулся, на лице его, должно быть, отражались одновременно недоумение и паническая растерянность, почему кардинал Кьярамонти спросил:

— С вами все в порядке, брат Гаспар? У вас странный вид.

— В полном порядке, — нашел в себе силы ответить брат Гаспар, — хотя, говоря по правде, я голоден. Некоторые обстоятельства, которые не заслуживают ни упоминания, ни того, чтобы я на них останавливался, обременяя ваши высокопреосвященства своими личными неурядицами, никак не идущими к делу, однако эти обстоятельства, повторяю, привели к тому, что за прошедшие сутки у меня и маковой росинки не было во рту. Не могли бы вы попросить, чтобы мне подали сэндвич и кока-колу?

Кардинал Джузеппе Кьярамонти посмотрел на него с удвоенным любопытством, но затем встал, подошел к телефону, снял трубку и, выдержав паузу, как показалось бедному монаху, не без заднего умысла, спросил, ни к кому отдельно не обращаясь, не проголодался ли кто-нибудь еще и не пожелает ли кто-нибудь кофе или лимонаду. И ему не только никто не ответил, но все, как по уговору, отвернулось, словно вопрос относился не к ним, так что кардинал Кьярамонти набрал двузначный номер и, открыто, без тени стеснения, глядя на Гаспара, распорядился, чтобы ему принесли кока-колу и сэндвич.

— С чем вы хотите сандвич, брат Гаспар? — спросил он.
— С чем найдется, ваше высокопреосвященство.
— Есть с лососиной и с винегретом. Что вам больше нравится?
— По правде говоря, и то и другое, — сказал брат Гаспар.
— То есть?

— Мне могли бы принести по три или четыре каждого, или это слишком?
— Да, конечно. Почему бы и нет? — несколько недоверчиво произнес кардинал, после чего, ни на секунду не сводя глаз с брата Гаспара, добавил в трубку: — Три или четыре каждого и одну кока-колу. Хорошо. И поскорее.

Сказав это, он повесил трубку.

— Изголодались, а, брат Гаспар? — спросил кардинал со снисходительной любезностью.

Само собой разумеется, брат Гаспар готов был сквозь землю провалиться.

— Ладно, ладно, — сказал кардинал, снова усаживаясь вместе с остальными, — чем еще нас удивите кроме вашего непомерного аппетита?

Брату Гаспару показалось, что желудочный сок вызовет у него сейчас прободение.

— Почему вы ничего не хотите сказать, брат Гаспар? Если ваше молчание вызвано удивлением от присутствия здесь их высокопреосвященств Хавьера Ксиен Кван Мина и Эммануэля Маламы, то смею вас заверить, что на них можно полностью положиться. Не сомневайтесь, брат Гаспар, что они, как знатоки нечистой силы, в курсе всего происходящего и, кроме того, — одни из наших самых верных сторонников. Кстати, полагаю, вы не забыли захватить досье?

Брат Гаспар слегка кивнул, но на долю секунды испугался, что сейчас с ним приключится инфаркт миокарда.

— Как вы нашли Папу? Вы ведь с ним виделись, верно?

Монах снова кивнул.

— Мы звонили вчера весь день, но так вас и не застали. Куда вы запропалились?

— Я молился.

— Весь день?

Брат Гаспар кивнул.

— О, это прекрасно, брат Гаспар, прекрасно. Молодец. Так как вы нашли Папу? Вы уже сделали для себя какие-то выводы?

— Да, — еле слышно ответил Гаспар.

— Ну, и какие же?

Брат Гаспар затрепетал и почувствовал неудержимое желание расплакаться, уткнувшись в подлокотник кресла.

— Мы ждем от вас новостей, брат Гаспар, и не просто так, а потому, что вы единственный среди нас, кто волею судьбы, не принадлежа к курии, удостоился привилегии получить доступ к самому Папе.

Сейчас монаху больше всего хотелось поведать его высокопреосвященству о грехах, замаравших душу Его Святейшества, но ему приходилось блюсти тайну исповеди, хотя раскаяние, оказанное таким прославленным грешником, со всех точек зрения оставляло желать много большего.

— Мы с огромным нетерпением ожидаем, что вы скажете.

Брат Гаспар ничего не сказал, не мог сказать, все внутри у него тряслось, как желе, и было такое ощущение, что в любой момент их высокопреосвященства могут наброситься и пожрать его, особенно призрачный кардинал Хавьер Ксиен Кван Мин, чья улыбка была одной из самых чудовищных, какие ему приходилось видеть.

— Брат Гаспар, почему вы молчите? Что происходит?

— Мне надо отлучиться в уборную.

— Как, снова?

К счастью, в этот момент в дверь постучали.

— Войдите, — с досадой откликнулся кардинал.

Филиппинская монахиня, почти карлица, которая вся цвела оттого, что прислуживает кардиналам Церкви Царства святого Петра, внесла поднос с горой сэндвичей и бутылкой, поставив его в центр стола, и, почтительно поклонившись, сказала:

— Кока-кола у нас кончилась, но я позволила себе принести пепси.

— Спасибо, Фернанда, — сказал Кьярамонти. — Приятно слышать, что иногда вы думаете самостоятельно.

Сестра Фернанда снова низко поклонилась и вышла, не сказав ни слова.

— Если хотите... — сказал брат Гаспар, указывая на сложенные горкой восемь сэндвичей.

Их высокопреосвященства отказались, а Гаспару как-то не елось без компании.

— Итак, брат Гаспар, — сказал Кьярамонти, — мы ждем, пока вы нам что-нибудь скажете. Как вы нашли Папу? Каков ваш вердикт?

— Мой вердикт?

— Да.

— Лучано Ванини... — произнес Гаспар, постепенно начиная понимать, что к чему.

— Лучано Ванини? — спросил кардинал Кьярамонти, не скрывая удивления. — Что случилось с Лучано Ванини?

— Он — Вельзевул, — решительно произнес брат Гаспар.

— Что? Этот шут? — ответил кардинал. Гаспар кивнул.

— Не могу в это поверить.

— А на чем, брат Гаспар, вы основываете ваше рискованное утверждение, которое, безусловно, и мне представляется более чем невероятным? — вмешался монсиньор Луиджи Бруно.

Доминиканец рассказал им кое-что из произошедшего между ним и монсиньором, благоразумно опуская наиболее пикантные подробности, равно как и то, что теперь Ванини — его личный секретарь.

С другой стороны, чтобы сделать свою аргументацию более весомой, он почел за лучшее добавить анекдотическую выдумку собственного изобретения, а именно, что однажды он застал Лучано в состоянии левитации.

Их высокопреосвященства были немало удивлены всем услышанным.

— Ваши высокопреосвященства знают монсиньора Лучано Ванини? — спросил Кьярамонти у кардиналов Ксиен Кван Мина и Эммануэля Маламы.

Оба согласно кивнули.

— Можно назвать его идиотом?

И снова оба кивнули.

— И вы искренне верите, что он может быть Вельзевулом?

Кардинал Ксиен Кван Мин, ни на йоту не изменив застывшую у него на лице улыбку, явно отрицательно покачал головой, но кардинал Малама сказал:

— Я и без того это знал.

Зазвонил телефон. Все, включая Кьярамонти, устремили свои взгляды на аппарат.

— Но разве я не распорядился, чтобы нас не беспокоили? — недовольным тоном спросил государственный секретарь.

Малейшего жеста кардинала хватило, чтобы монсиньор Луиджи Бруно решительно поднялся и снял трубку, а брат Гаспар, улучив момент, наугад схватил сэндвич.

— Государственный секретариат, — сказал монсиньор, пока Гаспар разворачивал сэндвич, и поглядел на присутствующих так, словно хотел приобщить их к разговору. — Да, — сказал он, — да, да... — и вонзил взгляд в брата Гаспара, как раз когда тот заглатывал первый кусок. — Он здесь.

Все поняли, что речь идет о брате Гаспаре, и внимательно на него посмотрели. На протяжении всего разговора лицо монсиньора было достаточно выразительным: глубокое удивление сменилось не менее глубокой озабоченностью, та, в свою очередь, явным

желанием поделиться новостями с их высокопреосвященствами, и, наконец, он каким-то образом дал понять, что монах, поглощавший сандвичи один за другим, и был главным поводом неурочного звонка.

— Что происходит? — спросил Кьярамонти, едва дождавшись, пока монсиньор Луиджи Бруно повесит трубку.

— Сообщение Хакера. Кажется, ему удалось узнать, что сегодня утром Папа и брат Гаспар прогуливались по ватиканским садам.

— Это правда, брат Гаспар? — недоверчиво спросил Кьярамонти. — На машинках?

— Кажется, — продолжал монсиньор Луиджи Бруно, не дав брату Гаспару возможности ответить на заданный ему вопрос, — речь идет о второй встрече нашего монаха с Папой за какие-то сутки, и не только об этом: кажется, Папа всего каких-то десять минут назад отдал министерству прессы приказ распространить через все средства информации срочное и пространное сообщение о том, что завтра утром он появится перед верующими в соборе Святого Петра, где, пользуясь своим правом говорить с кафедры, возвестит нечто важное относительно сути послания Христова.

Их высокопреосвященства всполошились, как курицы, когда открывается дверь курятника.

— Это как же так? — взъярился кардинал Кьярамонти. — Без предварительной консультации с государственным секретариатом и курией?

— Похоже, дело серьезное, — изрек архиепископ Ламбертини. — Чрезвычайно серьезное.

— Серьезное, мягко сказано: ужасное, — подчеркнул монсиньор Луиджи Бруно.

— Есть ли у вас, — обратился теперь уже к брату Гаспару Кьярамонти тоном, в котором явно сквозило недоверие к монаху, — есть ли у вас хоть малейшее представление о том, что Папа собирается завтра сказать?

— Да, кое-какое представление у меня имеется, — ответил брат Гаспар, в значительной степени повинувшись настоятельной необходимости раз и навсегда покончить с подозрениями, которые вызывала его персона.

— Итак, — спросил Кьярамонти, — что это может быть?

— Я пытался... Пытался предотвратить... — пролепетал монах. — Предотвратить... Но не знаю, насколько... Я не знаю... Я...

— Выкладывайте! — приказал Кьярамонти.

— Ваши высокопреосвященства, — сказал брат Гаспар, решившись наконец говорить начистоту, — у меня есть подозрение, что Папа решил, решил...

— Что? — спросил Кьярамонти.

— Воспользоваться правом папской непогрешимости, чтобы угадать выигрышный номер итальянской национальной лотереи.

Присутствующие переглянулись, не скрывая своей недоверчивости.

— Вы не могли бы повторить? — попросил Кьярамонти.

— Он хочет, чтобы выигрыш национальной лотереи выпал на номер 207795.

— Что?! — взвизгнул высокоученый архиепископ. — Но с какой целью?

— Изумление — его единственный аргумент, но он решил довести его до логического конца: он хочет подвергнуть испытанию Святой Дух.

— Верно я говорил, — произнес кардинал Малама, — он одержим. Искусство гадания исходит от Сатаны, так написано в Евангелии. Этот Папа — опухоль на мистическом Теле Христовом! Надо немедленно отлучить его!

— Всех изумить.

— Изумить?

— Не глупите, — презрительно возразил кардинал Кьярамонти. — Мы не располагаем такой властью, мало того: это он может отлучить всех нас.

— Тогда... Тогда пусть отречется!

— Не захочет, — лаконично обронил монсиньор Луиджи Бруно.

— Лучше бы ему захотеть, — ответил африканец.

— Нет-нет, он не отречется, не будем строить иллюзий, — сказал кардинал Кьярамонти. — Только он, *motu proprio*,⁹ наделен способностью лишиться способности, только он может решить, оставаться ли ему тем, кто он есть. Нет, он не захочет...

— А почему вы в этом так уверены, ваше высокопреосвященство? — полюбопытствовал кардинал Малама.

— Не говоря уже о том, что это старый эгоист и маньяк, — ответил архиепископ Ламбертини, — никогда еще в истории Церкви не случалось такого, чтобы Папа самовольно уходил в отставку за исключением Селестина Пятого, которого Данте, осыпав потоком оскорбительной брани, обрек на адские муки. С тех пор на практике я что-то такого не припомню.

— Нет, — сказал кардинал Малама, — он не просто старый эгоист. Он перешел на сторону нашего противника и работает не ради самого себя и уж тем более не во благо своей Церкви, а во имя Сатаны. В него вселился дьявол.

— Если ему наскучило быть Папой, — сказал архиепископ Ламбертини, не обращая внимания на слова кардинала Маламы и похваляясь невероятным цинизмом, — а это работенка — не бей лежачего, то представьте, что он почувствует, превратившись просто в Преемника святого Петра в отставке. Нет, нет и еще раз нет, он не захочет: он, с его-то гордыней, и вдруг — бывший!

— С таким послужным списком, — подхватил монсиньор, заражаясь непочтительно-презрительным духом, привнесенным Ламбертини, — на что еще он может претендовать?

— Это не наше дело, — сказал африканец, чуть не брызжа слюной от гнева, — пусть пишет мемуары!

— Надеюсь, он этого никогда не сделает, — сказал Кьярамонти, — лучше бы он никогда этого не делал. Представляете, какие мемуары он может написать?

— Мемуары одержимого, — изрек кардинал Малама.

— Потребовалось более двух тысяч лет, чтобы достичь того, чего мы достигли сегодня, и теперь этот тип хочет выбросить все за борт. Да кем он себя возомнил? — возвысил голос архиепископ Ламбертини.

— Ваши высокопреосвященства, — вставая с места, произнес кардинал Кьярамонти утробным голосом, — случилось то, чего мы боялись, и теперь мы перед лицом беспрецедентного кризиса: наш Папа одержим бесом. Я даже представить себе не могу всех последствий подобной нелепицы... Мы в тупике.

— Выход есть, — сказал кардинал Малама, и все взоры устремились на него. — Мы должны его убить.

— Да, таков наш долг, — подвел черту архиепископ.

Их высокопреосвященства снова пришли в возбуждение — все, за исключением кардинала Ксиен Кван Мина, чье хладнокровие было поистине достойно восхищения, с этой его извечной улыбкой, которая не исчезла бы с его лица, даже если бы ему сказали, что через несколько минут наступит конец света. Как я уже говорил, не считая одной тревожной детали — клыков, — лик его был ликом святого.

— Убить, — произнес Кьярамонти, словно взвешивая эту возможность на невидимых весах. — Я бы не прочь... Однако будем реалистами: легче это сказать, чем сделать.

Воцарилось абсолютное молчание, которое никто не осмелился нарушить. И снова заговорил Кьярамонти:

— Мы должны найти компромиссное решение.

— Нет, — сказал кардинал Малама, вновь одушевляясь, — мы должны его убить. Такое уже бывало.

⁹ По собственному побуждению (*лат.*).

— Компромиссное решение должно существовать, и мы обязаны найти его, — сурово возразил Кьярамонти. — Если он вдруг умрет у нас на руках, не успев заявить о своем публичном выступлении, то я не знаю... Все подозрения падут на нас. Не будем забывать, что он вот уже два месяца как не показывается на люди и байкам о его нездоровье никто не верит. В данный момент мы даже в мыслях не можем себе позволить столь драконовские меры, быть может позже, но теперь, теперь...

— Что теперь? — нетерпеливо спросил архиепископ Ламбертини.

— Если что-то и отличало нас на протяжении веков, то это именно способность выживать, несмотря на любые обстоятельства. Если необходимо, нам придется пойти на сговор с самим дьяволом. А вы, брат Гаспар? — неожиданно спросил он. — Есть у вас какие-либо соображения?

— Нет, — ответил монах, — но, как бы там ни было, мне не по вкусу мысль убить Папу.

— «Не по вкусу, не по вкусу...» Вы что, действительно намерены съесть все эти сэндвичи? — презрительно добавил он.

Брат Гаспар, как мог, стерпел этот удар ниже пояса, и тут архиепископ Ламбертини, тыча в него пальцем, сказал:

— Сдается мне, брат Гаспар, что вы не понимаете всей серьезности ситуации, в которой мы оказались, поэтому, сделайте одолжение, перестаньте жеманничать.

— Мягко говоря, — возразил брат Гаспар, переходя к атаке, — я нахожу в учении нашей Церкви определенные возражения против убийства Папы.

— Ах, так вы на учение ссылаетесь? Вот как? — ответил архиепископ, словно издеваясь над мнительностью монаха. — Вот как? Тогда послушайте: катехизис нашей Святой Матери Церкви, основной источник всех ссылок и наставление на пути праведном, не только не исключает, но и узаконивает смертную казнь и бескровные средства и методы для отражения нападков, каковы бы они ни были. Это — с одной стороны. С другой — не следует смешивать христианство с радикальным и ребячливым пацифизмом хиппи. Действительно, тот же самый катехизис призывает к справедливой войне, и, учитывая сложившиеся обстоятельства и то, что точное определение «справедливой войны» до сих пор не выработано, я полагаю, что это понятие предоставляет нам определенную свободу толкования и, следовательно, является отнюдь не лишним прикрытием для совершения требуемого убийства. Улавливаете? Наша же война в данную минуту не только справедливая, но и святая. И наконец, разве вы не оправдываете произвольного убийства в целях самообороны? И разве не должны мы рассматривать данный случай как ситуацию, когда речь идет о жизни и смерти, причем не только для нас самих, но и для Бога и Церкви Его?

Кардинал Малама бурно выразил свое полное согласие с архиепископом Ламбертини.

— В Сан-Дамазо, — продолжал между тем архиепископ, — чтобы привести хотя бы один из множества примеров, достойных обсуждения, зарегистрировано не менее двухсот убийств, и среди святых есть небольшая группа, которая весьма своеобразно толковала пятую заповедь, однако Церковь до сих пор не изгнала их из лона своего. Наверное, тому есть какая-то причина, вам не кажется, брат Гаспар? Или вам известно более, чем самой Церкви? Святой Доминик де Гусман заставил взойти на костер не одного человека, он тоже думал, что учение есть нечто более святое, чем человеческая жизнь. Вы, брат Гаспар, носите рясу ордена, основанного святым Домиником, а одна из целей, с которой он был основан, и вы не можете отрицать этого, состояла в том, чтобы превратиться в молот еретиков.

— Да, но...

— Никаких «но», брат Гаспар, никаких «но», учение не всегда прозрачно, как родниковая вода, иногда и оно подвергается смуте, так что ваша щепетильность мне непонятна, если только, конечно, вы на нашей стороне и, в свою очередь, не одержимы дьяволом.

— Насчет этого можете быть спокойны, ваше высокопреосвященство, — ответил брат

Гаспар.

— Надо его убить, — вновь вмешался кардинал Малама.

— Минутку, — перебил его секретарь Кьярамонти монсиньор Луиджи Бруно. — Действительно ли мы должны настолько серьезно относиться к угрозе, которая, похоже, испугала брата Гаспара? Я хочу сказать, что... Способен ли он на такое? Способен ли? Уже не раз ходили слухи, которые, к счастью, не подтвердились, как, например, когда он сказал, что собирается продать Сикстинскую капеллу японцам, а потом, когда настала решающая минута... Да, когда пришла решающая минута, он так и не осмелился. Собака лает — ветер носит. Так что я не уверен.

— А вы что думаете? — спросил кардинал Кьярамонти, глядя на монаха. — Следует ли нам воспринимать эту угрозу всерьез?

— Я... — начал доминиканец. — Я уже сказал вашим высокопреосвященствам, что думаю, что... Нет... Почему... Но... В конце концов, он действительно сказал мне, что... Но я не знаю...

— Чего? — спросил Кьярамонти.

— Искренне говоря, я... Его душевное состояние — как бы точнее выразиться? — очень изменчиво, а реакции непредсказуемы.

— Он одержим, — сказал кардинал Малама.

— Не могли бы вы совместными усилиями изгнать из него беса? — спросил монсиньор Луиджи Бруно голосом, в котором угадывалась ирония.

— Да, но убийство — гораздо проще и эффективнее, — ответил кардинал Малама с обескураживающей беспечностью.

— Итак, убийство? — сквозь зубы спросил Кьярамонти, глядя на каждого, словно спрашивая согласия.

— Да, — ответил кардинал Малама.

— Да, — в свою очередь подтвердил архиепископ Ламбертини.

— А что скажет его преосвященство Ксиен Кван Мин?

Сказать его преосвященство так ничего и не сказал, но, продолжая улыбаться, слегка кивнул.

— Куда вы, брат Гаспар? — спросил кардинал Кьярамонти.

— В уборную.

— В уборную...

— Да, — ответил тот, засовывая сэндвич в карман своей сутаны и снова повергая в удивление всех присутствующих.

Открыв дверь, он вышел из зала и пошел по коридору, причем в голове у него проносились примерно такие мысли: «Неужели это возможно? Они хотят убить Папу? Кто бы мне сказал, с чем мне придется столкнуться, прежде чем я поспешил в Ватикан. Косме предупреждал меня, чтобы я держался осторожнее, но такое? Вот так, неожиданно-негаданно, оказаться в самом центре безумного заговора с целью убить Папу? Убить Папу! Да, но не любого Папу, а Папу, одержимого бесом! Неужели до них до всех еще не дошло, что мы живем в двадцать первом веке? Сам себе не верю! Поехать в Рим, чтобы утратить веру!»

Всем нам нравятся сильные эмоции, почти пророчески сказал Папа в то самое утро 4 ноября, но после полудня брат Гаспар окончательно убедился, что запас его эмоций исчерпан, а дело в том, что когда он мочился, то вдруг почувствовал, что кто-то стоит за ним, вследствие чего словно остоленел, волосы на всем теле встали дыбом и процесс прервался, когда оказалось, что это не кто иной, как тот, кого он больше всего боялся, — кардинал и архиепископ Лусаки, его высокопреосвященство Эммануэль Малама, который, встав рядом с доминиканцем, расстегнул пурпурную мантию, вытащил член и, как моментально убедился бедняга Гаспар, принялся удовлетворять свои естественные физиологические потребности. Монах, непонятно почему, не мог оторвать глаз от этого зрелища, пока не услышал прерывистый шепот кардинала:

— Брат Гаспар.

— Ваше высокопреосвященство?.. — ответил брат Гаспар, прямо взглянув ему в глаза.

— Как вам нравится все, что тут происходит?

— Невероятно интригующе, — с не совсем подобающей месту и времени искренностью ответил монах.

— Мы обязательно должны сегодня увидаться, — последовал ответ.

— Несомненно, — сказал брат Гаспар.

— Я хочу сказать... Встретимся наедине, без Кырамонти и остальных.

— Да, — кивнул Гаспар.

— Я знаю, они испытывают вас.

— Что?

— Да, брат Гаспар, они постараются ублажать вас лестью, милостями, обещаниями материальных благ, но не поддавайтесь, храните благоразумие и взвешивайте все хорошенько, прежде чем дать свое согласие.

— Да.

— Есть важные обстоятельства, которые вам необходимо знать.

— Да, — повторил брат Гаспар.

— Кое-что, чего вы еще не знаете.

— Вполне вероятно, — согласился монах.

— Да. Вы тоже заметили, верно?

Гаспар кивнул.

— Да?

— М-м.

— Не верьте Кырамонти, он тоже одержим. Вы это заметили, не правда ли, брат Гаспар?

— Да, — ответил тот.

Кардинал стряхнул последние капли, спрятал член в исподнем и немного отстранился, чтобы застегнуть мантию.

— Ватикан — логово демонов. Это зараженный город!

— Да, — сказал брат Гаспар, словно поверив правде этих слов.

— Я зайду к вам в гостиницу в половине шестого вечера. Вас устраивает это время?

— В половине шестого. Замечательно.

— К этому времени я освобожусь.

— Как скажете, ваше высокопреосвященство.

— А теперь мне надо вернуться на собрание, но вы не падайте духом и, разумеется, не говорите ни Кырамонти, ни кому другому о нашем разговоре и о том, что мы встречаемся сегодня вечером. Их высокопреосвященства ужасно мнительные. Никому и ничему не верят.

Гаспар кивнул.

Затем его высокопреосвященство кардинал Малама хлопнул его по плечу, заговорщицки подмигнул и сказал:

— Держитесь осторожней, никому ничего не обещайте, не посоветовавшись со мной. Это важно. Понимаете? От этого зависит наше вечное спасение.

— Да, — ответил бедняга Гаспар.

Потом (но только потом, когда Малама уже ушел) продолжил мочиться.

IX

По самой своей природе Церковь — общество неравное, которое делится на две категории: пасторов и паству. Только иерархия позволяет двигаться вперед и осуществлять контроль.

Пий X

Бедный Гаспар, он рассчитывал столкнуться в Ватикане с кое-какой коррупцией, кое-какой развращенностью, кое-какими грязными делишками — почему бы и нет? — ведь не случайно речь шла о средоточии власти, а власть, как известно, не обходится без вышеупомянутых вещей, но такое?! Этому невозможно было даже подобрать названия. Было ясно, что наименее серьезное, что он может сказать их высокопреосвященствам, подумал Гаспар, было то, что они не воспринимают во всей его глубине образ Христа, равно как было ясно и то, продолжал размышлять он, что они лишились рассудка. Убить Папу! Разве брат Гаспар, член ордена братьев-проповедников, разочаровавшийся в церковной помпезности, не должен был взять дело в свои руки и помешать их высокопреосвященствам и архиепископам довести до конца преступный план, подробности которого они, должно быть, обсуждали в эти самые минуты? Так ему показалось, и, вскоре после того как его высокопреосвященство кардинал Эммануэль Малама оставил его справлять свою нужду, он сполоснул лицо, руки и затылок, вышел из уборной, прошел по коридору и спустился по пышной лестнице, твердо решившись покинуть Епископский дворец и во всем признаться первому же встречному полицейскому, который, несомненно, выслушав эти ужасы, поспешит отвести его к своему начальству, и тогда брат Гаспар не остановится, пока не расскажет все секреты происходящего в курии, которые ему удалось раскрыть и которые подтачивали изнутри ковчег святого Петра, но тут, к сожалению, послышались легкие шаги, и, заглянув в пролет лестницы, брат Гаспар различил кардинальскую мантию и шапку, а в представшем перед ним еще через мгновение кардинале узнал Джозефа Хакера, так же как тот узнал в нем Гаспара, потому что сказал:

— Извините. Ваше лицо мне знакомо, — и это, равно как и зажигательная улыбка, мягкий, приятный голос, преисполненные изящества манеры, говорило: «Вы, несомненно, брат Гаспар».

В эти мгновения монаху больше всего хотелось не быть братом Гаспаром, но, что поделаешь, он им был, так что ему не оставалось ничего иного, кроме как преклонить колена, поцеловать рубиновый перстень и сказать:

— Брат Гаспар Оливарес из ордена братьев-проповедников, который был призван в Ватикан и который, — добавил он, склоняясь еще ниже, — у ваших ног.

— Брат мой, — сказал Хакер, беря Гаспара за плечи и помогая ему подняться, — мне давно уже очень хотелось встретиться с вами лицом к лицу. Ваша книга произвела на меня благоприятное впечатление.

— Почту за великую честь, и очень был рад встрече с вами, — ответил Гаспар, не позволяя, однако, льстивым отзывам усыпить свои намерения, — а теперь извините меня, но...

— Куда же вы?

— Что?

— Куда вы так спешите? Встреча с государственным секретарем уже закончилась?

Гаспар отрицательно кивнул.

— Тогда — куда же вы?

— В уборную, — ответил Гаспар, чужая, что не следует откровенничать.

— Ну, значит, вы не туда идете, — улыбнулся Хакер.

— Неужели? — откликнулся Гаспар, изображая крайнее удивление и оглядываясь, словно он вдруг заблудился во Вселенной, что более или менее соответствовало его чувствам.

— Я провожу вас, — сказал Хакер и стал решительно подниматься по лестнице. Потом остановился, полуобернувшись, и, увидев, что Гаспар, словно остоленев, стоит на месте, мягко позвал его: — Пойдемте, брат Гаспар, — так что тому оставалось лишь последовать за кардиналом, как собачонка. — Вы ведь здесь в первый раз, брат мой, верно?

— Да, ваше высокопреосвященство.

— Я узнал, что сегодня утром вы прогуливались с Папой по садам.

— Точно так, ваше высокопреосвященство.

— На машинках, полагаю?

— Точно так.

— Как вам гостиница Святой Марты? Вам тут у нас уютно?

— Очень, ваше высокопреосвященство.

— Скажите-ка мне, брат Гаспар, когда вы прогуливались с Папой, вы тоже были в костюме футбольного тренера или в сутане?

— В сутане, ваше высокопреосвященство.

— И вам не показался неподобающим наряд, в котором вас принял Папа?

— Мы ведь собирались на прогулку.

— Иными словами, он вам таким не показался.

— Показался, ваше высокопреосвященство, и даже очень, но я воспринял это как жест смирения.

— Смирения? Кажется, я не совсем улавливаю смысл, который вы придаете этому слову. Смирение? Что вы понимаете под смирением?

— Знать, что ты в руце Божией.

— И это значит, что нужно одеваться как мужлан?

— Ваше высокопреосвященство, — ответил брат Гаспар, — я воспринял это как то, что Папа хочет слиться со своей паствой.

— Любопытное толкование, но неправильное, — вынес окончательное суждение кардинал Хакер.

Когда они дошли до коридора, где располагалась уборная — уже неоднократно посещенная измученным монахом, — кардинал Хакер изящным жестом указал на нее, но брату Гаспару стало как-то не по себе возвращаться одному в кабинет Кьярамонти, поскольку он рисковал в свое отсутствие стать поводом для еще более язвительных шуток, особенно после известия о том, как его застигли врасплох, когда он собирался удрать, поэтому ответил:

— Нет, мне уже больше не хочется.

— Что вы сказали?

— Я говорю, что мне уже не хочется больше.

Хакер посмотрел на него с некоторым и вполне понятным удивлением, и они в молчании продолжили путь к кабинету государственного секретаря, как вдруг брат Гаспар остановился и сказал:

— Положа руку на сердце, ваше высокопреосвященство, я шел совсем не в уборную.

— Как? Что такое?

— Да, я собирался уйти по-английски, потому что решил вернуться в монастырь.

Кардинал Хакер, похоже, не понял смысла его слов и взглядом потребовал более пространных объяснений.

— Ваше высокопреосвященство, возможно ли, прежде чем вернуться в кабинет государственного секретаря, поговорить с вами несколько минут наедине? Есть кое-какие вопросы, немалой важности, о которых, я полагаю, вашему высокопреосвященству было бы неплохо знать.

— Да. Почему бы и нет? Действительно, прекрасная мысль, брат Гаспар, — ответил кардинал. — Но давайте-ка поищем места поспокойнее. Кабинетов тут хоть отбавляй.

Открыв пару дверей наугад, они оказались в помещении — почти точной копии зала собраний государственного секретаря. Они сели на диван, и брат Гаспар начал:

— Ваше высокопреосвященство...

Кардинал Хакер кивнул, сложил переплетенные пальцы рук на животе и слегка опустил подбородок, одновременно подняв брови и подставив правое ухо, словно для того, чтобы доминиканцу было удобнее излагать свои секреты. У Хакера были раскосые, водянисто-голубые глаза, очень красные уши и длинный острый нос, блестящий, как будто он был сделан из мелованной бумаги.

— Говорите, прошу вас.

Но доминиканец не знал, с чего начать.

— Говорите же, — настойчиво повторил Хакер, — и чувствуйте себя абсолютно свободно.

Так монах и поступил.

Если верно, что брат Гаспар почел уместным умолчать об обещанной ему кардинальской шапке и месте архиепископа Лусаки, равно как и о напропороченном исключительном положении среди прочих святых, то верно и то, что он открыто и без обиняков изложил мнение, сложившееся у него о Папе, которое, в двух словах, сводилось к тому, что из мыслей последнего складывалась сложная и почти непостижимая психическая картина, хотя из этого еще вовсе не следовало, что он одержим Сатаной, несмотря на его многочисленные и тяжкие прегрешения, которые за ним водились, да, водились. По правде говоря, заявил брат Гаспар, мысль его была анархической, малопривычной для духовного лица и немыслимой в устах Папы, но при этом оставалась ясной. Даже более чем ясной: она обладала почти гипнотической убедительностью и в то же время была скользкой, как угорь. Сначала он говорил одно, потом прямо противоположное, вслед за тем добавлял еще нечто, что, несмотря на явную нелепость, чудесным и гениальным образом совпадало с обеими крайностями и, наконец, разрушало всяческую возможность рационального подхода, заставляя изумление преобладать над всем прочим, упиваясь неизреченным, подобно ребенку, который ломает игрушки, чтобы посмотреть, что внутри. Да, ваше высокопреосвященство, продолжал брат Гаспар, потому что Папа действительно был как ребенок, да, именно таково его мнение. Казалось, Папа глубоко любит жизнь, но его неупорядоченная и прихотливая мысль повергала Гаспара в безмерную тоску. Из всего этого следовало, что Папа был личностью не только противоречивой, но и хаотичной и, возможно, подверженной маниакально-депрессивному психозу и что в ближайшие дни от него можно было ожидать чего угодно. Однако, почел уместным добавить брат Гаспар, учитывая, что доктрина, вне всякого сомнения, указывала нам, что он — Преемник святого Петра и Наместник Христа на Земле, его самым заветным желанием было сохранить способность быть уверенным в том, что, что бы ни сделал Папа и что бы ни случилось, все это — воля Господа, а потому нам остается лишь тяжкий труд скрепя сердце подчиниться Ему и по мере наших ограниченных способностей попытаться постичь Его замыслы, хотя он не мог не признать, что час от часу безвозвратно утрачивает эту уверенность, равно как и всякую другую.

Кардинал Хакер пару раз кивнул, а затем попросил, чтобы брат Гаспар первым делом и как можно подробнее изложил ему ход двух аудиенций, которые тот получил у Папы.

— Но это займет несколько часов, ваше высокопреосвященство, а нас ждут в государственном секретариате.

— Подождут, — презрительно махнул рукой кардинал.

Так что волей-неволей монаху пришлось сочинять рассказ, который, не входя во все подробности, приблизительно передавал суть и характер двух встреч, которыми Папа удостоил бедного Гаспара, с неоднократным упоминанием пастырского послания, которое было ему поручено, хотя и на сей раз он не осмелился упомянуть о папских обещаниях касательно его блестящего продвижения в римской курии, а также о назначении пожизненного секретаря и слуги в лице Лучано Ванини.

— Все это внушает опасения, не так ли, ваше высокопреосвященство?

— Безусловно, — изрек кардинал Хакер.

— Однако, — продолжал Гаспар, — это еще не самое худшее.

— Да? Так что же, по-вашему, худшее?

— Ваше высокопреосвященство, — произнес явно взволнованный монах, — вам как представителю наивысшей церковной инстанции следует знать, что...

— Что мне следует знать? Говорите, прошу вас.

— Ваше высокопреосвященство, возможно, бурные переживания последних дней не позволяют мне правильно понять и оценить происходящее. Однако по меньшей мере я не

могу не сознавать, что мое равновесие (так же как и равновесие нашей Святой Матери Церкви и даже всего христианского мира) держится на очень тонкой нити. Иными словами, я в смятении, но для меня очевидно, что некое раздражение временами овладевает мной. Я в отчаянии, это так, однако к моему отчаянию примешивается изрядная доля отвращения к миру.

— Дражайший Гаспар, — сказал его высокопреосвященство, покоренный этим монологом монаха, в сущности довольно пустым, но убедительным, — как я вас понимаю.

— Ваше высокопреосвященство, — добавил Гаспар, только что не дрожа, — несомненно, я погиб и, несомненно, нуждаюсь в глубоком размышлении, но есть нечто такое, о чем мне не нужно рассуждать, поскольку по крайней мере в этом отношении я не питаю никаких сомнений: дело в том, что их высокопреосвященства окончательно лишились рассудка, потому что в этом кабинете, да, ваше высокопреосвященство, в этом самом кабинете они сейчас плетут заговор с целью убить Папу. Вы понимаете?!

— Боже Святой! — воскликнул Хакер и с явным неодобрением закачал головой. — Быть того не может!

— Вот и я твержу про себя то же, ваше высокопреосвященство. Невероятно, однако эти люди собираются убить Папу. И не просто убить: они оправдывают свои действия учением Церкви! Приводят доводы даже из области традиций и обычаев! Но при всем моем к ним уважении — разве жизнь не священна? Разве?.. Я хочу сказать, что убийство — это нечто особенное... Совершая его, мы нарушаем главный из божественных принципов. Даже собственная жизнь не принадлежит нам, мы всего лишь иждивенцы нашего существования, и вот теперь мы доводим это верование до логического предела, кто бы ни был жертвой, разве нет? Как можем мы располагать чужой жизнью? Жизнью Папы? Убить его?

— Вижу, что у вас ясный ум, брат Гаспар, но не стоит так волноваться, прошу вас.

— Как же мне не волноваться? Если я дошел уже до глубин отчаяния! — признался Гаспар, забывая, кто есть кто. — Да, ваше высокопреосвященство, я был и до сих пор пребываю в таком отчаянии, — добавил он с уверенностью, основанной на том, что Хакер не только человек здравомыслящий, но и умеет слушать других, — что даже думал поскорее убраться в свой монастырь, предоставив делам идти своим чередом, потому что здесь, в Ватикане, я чувствую себя узником.

— Узником? Почему?

— Очень сожалею, но мне приходится сообщить вашему высокопреосвященству, что у меня нет ни обратного билета, ни денег на него, потому что (вас, наверное, это удивит) его высокопреосвященство кардинал Кьярамонти и архиепископ Ламбертини бесчестно обчистили меня до нитки во время нескольких партий в покер, состоявшихся пару дней назад, и я не солгу, если скажу вам, что еще никогда в жизни не чувствовал себя таким беспомощным. Вы не могли бы одолжить мне денег? Пусть даже в счет «лепты святого Петра»?

— Что?

— Я говорю, не могли бы вы ссудить мне немного денег?

— Полагаю, что да, хотя... Я никогда не ношу с собой наличные, а моя чековая книжка — у секретаря, который сейчас в Гамбурге и вернется в Рим только завтра. Вы можете подождать до завтра?

Брат Гаспар кивнул.

— Так или иначе, брат Гаспар, — ласково улыбнулся ему кардинал, поигрывая своим нагрудным деревянным крестом так, что доминиканец на мгновение до смерти перепугался, что за Хакером водятся те же слабости, что и за Лучано, — я могу пригласить вас поужинать сегодня вечером. Вы не против? Мне тоже нужно кое-что рассказать вам.

Гаспар кивнул.

— Полагаю, вы знаете ресторан «L'Eau Vive»?

— Только понаслышке.

— В половине девятого вас устроит?

— Да, вполне.

— Ладно, брат Гаспар, тогда продолжайте. На чем вы остановились? Ах да, вы говорили, что государственный секретарь и кое-кто еще собираются устроить покушение на жизнь Папы. Или я неправильно понял?

— Ваше высокопреосвященство, я действительно хочу избежать участия в заговоре подобных масштабов, потому что, несмотря на многие грехи, в которых можно обвинить Папу (а он грешен, это мне доподлинно известно), мне кажется, что убивать его — далеко не лучший способ разрешить небольшие проблемы и логичные и не совсем логичные внутренние противоречия, нашедшие себе место в самом сердце нашей Святой Матери Церкви. Возможно даже, что, прежде чем покинуть дворец, нам следовало бы позвонить Папе и предупредить его о преступных планах, которые вынашивают их высокопреосвященства. Да, похоже, это самое разумное. Или нет?

Кардинал Хакер кивнул, после чего брат Гаспар встал, снял трубку и спросил:

— А может, лучше сразу позвонить в полицию? Какой у них номер?

— Повесьте трубку, брат Гаспар, — ответил кардинал, не повышая голоса, но с несомненной строгостью.

— Что?

— Нам не нужны лишние скандалы.

— Лучше скандал, чем преступление, ваше высокопреосвященство.

— Немедленно повесьте трубку, брат Гаспар.

Монах повиновался.

— А теперь сядьте.

Гаспар снова послушался приказа, Хакер же продолжал пристально смотреть на него, хотя лицо его ничего не выражало. Глубоко переведя дух, он сказал:

— Послушайте меня хорошенько, брат Гаспар. Ватикан — суверенное государство, и поэтому ни итальянская, ни какая другая полиция не обладают юрисдикцией в его пределах. Однако в том случае, если у вас вновь возникнет искушение привлечь службу безопасности какой-нибудь иностранной державы для разбирательства в наших внутренних делах, предупреждаю, что на вас не обратят никакого внимания, мало того: если вам взбредет в голову совершить какой-нибудь ложный шаг или иную дурость в этом роде, то мне придется начать официальное расследование касательно вашей персоны, расследование, которое, возможно, заставит нас прояснить кое-какие темные стороны вашей биографии, как, например, интимные отношения, в которые вы вступили с неким прелатом в вашей гостинице. С другой стороны, в ваших богословских трудах мы уловили некоторую нечеткость в формулировке вопросов нашего вероучения. В иных местах, брат Гаспар, несмотря на прямоту и искренность ваших побуждений, богословы обнаружили у вас следы пантеизма, которые никак не согласуются с учением нашей Церкви. В подобном случае нам придется принять довольно суровые меры, как уже случалось при таких обстоятельствах: изъять ваши книги, отрешить вас от исполняемых вами обязанностей или, не дай то Боже, начать параллельное расследование в отношении вашего приора и ваших братьев по монастырю. Надеюсь, брат Гаспар, что из моих слов вы сделали вывод, что ближе всех к полиции в Ватикане Священная конгрегация по вопросам вероучения, которую я представляю, одновременно являясь ее главой. Я ясно выразился?

Гаспар кивнул.

— Что с вами? Вам плохо?

— Нет, ваше высокопреосвященство, просто из-за сэндвича с лососиной у меня расстроился желудок.

И это была чистая правда.

— Ах, тревоугодие, тревоугодие... — сказал кардинал. — Хрестоматийный грешок всех монахов.

И, расплывшись в улыбке, он встал, прошел к двери, открыл ее и, прежде чем переступить порог, обернулся к бедному Гаспару и добавил:

— Приказываю вам оставаться здесь, пока я не вернусь.

Х

Весь ход истории ясно показывает, какая вражда существует между мирянами и духовенством.

Бонифаций VIII

Понятно, что после громовых обвинений и угроз, обрушенных на него его высокопреосвященством, брат Гаспар был снедаем великой тоской и опасениями, нашедшими соматическое отражение в революции, разыгравшейся у него в животе, которой, вполне вероятно, способствовало сильнейшее расстройство желудка, вызванное сандвичами, а особенно лососиной, к которой его пищеварительный тракт никоим образом не привык, и такова была овладевшая им мнительность, что самый легкий шум — стук хлопнувшей двери или шаги, внезапно раздавшиеся в одном из коридоров ватиканского дворца, — заставлял его вздрогнуть в смертельном испуге, так что пусть никого не удивляет, что время, проведенное им в ожидании за весь тот бесконечно долгий день 4 ноября, стало для брата Гаспара подлинной мукой.

Но тяжелее всего для него была мысль о том, какое распространение получила новость о беспутной, неумеренной и почти бредовой страсти, которой воспылал к нему некий прелат, прелат, который в довершение позора был не только совершенно бессовестным существом, но и личным слугой Его Святейшества. Неужели монсиньор Лучано Ванини не только подвергал сексуальным нападкам своих братьев по вере, но и трезвонил об этом на каждом перекрестке, на свой лад перевирая самые непристойные моменты? Похоже, что так, из-за чего несправедливо пострадала репутация доминиканца, и стыд, который он испытал в присутствии его высокопреосвященства, намного превосходил все, что он мог припомнить за дни своего пребывания в Риме. Вполне вероятно, что он тут же бы и расплакался, если бы вдруг не ощутил внутри некое коловращение, иными словами, малоприятное чувство, исходившее из желудка, словно рыба билась у него в кишках, стараясь сорваться с крючка, и, действительно, он не слишком ошибался, поскольку за этим мгновенно последовала отрыжка с привкусом лососины, за ней еще и еще, пока он не почувствовал, как по пищеводу поднимается первая волна рвоты, которая уже частично выплеснулась ему в рот в тот самый момент, когда в кабинет вошел кардинал Хакер в сопровождении кардиналов Джузеппе Кьярамонти и Хавьера Ксиен Кван Мина, а также архиепископа Ламбертини и монсиньора Луиджи Бруно, увидев которых брат Гаспар приказал своим внутренностям утихомириться, встал в знак уважения и, что поделать, проглотил кишечный бульон, после чего почувствовал себя самым несчастным среди всех творений Божиих.

— Сядем, — услышал он голос Хакера, иерархи расселись вокруг монаха, сел и брат Гаспар. Они глядели на него столь внимательно, как будто монах был единственно существовавшим во всей Вселенной. — Так, так... — добавил Хакер, взглянув на часы, — времени в нашем распоряжении не так уж и много. — Он положил портфель на стол, открыл его, вытащил папку с бумагами и, откинувшись на спинку дивана, принялся просматривать их. — Вы не возражаете, если мы начнем?

— Начнем? — дрожащим голосом спросил Гаспар. — Что начнем?

— Начнем снятие показаний с монаха и экзорциста ордена братьев-проповедников, Гаспара Оливареса с целью: во-первых, прояснить богословские положения его книги «Аз есмь Сатана»; во-вторых, подтвердить или опровергнуть выдвинутые в частной беседе обвинения посредством очной ставки вышеупомянутого монаха с присутствующим здесь кардиналом Джузеппе Кьярамонти; в-третьих, установить смысл актов неповиновения, которые, как мы полагаем, брат Гаспар проявляет в отношении государственного секретариата и частично святой Кардинальской коллегии, и, в-четвертых, объяснить загадочное исчезновение секретного документа, переданного вышеуказанному монаху

вечером первого ноября, в День всех святых. Проведение допроса поручается выступающему в данный момент префекту Священной конгрегации по вопросам вероучения, его высокопреосвященству Джозефу Хакеру, в присутствии двух авторитетов в области демонологии — его высокопреосвященства кардинала Джузеппе Кьярамонти и его высокопреосвященства кардинала Хавьера Ксиен Кван Мина, первый из которых будет выступать в роли официального наблюдателя, а второй — в роли *advocates pro autore*.¹⁰ — Его корейское высокопреосвященство использовал момент, когда его назначали адвокатом, чтобы улыбнуться и слегка склонить голову на манер приветствия. — На заседании присутствуют также личный наблюдатель архиепископ Пьетро Ламбертини и, наконец, выступающий в роли секретаря монсиньор Луиджи Бруно, которому поручается вести стенографический отчет. — И, действительно, в этот момент Гаспар заметил, что упомянутый монсиньор, закинув ногу на ногу, разложил на правом колене блокнот, и по усердному виду, который он на себя напустил, брат Гаспар мог не сомневаться, что там уже записаны все до единого слова, произнесенные в этом кабинете. — Вы согласны с регламентом?

— Что?

— Я спрашиваю, согласны ли вы с регламентом?

Брат Гаспар кивнул.

— Мы попросили бы вас, — сказал кардинал Хакер, — чтобы вы не ограничивались жестами, которые могут быть ошибочно истолкованы, а, прежде всего, изъяснялись словесно. Если только что вступивший в свои обязанности секретарь монсиньор Луиджи Бруно начнет впадать в двусмысленности, прежде чем приступить к сути, никому не будет от этого никакой пользы. Повторяю: согласны ли вы с регламентом?

— Да, согласен, — ответил брат Гаспар, но было во всем этом деле нечто абсолютно ужасающее.

— Хотите что-либо сказать?

Гаспар кивнул.

— Мне хотелось бы, чтобы мы все вместе вознесли молитву Святому Духу.

— С какой целью? — спросил Хакер.

— Так уж заведено у христиан.

Кардинал Хакер кивнул и с рутинным безразличием и холодностью, холодностью, которая могла разве что опечалить самого Господа Бога, затянул «*Veni Sancte Spiritus*»,¹¹ продолжая перелистывать интересовавшие его документы.

После молитвы брат Гаспар попытался хоть как-то освежить сгустившуюся атмосферу, в которой дышалось с трудом, шутливой выходкой.

— Вы будете меня пытаться? — спросил он, однако острота не нашла никакого отклика и даже наоборот: Хакер не только пропустил ироничный вопрос мимо ушей, но и сказал с непривычной грубостью:

— По первому пункту, мы не будем касаться анархической методологии, легкой в основу композиции вашей книги, поскольку композиция эта заслуживает комментария разве что своим блестящим отсутствием, и сосредоточимся на выяснении некоторых понятий, имеющих отношение к толкованию дьявольской сущности.

— Дьявольской? — спросил монах, снова не в силах унять дрожь. — Как это понимать?

— А так, что вы пишете о дьяволе от первого лица. Откуда такая фамильярность?

— Но ведь и в Библии... — начал было защищаться доминиканец.

— Молчите! — прервал его Хакер и добавил: — Вы хотели что-то сказать?

— Так говорить мне или молчать?

¹⁰ Адвокат автора (*лат.*).

¹¹ «Да снизойдет на нас Дух Святой» (*лат.*).

Хакер кивнул.

— Я думал, что моя книга понравилась Священной конгрегации и Государственному секретариату, но...

— Поймите, брат Гаспар, — снова заговорил Хакер, на этот раз смягчив тон, — дело ведь не в том, «понравилась» или «не понравилась», а в том, чтобы дознаться о соответствии ваших слов святому учению.

— Искренне говоря, ваше высокопреосвященство, я никак не пойму, к чему весь этот разговор.

— Это дознание, брат Гаспар, и его *ratio agendi*¹² было установлено максимально конкретно.

— Однако, при всем моем уважении, у меня возникло чувство, что я на судилище.

— Не драматизируйте, брат Гаспар, и не думайте, что вы такая уж важная птица. Повторяю: речь идет о дознании в соответствии с тем, как оно определяется внутренним уставом Священной конгрегации по вопросам вероучения.

— Но если это не суд, то зачем мне адвокат? — возразил брат Гаспар, глядя на своего *advocatus pro autore* Хавьера Ксиен Кван Мина, который ограничился кивком, словно поддерживая довод своего подзащитного.

— Он вам не нужен, брат Гаспар, но и вреда от него не будет. Подумайте о том, что на протяжении этой беседы могут прозвучать обвинения, а я заверяю вас, что Священная конгрегация не хочет, чтобы вы оставались беззащитным. Короче говоря, считайте, что располагаете скрытым адвокатом, однако пока не действующим, поскольку на то нет причин.

Брат Гаспар посмотрел на своего адвоката, который снова кивнул.

— Итак, начнем?

Богословская перепалка, продолжавшаяся следующие два часа, охватила широчайший спектр вопросов, так что мне не остается ничего иного, как изложить ее в сжатой форме. Для начала брату Гаспару предложили говорить как можно свободнее, чтобы внести эти высказывания, если он посчитает необходимым, в только что начатый отчет, или, быть может, прочесть подготовленное заранее обращение; Гаспар пожал плечами и посмотрел на адвоката, который кивнул, по обыкновению не произнеся ни слова. Тогда кардинал Хакер громко зачитал несколько отрывков из книги и, остановив взгляд на брате Гаспаре, сказал:

— Что, черт побери, вы хотели этим сказать?

Брат Гаспар снова взглянул на своего адвоката, чтобы убедиться, может ли он рассчитывать на юридическую поддержку, но поскольку кореец не отважился вмешиваться, он почел уместным высказать несколько соображений о христианском милосердии, связанном, в его понятии, со свободой мышления и даже правом на ошибку, а также заявил, что присутствующим следовало бы признать естественным, что в лоне живой и развивающейся Церкви могут существовать богословские разногласия, которые мало-помалу сформируют облик истинной доктрины. Потом он перешел к параллельному размышлению об обновлении языка пастырских посланий, обновлении, на котором настаивали трое последних Пап, старавшихся черпать свою аргументацию из сокровищницы традиций, а также из заслуженно знаменитых энциклик, и, наконец, сказал, что своими словами пытается лишь убедить слушателей в том, что необходимо избегать создания мрачно-бюрократического Бога, поскольку повторять одни и те же штампы значило отдалять читателя от чуда, а волшебное многообразное чудо и сокрыто в сердце Бога, сущего повсюду и проявляющего Себя в мельчайшей частице Творения, как...

Тут его прервал Хакер.

— Не увливайтесь, — бесцеремонно произнес он.

Нимало не смутившись, доминиканец выразил свою твердость в повиновении и

¹² Движущая причина (*лат.*).

абсолютном послушании Святой Матери Церкви и Священной конгрегации по вопросам вероучения, а также высказался в том смысле, что вполне мог допустить невольные погрешности в своих книгах, беседах или проповедях и в этом случае готов внимательно выслушать все, что ему скажут, исправиться и даже без горечи воспринять известие об аресте своих книг. Такое чрезвычайное и благоприятное впечатление произвело на присутствующих смирение монаха — за исключением, разумеется, кардинала Ксиен Кван Мина, который, как мы уже видели, решил противостоять обвинениям в адрес своего подзащитного с бомбоустойчивой бесстрастностью, проявлявшейся в его параличной улыбке, — что было решено без дальнейших преамбул перейти к пункту второму, а именно — к очной ставке с кардиналом Кьярамонти, но случилось так, что в этот момент в дверь постучали и вошел некий монсиньор, который, увидев столько кардиналов вместе, шесть или семь раз склонился в глубоком поклоне.

— Что вам нужно? — спросил Кьярамонти, прерывая его пантомиму. — Разве вы не видите, что я занят?

— Простите, ваше высокопреосвященство, но я принес материалы брифинга по целибату. Мне показалось, что они вам срочно нужны.

— Дайте сюда, — сказал Кьярамонти.

Монсиньор подошел к столу, передал ему папку и, еще несколько раз поклонившись, удалился.

— Брифинг по целибату? — спросил Хакер у Кьярамонти, который кивнул с двусмысленной улыбкой. — Могу я рассчитывать на копию?

— Конечно, — ответил Кьярамонти.

— Надо сделать все, что в нашей власти, чтобы сдержать эту абсурдную тенденцию, — заявил Хакер, в упор глядя на Кьярамонти. — Священники, которым, видите ли, захотелось жениться! Шуты! Скрытые прелюбодеи! Вот кто они! — взъярился он. — А вы что думаете по этому поводу, брат Гаспар?

— Ничего определенного, ваше высокопреосвященство.

— Так вот лучше б вы обзавелись собственным мнением, — сурово произнес Хакер. — Совершенно очевидно, что речь идет о полной нелепости. Лучшее, что можно сделать, это навсегда избавиться от этой части духовенства. Вам не кажется?

Гаспар кивнул.

— Что, собственно, происходит? — с издевательской улыбкой продолжал Хакер. — Жениться им захотелось? Отлично, пусть женятся, но только при этом повесят сутану на гвоздь. Так нет же, им подавай все: и сутану, и обед на дармовщинку, а на десерт — прелюбодейство. По мне, так пусть убираются, и чем раньше, тем лучше. Нам такие не нужны. Мне, правда, кажется, что стоит их оженить, как жена тут же заткнет их за пояс и они станут как шелковые. Ха-ха! Вот бы поглядеть, что за женушки им достанутся! Молю Бога, чтобы это были какие-нибудь дурицы! Вот тогда будут каяться до конца своих дней! — сказал он, презрительно рассмеявшись, заражая своей злоеющей веселостью всех присутствующих, включая Гаспара. — Эти петушки только и знают, что кукарекать. А теперь оказывается, что они требуют сексуального общения и ласки и без женщины чувствуют себя неполноценными. Им что, Церкви мало? Им что, это было непонятно с самого начала? Разве в договоре не упоминалось о том, что священник бракуется с Церковью, которая и есть наша истинная жена? Невольно задаешься вопросом, каков будет следующий шаг этих комедиантов. Само собой — смена пола! И обедни будут служить в мини-юбках, если только не сделают священником какую-нибудь потаскушку, а ризницы местом укромных совокуплений! Тогда Ватикан уж точно превратится в огромный бордель, вам не кажется?! Комедианты, лжесвященники, для которых сутана — маскарадный костюм, мужчины, подавляющие свою похоть! Целибат, братья мои, это предмет, не подлежащий никакому обсуждению, и Священная конгрегация по вопросам вероучения окончательно и категорично высказалась по этому поводу, и я не вижу никакой нужды в новых брифингах, докладах и документах. Это козни наших врагов, знающих, что чистота — наше главное

богатство, козни, которые мы должны пресечь, как пресекали их раньше, а единственный способ сделать это — окончательно положить дело под сукно, потому что они будут приводить доводы из истории Церкви, но прежде всего — из психоанализа, который рассматривает человека не как духовное существо, а, скорее, как сломавшийся тостер, нуждающийся в починке. Они хотят подменить храм турецкими банями. Так что, Джузеппе, сделай милость: больше никаких брифингов на эту тему. При виде подобного абсурда я просто выхожу из себя. Нам нет никакой нужды прислушиваться к этим шутам.

Кардинал Джузеппе Кьярамонти высоко поднял брови, на мгновение застыл с этой удивленной и несколько презрительной гримасой на лице и сказал:

— Договорились: никаких брифингов.

— Видите, брат Гаспар? — спросил кардинал Хакер, поворачиваясь к монаху. — Тревожиться незачем. Обстановка у нас подлинно братская. Понимаете?

Гаспар кивнул.

— На данный момент, брат Гаспар, мы все убедились в безгрешности ваших намерений, и мне кажется, что данное дознание только укрепит вас. Вы еще сохранили способность рассуждать здраво.

Все, кроме Кьярамонти, закивали.

— А теперь перейдем к главному — очной ставке.

— Очной ставке? — снова встревожившись, спросил брат Гаспар. — Какой очной ставке?

— Вы утверждали, что существует заговор с целью убийства Папы. Это так?

Волей-неволей брату Гаспару пришлось согласиться.

— Кто же лучше государственного секретаря сможет ответить на это тяжкое обвинение? Отвечайте, — сказал Хакер и нахмуренно посмотрел на Кьярамонти.

— Видишь ли, Джозеф, — ответил Кьярамонти, — сидящий здесь монашек все понимает на свой лад. Я даже подозреваю, что коэффициент его умственного развития ниже минимального. Он все воспринимает всерьез! Существует такой риторический прием, как ирония, брат Гаспар, — сказал Кьярамонти, пристально глядя на доминиканца и поводя указательным пальцем, словно преподнося ему урок, — а ирония как раз и заключается в том, чтобы выразить противоположное тому, что говорится. Иными словами, когда в накаленной атмосфере, вызванной недавно поступившими серьезными новостями, его высокопреосвященство кардинал Эммануэль Малама (причем именно он, а не я) предложил убить Папу, я понял этот всплеск эмоций, но одновременно и то, что его нельзя воспринимать буквально, почему и решил ограничиться иронией вместо сурового выговора. Потому что, видите ли, кардинал Малама... Как бы получше выразиться? Не в своем уме? — сказал Кьярамонти, глядя на Хакера.

— Действительно, — ответил тот. — Не в своем уме, да к тому же и злопамятный. Уже не раз у нас были веские основания начать расследование. Однако игра не стоит свеч, потому что... Да, у него не все дома.

— Учтите к тому же, что кардинал Малама, — продолжал Кьярамонти, — очень и очень серьезно болен. Рак.

— Рак и старческое слабоумие.

— Не стоит обращать внимания на его слова, — заключил Кьярамонти.

— Вам все ясно? — спросил кардинал Хакер, пристально глядя на монаха. — Или требуются еще какие-то пояснения?

— Все ясно.

— Тогда перейдем к третьему пункту, а именно — вашему неповиновению и отказу сотрудничать с Государственным секретариатом, по приказу которого вы и были призваны в этот Святой город.

— Неповиновение с моей стороны? Отнюдь! — возразил брат Гаспар. — Я всего лишь хочу сказать, что порученная мне миссия вызывает у меня немалые сомнения.

— Вследствие чего? — поинтересовался Хакер.

— Вследствие того что предложение, сделанное мне Государственным секретариатом, противоречит церковному уставу.

— Что?! — взволновался Кьярамонти, который и без того сидел как на углях.

— Не могли бы вы разъяснить немного подробнее? — попросил Хакер.

— Да, мог бы, — ответил брат Гаспар, вытаскивая джокера, которого приберегал именно для такого момента. — Мне было поручено тайно совершить обряд экзорцизма над Папой, но глава тысяча сто семьдесят вторая Свода канонического права гласит, что никто не может законным образом произносить экзорцистские заклинания над бесноватыми, не получив на то специального разрешения епархиального епископа, — и стоит ли говорить, что римский епископ есть не кто иной, как сам Папа. Кто мог бы попросить у него подобного дозволения? «Пресвятой Отец, прошу у вас разрешения изгнать из вас дьявола». Положа руку на сердце, не думаю, чтобы он согласился.

Хакер с бесконечной холодностью взглянул на Кьярамонти и сказал:

— Безупречная аргументация. Как могли вы не подумать об этом, прежде чем начать действовать? И вы еще говорили, что коэффициент умственного развития брата Гаспара ниже минимального? Или, может, вы себя имели в виду?

— Безусловно, — ответил Кьярамонти, — ответственность за эту ошибку ложится на Государственный секретариат. Однако мне хотелось бы внести некоторые уточнения: во-первых, никто не просил этого человека открыто совершать обряд экзорцизма, а лишь в качестве демонолога католической церкви вынести неофициальное суждение по занимающему нас делу, случай, которым он вполне мог воспользоваться, чтобы выставить себя таким скромником и сослаться на тысяча сто семьдесят вторую статью Свода, а во-вторых, разве при чрезвычайных и, мягко говоря, пугающих обстоятельствах, в которых мы оказались, мы не можем пренебречь глупыми церемонностями? Я так не думаю. Надо действовать, и действовать немедленно. Да, я отказываюсь и далее говорить о брате Гаспаре, поскольку (не знаю, заметили ли вы это) с тех пор, как этот монашек прибыл в Ватикан, все о нем только и говорят, и, вполне возможно, он один из таких людей, которых хлебом ни корми, а дай побыть постоянным и навязчивым центром внимания любых собраний. Я бы сказал, что в первую очередь нам следует, не нарушая приличий, хотя бы на минутку прервать это дознание и попытаться представить себе, как мы будем выпутываться из этой невыносимой ситуации. С этим Папой надо что-то делать, причем не теряя ни секунды.

— Вполне согласен, — сказал архиепископ Ламбертини, и вслед за ним это изменение курса беседы поддержали монсиньор Луиджи Бруно и его высокопреосвященство Хавьер Ксиен Кван Мин.

— Учитывая сложившиеся обстоятельства, — сказал Хакер, — данный протокол сдается в архив на неопределенное время, однако он может быть вновь поднят по требованию любого из присутствующих. Заседание окончено, — произнес он и тут же закрыл портфель, а монсиньор Луиджи Бруно, бывший секретарем во время дознания, сделал то же самое со своим стенографическим блокнотом, после чего атмосфера вмиг разрядилась и все, включая самого Хакера, почувствовали себя легче.

Первым взял слово Кьярамонти, который ограничился перечислением стоящих перед Церковью серьезных проблем: необходимость обновления, чтобы с честью вступить в новое тысячелетие; недоверие, к которому могло привести не слишком-то ортодоксальное поведение Папы; возможность того, что Сатана всецело завладел им и выет из него веревки; недостаток средств, которыми располагали присутствующие, чтобы защититься от непогрешимого слова Папы; и, наконец, ближайшая угроза, предположительно состоявшая в том, что Папа собирается учинить допрос не кому-нибудь, а самому Святому Духу, подвергнув сомнению некоторые основополагающие догматы, — дело почти немыслимое, загонявшее их в зловонный тупик.

Затем слово взял Хакер, который довольно занудливо повторил буквально все, сказанное Кьярамонти, после чего, напустив на себя непроницаемый покерный вид, заявил, что если никто не против, то он хотел бы внести предложение.

— Если Папе угодно праздника, — сказал он, — устроим ему праздник. Пусть завтра он снова появится собственной персоной в соборе Святого Петра перед толпой верующих, чтобы люди увидели его, прикоснулись к нему, бурно поприветствовали и снова полюбили бы своего Папу. Разве это не лучше, чем его молчание? Его молчание — вот наша настоящая погибель, вот величайшая из угроз.

— Мы не можем рисковать, — возразил Кьярамонти. — В данный момент речь идет о пастыре, утратившем над собой контроль. Меня охватывает ужас, когда я думаю, что он может наговорить. Мы можем растерять все наше стадо.

— Он скажет то, что напишет брат Гаспар.

— Как это? — спросил Кьярамонти.

— Конечно, тяжело сознавать, — ответил Хакер, — но брат Гаспар — наш главный козырь. Любопытно и вряд ли нам удастся объяснить это, но ему каким-то образом удалось завоевать расположение Папы. Бывает, что в игре случая мы усматриваем руку Божию. Полагаю, никто из присутствующих не станет возражать, что он единственный, кто может рассчитывать на доверие Папы. Это с одной стороны. С другой — перед нами человек твердой веры и несокрушимого повиновения, к тому же *last but not the least*.¹³ не знаю, известно ли вашему высокопреосвященству, что сам Папа поручил этому монаху составить пастырское послание, которое будет прочитано завтра.

— Что? Это правда?! — воскликнул Кьярамонти. Доминиканец кивнул. — Почему же меня не проинформировали раньше? — посетовал кардинал.

— Таким образом, — заключил Хакер, словно не расслышав вопроса своего коллеги, — пусть Римский Первосвященник выйдет к народу и прочтет то, что сочинит брат Гаспар. Пусть многотысячная толпа верных католиков аплодирует ему и восхваляет его. Нелишне было бы удостовериться, — добавил он, на сей раз обращаясь к монсиньору Луиджи Бруно, — что будет присутствовать как можно большее число молодых активистов, которые воодушевляли бы толпу своими гитарами и народными песнями. Несколько отрядов бойскаутов тоже могут нам пригодиться, но самое главное, чтобы собралось побольше детей, которые делали бы что-нибудь.

— Что значит «что-нибудь»? Что-нибудь вроде чего? — поинтересовался монсиньор, не сробевший перед объемом подготовительных работ.

— Не знаю, какой-нибудь номер с шарами, платками или разноцветными лентами. Или гимнастические упражнения. Откуда мне знать? Когда-то это производило впечатление. Главное, чтобы мы смягчили его сердце и ублажили тщеславие, поскольку я ничуть не удивлюсь, что часть обрушившихся на нас зол объясняется мелким грехом тщеславия. Итак, насытим же его тщеславие. Чтобы не забывал, кто он и что представляет: личность, любимая превыше всего и вопреки всем законам логики, науки и истории. Вопросы есть?

— Да, — сказал Кьярамонти. — кто отвечает за содержание послания, которое предстоит написать брату Гаспару?

— Священная конгрегация по вопросам вероучения, — ответил Хакер.

— Так я и знал, — не без ехидства ввернул Кьярамонти.

— Это естественно, — возразил Хакер.

— Да, — уступил Кьярамонти, — но Государственному секретариату также хотелось бы ознакомиться с содержанием послания.

— Ознакомьтесь, не переживайте.

— А что будет, поскольку это вполне может быть, — спросил архиепископ Ламбертини, — если во время своего явления старик заупрямится и откажется по-прежнему считать себя владыкой мира и, исполняя свою святую старческую волю, понесет чушь, которая взбредет ему в голову?

— Я уже подумал об этом, дорогой мой Пьетро. В таком случае, как мне ни жаль, но,

¹³ Последний, но не худший (англ.).

если он оттолкнет от себя брата Гаспара, как оттолкнул всех нас, нам не останется ничего иного, как отправить его к праотцам. Посадим в подходящем месте снайпера, который в нужный момент продырявит ему сердце. Но будем надеяться, что обойдется без этого. Сейчас главное — немного поводить его перед камерами, — категорическим тоном изрек кардинал Хакер. — Согласны?

Присутствующие дружно кивнули.

К этому моменту брат Гаспар уже понаслушался таких дикостей, что, если бы ему сказали, что присутствующие собираются четвертовать Папу и съесть его живьем, он вряд ли нашелся бы что-нибудь возразить, так что ему поручили трудиться над составлением папского послания, которое он должен был подготовить к следующему утру, к завтраку, и в общих чертах согласовать его содержание со Священной конгрегацией по вопросам вероучения. К счастью, в этой буре эмоций его высокопреосвященство позабыл о пункте четвертом *ratio agendi*, а именно о загадочном исчезновении досье, и брат Гаспар, естественно, не стал напоминать ему об этом.

Стоит ли говорить, что бедняга Гаспар почувствовал огромное облегчение и был почти счастлив, когда собрание их высокопреосвященств подошло к концу, и ему даже показалось, что он преодолел все трудности наилучшим образом, однако подозрительность все еще владела им, и когда, едва войдя в свой номер ватиканской гостиницы, он услышал телефонный звонок, то всерьез засомневался, стоит ли ему брать трубку, ведь кто мог знать, какое новое происшествие углубит и без того бездонную пропасть уныния и отчаяния, в которую он был ввергнут, и — надо же — шестым чувством он уловил, что следует подавать признаки жизни в минуты сколь серьезные, столь же и неподходящие, — это оказалась его бедная матушка.

— Матушка... — сказал Гаспар, не в силах скрыть своего удивления.

— Гаспарито, — ответила она, потому что бедняжка привыкла называть его именно так.

— Как ты узнала мой телефон?

— Позвонила в монастырь и спросила у приора. Как ты? Тебя хорошо кормят?

— Да, — ответил Гаспар. — А ты, как ты поживаешь?

— Одинокое мне, сынок, уж так одиноко.

— Прошу тебя, не надо, мама.

— Но почему? Разве это не правда? Скажи, разве не правда?

— Как Рим — красивый?

— Да.

— Холодно?

— Немного.

— Видел Папу?

— Да.

— Симпатичный?

— Вполне.

— Помнишь, что обещал попросить у него фотографию?

— Да, он мне ее уже дал.

— С подписью?

— Да.

— Красивая?

— Да.

— Большая?

— Обычная.

— Еще будешь с ним встречаться?

— Думаю, да.

— Что с тобой, сынок? Ты плачешь?

- Нет.
- Я чувствую, ты грустный. Что с тобой? Что происходит?
- Ничего.
- Правда, Гаспарито?
- Правда.
- Приедешь на Рождество?
- Думаю, да.
- Одевайся потеплее, а то ты вечно простуженный.
- Хорошо.
- И поскорее приезжай.
- Хорошо.
- Крепко тебя целую, Гаспарито.
- И я тебя, мама.

Он повесил трубку и разрыдался, судорожно, безутешно, как будто плакал впервые в жизни. «Бедная моя матушка, — подумал он. — Если бы она знала, что тут творится! Если бы знала, что мне приходится терпеть! А она, невинная душа, просит у меня фотографию Папы! Блаженны нищие духом, блаженны нищие духом...» Он продолжал плакать, и забавно, что слезы на вкус отдавали лососиной. «Конечно, столько времени питаться одними овощами, а теперь эта лососина, такая несъедобная, мелкая мирская гадость, которой не насытишься».

Присутствие Бога почти не чувствовалось и угрожало угаснуть совсем; душа его словно обнищала, напоминая растоптанный цветок: все, за что он боролся, казалось теперь малосущественным. Монастырь представлялся пузырьком в океане нереального.

Однако всего полчаса спустя он взял себя в руки и на трезвую голову, как того требовали обстоятельства, стал разбираться в том, каково положение дел в Царстве святого Петра и каково положение ничтожного монаха, который в недобрый час покинул свой монастырь, в глубине души соблазненный нечистыми почестями мира сего.

Перед ним стояли три серьезные проблемы. Имя первой было Лучано Ванини, который день ото дня все больше превращался в его пожизненного слугу, однако не подавал признаков жизни — обстоятельство, естественно, радовавшее брата Гаспара, хотя в то же время он сознавал, что Лучано в любой момент может постучаться к нему в дверь с непредсказуемыми намерениями. Вторая, меньшая, состояла в опасности окончательно обанкротиться, но в этом смысле брат Гаспар полагался на верного своему слову приора, который, наверное, уже перевел на его банковский счет сумму, о которой еще вчера Гаспар умолял не без некоего чувства неловкости, прекрасно сознавая ложившееся на монастырь бремя. И, наконец, последняя и самая непосредственная из его скорбей, пожалуй, внушавшая ему в эти минуты наибольший страх, была не кем иным, как архиепископом Лусаки, его высокопреосвященством Эммануэлем Маламой, который, к ужасу брата Гаспара, был одержим смертоубийственными наклонностями, жаждал крови и мести и сегодня же вечером, как он сам выразился, должен был открыть брату Гаспару кое-какие вещи, которые ему необходимо было знать.

Он постарался погрузиться в благочестивую молитву, чтобы позаимствовать сил у Бога, поскольку его собственные были практически на пределе, но как же тяжело ему было сосредоточиться и сколько раз внимание его устремлялось к назначенной встрече со смущающим его покой кардиналом Маламой! Конечно, он и помыслить не мог о том, чтобы сказаться отсутствующим или удрать от его высокопреосвященства, чего, несомненно, ему больше всего хотелось, так как в конечном счете законы послушания оставались законами послушания. Единственное, о чем брат Гаспар молил Бога, это чтобы кардинал Малама — а также, как уже тысячу раз было говорено, архиепископ Лусаки — каким-нибудь тайным путем не проведал о том, что Папа обещал брату Гаспару тот же пост, поскольку конкуренция двух архиепископов в пределах одной метрополии была невозможной, однако в

словах Маламы угадывалось, что кто-то уже успел ему проговориться. Монсиньор Лучано Ванини? Это было бы неудивительно. Если назначенное его высокопреосвященством свидание в полной или значительной мере отвечало тому, чтобы выяснить подлинность и содержание слухов, а также подтвердить свои притязания на пост архиепископа, то брат Гаспар благоразумно и одновременно повинувшись внезапному порыву решил притвориться, что ничего не знает об этом деле, или в крайнем случае поклясться, что отказывается от своего включения в курию, а также от всех до единого обещанных ему повышений. Более того, он готов был подтвердить, что формальный отказ уже состоялся и Папа, понимая его причины, без минутного колебания принял его. Иными словами, ложь громоздилась на ложь. В остальном же Гаспар просил Бога простить его и прийти ему на помощь, однако дело закончилось тем, что часов в пять вечера раздался звонок в дверь: это оказался Филиппо, который, к удивлению Гаспара, предстал в сопровождении двух мужчин, несших вторую, дополнительную кровать.

— Кровать вашего секретаря, — сказал Филиппо. — Куда ставить?

— Это, должно быть, какая-то ошибка, — через силу вымолвил брат Гаспар, впрочем чувствуя себя окончательно обескураженным.

— Разве монсиньор Лучано Ванини не ваш секретарь?

Брат Гаспар согласился скорее с тяжелым, чем радостным чувством.

Он все еще никак не мог взять в толк, что епитимья, наложенная на него подобным назначением, включала обязанность секретаря ночевать с ним в одной комнате, но, похоже, так оно и было; таким образом он оказался в несколько Достоевской ситуации: бедный, как церковная крыса, с карточными долгами и вынужденный разделять кров с кем-то вроде мужика.

XI

*Мы заключены в темном мире, куда вполне мог просочиться
деятельный бесовский дух.*

Иоанн Павел II

Брат Гаспар был погружен в уже упомянутые тяжкие заботы, когда в половине шестого раздался телефонный звонок и услужливый голос Филиппо сообщил, что к нему посетитель. Гаспар перекрестился и, как вполне можно предположить, скорее со страхом, чем с уверенностью, приготовился выйти из номера.

Спустившись, он тут же увидел ожидавшего его шофера. Оба вышли из гостиницы и свернули налево. Брат Гаспар проследовал за шофером, который подвел его к черному «мерседесу» с затемненными стеклами. С великой торжественностью, как будто он уже был церковным иерархом, шофер распахнул перед ним одну из задних дверей, и в глубине машины блеснула пурпурная мантия кардинала Маламы. Брат Гаспар проглотил слюну, изобразил на лице улыбку, пригнулся и сел в машину, не надеясь выйти целым и невредимым из этого нового испытания, которому Господь подвергал раба Своего, возможно, чтобы сбить с него спесь, влекущую к неисповедимым желаниям мирской славы.

— Ваше высокопреосвященство, — произнес Гаспар, целуя кардинальский перстень и приседая в робком поклоне, который позволяло тесное пространство.

— Добро пожаловать, брат мой, — ответил Малама, а затем, подавшись вперед и закатив глаза, крикнул: — Трогай, трогай! — отдавая приказ шоферу, который мигом захлопнул дверцу, поспешно вернулся за руль и без промедления тронул с места.

Брат Гаспар, естественно, пришел в ужас.

Его высокопреосвященство кардинал Эммануэль Малама, от которого он ожидал новых, важных откровений, хранил молчание долгих пять минут, пока они не оставили позади святой город Ватикан и не оказались на римских улицах в неуправляемом потоке движения, который, казалось, невозможно было преодолеть. Брат Гаспар решил, что будет

лучше, если он заговорит первым, чтобы посмотреть, знает ли что-нибудь кардинал о папских намерениях сделать его архиепископом Лусаки, но по тону его голоса и содержанию первых высказываний догадался, что Маламе ничего не известно об этом деле, и, немного успокоившись, стал внимательно и с великим интересом, как его об этом и просили, выслушивать слова и доводы, которые кардинал лушил бойко, как горох.

По всему было видно, что он стар и болен, и его усталые глаза, казалось, не хотели больше смотреть на жизнь. Как он почел нужным сообщить, за последние три месяца он перенес три хирургических вмешательства, и было слишком заметно, что улыбке, которая временами мелькала на его губах, недостает необходимой искренности, что, скорее, это выражение, выработанное долгими годами практики и закалки. Недаром это был человек, за которым — как он сам сказал без всяких церемоний — повсюду следовал призрак близкой и мучительной смерти, человек хрупкий и напуганный.

— Я провожу больше времени в больнице, чем на улице, — сказал он. — Врачи дают мне еще три года, самое большее — четыре.

Казалось, Малама принадлежал к той породе людей, которые были бесконечно мудры и счастливы, но их способности и удача необъяснимым образом шли на убыль, а вместе с ними и самоуважение, и единственное, что им осталось, это чувство отвращения ко всему на свете и ощущение, что, выбирая жизненный путь, они совершили роковую ошибку, а также некоторые криминальные наклонности, с особой кровожадностью проявлявшиеся, стоило ему упомянуть Папу или кого-нибудь из кардиналов. Однако, как очень скоро обнаружил Гаспар, у Маламы было более чем достаточно поводов чувствовать себя хуже некуда, и не только из-за рака поджелудочной железы, который мучил его, сделав характер старика до крайности тяжелым и неуживчивым, — болезнь, явно вызванная (и любопытно, что сам Малама признавал это) спертым духом ватиканских интриг, которым ему приходилось дышать вот уже пятнадцать лет.

Он начал с того, что, хотя Гаспар и «беленький» и несмотря на разницу, которая, несомненно, существует между ними, а также их методами и образом действий, он чувствует сердечное родство с ним — а «сердечный» происходит от слова сердце», посчитал необходимым уточнить он, — из-за тесных взаимоотношений, которые существуют между ними обоими и Нечистым, поскольку он не сомневался, что все экзорцисты образуют особое братство в глазах Божиих. Разве экзорцизм не есть одна из главных, если не главная миссия, возложенная на каждого священника? Разве крещение не является актом экзорцизма, которым Церковь встречала каждого из людей? Но, к несчастью, в эти трудные для духа времена говорить о дьяволе считалось дурным тоном среди кардиналов и епископов, чьи умы были заморожены и ослеплены диктатурой науки и техники. Некоторые богословы даже отстаивали точку зрения, согласно которой исцеления, произведенные Иисусом, касались жертв нервных заболеваний, а не настоящих бесноватых, но разве в Евангелии не проводилась четкая грань между исцелениями и изгнанием нечистого духа?! Разве это не так? Однако кризис, по словам Маламы, затронул не только вероучение. Он прямо влиял на конкретных личностей. Экзорцистов не хватало, и, несмотря на это, епископы не назначали новых. Почему? Да потому, что они верили в дьявола «в теории», а не на практике, не в конкретных случаях. Они верили в дьявола, только чтобы не прослыть еретиками! Школа была утрачена, и ответственность за это несли исключительно епархиальные епископы — единственные, кто мог предоставлять священнику лицензию на то, чтобы практиковать экзорцизм. Разве не усматривается в этом грех небрежения? «Каковы сегодня основные потребности Церкви?» — спросил он, присовокупив дословную цитату из знаменитой речи Павла VI: «Не удивляйтесь, каким бы упрощенным и даже суеверным и нереальным ни показался вам наш ответ: одной из основных потребностей является защита от зла, которое мы именуем Дьяволом». И дело в том, что теперь они просят о помощи, теперь они в отчаянии взывают к нему, хотя, вполне вероятно, подобные упущения имели роковые последствия и теперь было уже поздно.

После этого предисловия он продолжал говорить, что чувство исключительного

единства с братом Гаспаром толкало его на то, чтобы довериться ему и предупредить, чтобы он не ошибся в выборе жизненного пути, как это сделал он сам, так как было очевидно, что он дешево продал свою жизнь, да, что он отдал все, не получив взамен ничего, что было из ряда вон выходящим заявлением в устах человека, который, по меньшей мере внешне, принадлежал к верхам церковной иерархии. Он признался брату Гаспару, что на самом деле ему никогда не хотелось оставаться в Риме, что он всегда чувствовал себя плохо вдаль от близких. Несмотря на то что он выполнил все необходимые формальности, чтобы вернуться в Африку и продолжать свою епископскую деятельность там, где его больше всего любили, ему так никогда и не предоставили разрешения. Сплошные обещания и отговорки. От брата Гаспара не ускользнуло, что в каком-то смысле его высокопреосвященство кардинал Малама говорил так, будто он уже умер или по крайней мере израсходовал все самое ценное в жизни. В Африке, по его словам, он был кем-то, народ его любил, народ нуждался в нем. Кстати, он упомянул, что принадлежал к роду колдунов, людей высоких, сильных и здоровых, каким и он был когда-то, людей, обладавших необычайными способностями, передававшимися из поколения в поколение. Корни его рода, уходившие в глубь веков, гарантировали подлинность каждого из его членов. Он говорил о своем деде с нежностью и тоской, которые на мгновение затуманивали его взгляд слезами; это был мудрый и уважаемый человек, полный любви, человек, гордившийся доставшимися ему способностями: способностью облегчать душевные страдания, способностью исцелять болезни и способностью изгонять бесов. Тем самым и он был предназначен любить свой народ, в этом состояло его призвание, и он исцелял слепых, изгонял демонов из бесноватых, и он был беден, беден и счастлив. В относительно позднем возрасте, чтобы быть точным — в девятнадцать лет, он познал Христа и могущественный свет Евангелия, чтение которого явилось для него чуть ли не сверхъестественным переживанием. Кажется, в первый раз, что оно попало в его руки, он прочел его не отрываясь, за один присест, признал себя частью облика Христового, и — поверите ли, брат Гаспар? — ему хватило прочесть его два раза, и, чудесным образом, он уже знал его наизусть. Он впитал Евангелие каждой частицей своей души и вырос, питаясь мудростью и любовью Христовой, придя к выводу, что его призвание не ограничивается его народом, что поле его деятельности — весь мир. Так изучил он богословов и постиг мистиков, становясь все мудрее и, естественно, при этом продолжая исцелять болящих и изгонять демонов, только теперь он еще и проповедовал Евангелие и воскресение из мертвых. Но вдруг люди, стоявшие над ним, движимые, несомненно, завистью, обвинили его в том, что он противоречит важным пунктам вероучения и пользуется не совсем ортодоксальными методами. Они говорили, что он смущает народ, вносит путаницу в понятия. Однако, вместо того чтобы отстранить его или даже отлучить от Церкви, что, возможно, было наиболее логичным, они продвигали его все выше и наконец под каким-то расплывчатым предлогом вызвали в Ватикан и тут, в Ватикане, заткнули ему рот и похоронили живьем, убаюкав лестью и прельстив нелепыми назначениями. Устав от бесконечной бюрократической работы, утратив связь со своим народом, он начал в немногие свободные часы практиковать экзорцизм и исцелять недужных. Слава его росла, он стал писать книги (Гаспар читал их: они были написаны вяло, полны неясностей, перегружены инфантильной поэзией, поэтому, и не без основания, богословы невысоко ценили их), стал появляться на телевидении, в ничтожных программках, но — главное! — он снова почувствовал себя живым. Курия вновь стала с подозрением следить за его растущей славой и, чтобы окончательно истощить силы кардинала, сверх меры загрузила его бумажной работой, правкой документов, рядовыми собраниями и богословскими конгрессами, бюрократическими поручениями и связями с правительством. В конце концов они пресекли в нем стремление к святости. Поскольку Церковь ничего не забывает, ничего не прощает, но требует всего... Необходимость вернуться в Африку стала настоящей, и он снова предпринял формальные шаги, готовясь к своему возвращению, когда же наконец разрешение было предоставлено, он успел измениться настолько, что не узнавал своих родных мест. В общем, через несколько месяцев он вернулся, промелькнули еще годы, а

теперь у него рак поджелудочной железы, и он никуда не годен: у него было чувство, что он потратил жизнь впустую, ошибся в выборе жизненного пути. Да, он делал все возможное, чтобы все большие суммы денег переправлялись в Африку, он еще боролся за это, но — зачем? Зачем, если, кроме всего прочего, использование этих средств было почти невозможно контролировать?

— Надо было проповедовать бедность, — сказал Малама, — всегда, не щадя сил, проповедовать, что лучше быть как можно беднее, ибо что есть бедность, брат Гаспар? В чем ее смысл? Разве не в том, чтобы абсолютно верить провидению Божию? Разве не так, брат Гаспар? Препоручить себя руке Божией — таков конечный смысл бедности. Но на Западе жили, отвернувшись от Святого Духа, всецело предаваясь самым грубым пристрастиям и удовольствиям, превыше всего ставя свое «я» и позабыв о Боге и его Творении. Сатана, и вы не можете не знать этого, завоевал сердца людей, отрицавших даже его существование, и любому экзорцисту известно, что такова обычная уловка последователей Сатаны. Они издевались над нами, брат Гаспар, — сказал Малама, — издеваются и будут издеваться.

— Да, — признал брат Гаспар, — в монастыре тоже, случается, отпускают шуточки на мой счет.

— Мы, экзорцисты, впали в немилость, брат Гаспар, такова правда, — сказал Малама. — Нас обвиняли в суеверии, в примитивности, но что самое забавное — воля людей, отрицавших экзорцизм, была под властью дьявола. Вы заметили, как они смотрели на вас, когда вы говорили о сверхъестественных явлениях: разве они не смотрели на вас как на сумасшедшего или идиота? Однако тем не менее разве сама жизнь не есть сверхъестественное переживание? На Западе, — изрек Малама, — все или почти все жили и живут отлично от того, что думают и чувствуют, а это, как вам, несомненно, известно, один из самых явных признаков, которыми дьявол метит своих приверженцев. Здесь, — предупредил он, — никто не воспринимает Нечистого всерьез, здесь все верят в то, что противник рода человеческого не больше чем сказка для детей, в чем кроется противоречие, — иронически добавил Малама, — поскольку если и есть на земле место, где дьявол явил себя во всем могуществе, то это Ватикан. Сколько страданий вас ждет! — воскликнул Малама.

Снова пошел дождь, и брат Гаспар еле удерживался, чтобы не расплакаться. Какую печальную историю поведал ему этот человек! Гаспар заметил, что машина снова приближается к собору Святого Петра, и его высокопреосвященство кардинал Малама заговорил вновь.

Он сказал, что западные, белые люди не понимают — нет, нет и нет! — и не могут понять африканскую душу. Так, например, африканец никогда не сомневается в существовании Бога и существовании дьявола, ангелов и духов небесных. Во многих отношениях христианство оставляет желать много лучшего по сравнению с верованиями его предков: проповедовать Бога как нечто, что можно познать только после земной жизни, означало по меньшей мере частичный провал христианства, которое жило не для того, чтобы жить лучше, а перед лицом неизбежной смерти и страха перед ней.

— Однако Мвари тоже был велик и обитал на небесах, — заявил кардинал Малама, — и ни один настоящий африканец не сомневается в этом. А все эти доктора богословия — такие кичливые, такие самовлюбленные!.. А ваш Аристотель и ваш святой Фома? Бог мой! Куда там святому Фоме! Как можно так жить дальше? Разве это не более примитивно, чем любое из «африканских суеверий»? Нет, потому что все, приходящее с Запада, отмечено благодатью свыше. Получается парадокс: более семидесяти процентов католиков живут в странах третьего мира, а папская курия находится на Западе.

Однако совершенно ясно, продолжал кардинал Малама, что Африка не нуждается ни в ком из этих докторов богословия, век которых давно отошел. Лесть, лесть и снова лесть в адрес власть имущих, в адрес правителей и миллионеров, которые почти всегда — если докапываться до глубинных корней богатства — были торговцами оружием, которое они продавали своим африканским братьям. Так что лесть в адрес владельцев богатств и есть

основной принцип Ватиканской политики. Лесть и тщеславие. Стоит приехать сюда какому-нибудь футболисту или поп-певцу, и все тут же стремятся с ним сфотографироваться. Да, конечно, он тоже поддавался тщеславным порывам, но при этом искренне, искренне, подчеркнул он, думал, что, занимая какой-нибудь мало-мальски важный пост, сможет помочь своим африканским братьям. Но нет, нет и нет, сказал Малама с бешенством; наконец, когда было уже слишком поздно, он понял, что Запад никогда не возместит Африке то, что он у нее украл, то, что он ворует у нее до сих пор. А Ватикан? Что делал при этом Ватикан? Говорил о догмах! Говорил о сексуальной морали! О святом Фоме! Как патетично! Если Церковь хочет что-то сделать для Африки, тогда, как он уже предлагал, она должна потребовать — не отделяясь формальными заявлениями — потребовать от западных государств, многие из правителей которых на словах были католиками, немедленного, под угрозой отлучения, запрета на торговлю оружием и также под угрозой отлучения просить всех католиков ни в коем случае не голосовать за правительства, которые поддерживают подобную практику, иными словами, за все, все правительства, а также с присущей ей силой убеждения потребовать у руководителей западных государств не только простить внешний долг уже обобраным до нитки странам, но и прекратить грабеж, а главное, вернуть Африке все, что принадлежит ей по праву. Но это, как выясняется, невозможно! Тогда пусть они компенсируют им украденное! Он предлагал это, и что же, вы думаете, услышал в ответ? «К нам не прислушаются, ваше высокопреосвященство!» — сказали ему. «Ладно, пусть, — ответил кардинал Малама, — пусть к нам не прислушаются, тогда мы отлучим их, мы отлучим их всех как подлинных сыновей Сатаны, как подлинных служителей дьявола, как настоящих сучьих детей!»

— Верите ли вы, — спросил он у брата Гаспара, — что этот или какой-либо другой Папа совершит столь важный шаг?

— Нет, — ответил брат Гаспар, — нет, не верю.

— Вот именно, — сказал Малама, — потому что подлинная религия Запада — это восхваление самой себя, а это и есть, насколько я понимаю, самая суть кичливых приверженцев Сатаны, которым сегодня имя — легион, которых сегодня — толпы, которые сегодня обосновались даже в самом Ватикане. Есть два типа кардиналов, брат Гаспар, — шепотом сказал Малама, чье возбуждение как-то мигом спало, — те, которые не верят в Бога, их большинство, и те, которые считают, что цель оправдывает средства, и если сравнивать их, то последние, пожалуй, более вредоносны, причем не только для нашей Церкви, но и для всего человечества. Дьявол злодей, но не кретин. На самом деле он невероятно хитер: использует для своих дел самих же католиков. Этот Хакер, знаете, он худший из них всех... Даже хуже, чем Кьярамонти. Знайте, что у него нет сердца. Или, верней, есть, но каменное, оно не бьется, а кровь у него холодная, как у ящерицы. Знаете, как его называют даже самые доверчивые, самые покорные? Брат Вампир. Полагаю, вы знаете, что все это значит: он был первым демоном, проникшим в Ватикан, теперь же им несть числа: Кьярамонти, Ламбертини, Бруно, Хакер... Все, все они...

— Начинаю понимать, — сказал Гаспар.

— Вряд ли есть нужда напоминать вам, что в сатанинских легионах, как и в Церкви, царит иерархия. Иерархия, как и все прочие, основанная на рабстве, рабстве, которое навязывается политикой кнута и пряника.

— Но тогда Хакер... Хакер — слуга двух господ.

— Это всего лишь оборот речи, почтенный брат мой. Вспомните, что говорится в Писании: что худшие из бесов те, кто на словах провозглашают имя Иисуса, а своими делами отрицают Его. Можете не сомневаться, что Папа одержим. Рогатый андрогин Бафомет стоит за всем этим, а его слуга Хакер пунктуально его обо всем информирует.

— Он гомосексуалист?

— Что?

— Его высокопреосвященство — гомосексуалист?

— Почему вы меня об этом спрашиваете? Какая разница? — почти раздраженно

ответил Малама.

— Сегодня вечером он пригласил меня поужинать, и я хотел бы знать, как себя вести. Казалось, кардинал Малама не понял его.

— Положа руку на сердце, ваше высокопреосвященство, мне не хотелось бы столкнуться еще с одним небольшим сюрпризом, — пояснил брат Гаспар.

— В котором часу вы договорились встретиться? — сказал кардинал, взглянув на часы.

— В половине девятого.

— Они заедут за вами в гостиницу?

— Нет, мы назначили встречу в ресторане.

— Каком?

— Он называется «L'Eau Vive».

— Вы знаете этот ресторан?

— Нет.

— Это недалеко от Пантеона. Им управляют монахини-миссионерши, понимаете, все выдержано в фольклорном стиле, но будьте осторожны.

— Осторожен? Почему?

— По двум причинам: во-первых, потому, что этот ресторан можно считать подведомственным Хакеру, а во-вторых, потому, что эти монашенки никогда не дают сдачи, им нужно оставлять ровно столько, сколько вы должны. Остальное они считают чаевыми и прикармливают... Имея дело с миссионерами, люди обычно не очень настаивают на сдаче, разве не так?

— В этом смысле, ваше высокопреосвященство, можете не волноваться: у меня в карманах пусто. Кроме того, Хакер сказал, что приглашает меня.

— Он — приглашает? Хотел бы я посмотреть!

— Если он не заплатит, то я не знаю, как...

— А чего вы хотите? — прервал его Малама.

— Не знаю.

— Так вот, действуйте с оглядкой, брат Гаспар, и не выдавайте даже десятой части того, что вам известно. Он, несомненно, постарается выведать у вас все, что сможет. Если Хакер приглашает вас поужинать, значит, ему что-то от вас надо. Ни на миг не ослабляйте бдительности, и не дай Бог вам придет в голову сказать, что мы виделись. Если вы это сделаете... Все мы, не зная этого, находимся под неусыпным наблюдением Хакера. Это он вербует людей в войнство Сатаны. Возможно, вы ему приглянулись и он хочет привлечь и вас тоже. По правде говоря, мне бы не хотелось, чтобы вы шли.

— Обмануть его высокопреосвященство? Не знаю...

— Он сам частенько это проделывает: договаривается с кем-нибудь, что позвонит, пошлет сообщение — все что угодно, однако за данное слово никогда не отвечает.

— А его высокопреосвященство Ксиен Кван Мин?..

— Что Ксиен Кван Мин?

— Он тоже, да? — спросил брат Гаспар. — Он тоже попался в сети Хакера?

— Ну что вы! Он совсем другое дело. Просто он наполовину буддист или что-то вроде.

— Наполовину буддист? — растерянно переспросил брат Гаспар.

— Наполовину буддист, наполовину кришнаит — не знаю точно, я в этом плохо разбираюсь, но про него поговаривают, что он занимается восточной медитацией, йогой, тайчи — словом, всякой этой чертовщиной. Известно ли вам, что, используя эти методы, легко впасть в галлюцинации и шизофрению, иногда под воздействием наркотиков?

— Что же — ему не хватает простых молитв?

— Полагаю, что нет, вы же сами видели, — сказал Малама. — Дело в том, что он находится в состоянии постоянного транса, вы обратили внимание? Какая-то часть его всегда пребывает в мире ином. Он постоянно улыбается, как обезьянка. Смотрит на вещи отстраненно, не позволяя им влиять на себя: он — человек созерцательный, если не сказать боязливый. А уж коли он такой, то ни Хакер, ни Сатана нимало не заинтересованы в его

душе. Уверяю вас — если здание Церкви завтра рухнет, его высокопреосвященство Ксиен Кван Мин даже мизинцем не пошевелинет. Взаимодействие с действительностью его не интересует. У меня такое впечатление, что этот мир вообще абсолютно не интересует его. Для него все — ложь, обман, что-то вроде игры, которую он бесстрастно наблюдает.

— И, конечно, поэтому он предпочитает никогда не высказывать собственного мнения.

— Нет, не поэтому.

— Тогда почему?

— Никто точно не знает, почему Ксиен Кван Мин так неразговорчив или попросту всегда молчит. Официальная и вполне правдоподобная версия в том, что его пытали и, кажется, вырезали язык.

— Кто?

— Коммунисты.

— Коммунисты? Сукины дети!

— Да, эти чертовы сукины дети, это отродье Сатаны. Так или иначе, его высокопреосвященству повезло.

— Почему?

— Потому что, если бы он заговорил, Хакер отлучил бы его. Если бы вы знали, сколько людей было отлучено за последнее время! Ходят слухи, что у себя дома он поклоняется образу Будды. Повторяю, он большей частью пребывает в мире ином, словно уже умер. Наши муки и беды ему совершенно чужды. Думаю даже, что он над нами смеется. Да, вполне вероятно.

— Интересно, — только и нашелся что сказать брат Гаспар и объяснил, что всего несколько часов назад его подвергли допросу от лица Священной конгрегации по вопросам вероучения и адвокатом назначили именно его высокопреосвященство Ксиен Кван Мина.

— Адвокат без языка, да к тому же погруженный в восточную медитацию! Как он собирался защищать вас? Видите теперь, как ведут себя эти люди! Хитрецы!

Гаспар кивнул.

— Как вообще они осмелились подвергнуть вас допросу? Какие показания рассчитывали услышать?

Брат Гаспар максимально подробно изложил перипетии судилища: критику его книги, очную ставку с Кьярамонти и жалобы на него со стороны Государственного секретариата, равно как и бурную сцену в кабинете монсиньора по поводу брифинга о celibate. Под конец он упомянул о пастырском послании, которое ему было поручено составить и которое Папа собирался прочесть завтра на площади Святого Петра.

Его высокопреосвященство кардинал Эммануэль Малама впал в задумчивость и вдруг спросил:

— Вам не кажется — тут не пахнет лососиной?

— Лососиной? — сказал брат Гаспар, принохиваясь и делая вид, что не чувствует запаха балыка, но было ясно, что сандвичи так и не прижились у него в желудке. — Н-нет, ваше высокопреосвященство, вроде бы нет...

— Брат Гаспар, — прервал его Малама, — вам никогда не хотелось иметь детей?

— По правде говоря...

— Это потому, что вы недостаточно об этом думали, — снова прервал его кардинал.

— Возможно.

— Разрешите дать вам один совет: заведите детей.

— Но, ваше высокопреосвященство, я...

— Монах? Все это слова, брат Гаспар, слова, и только. Высшее обязательство перед жизнью — продолжение рода, это единственное, что мы наверняка знаем о Боге. Сейчас голова у меня занята другим, но несколько лет назад я пережил по этому поводу настоящий кризис: я сетовал, что у меня нет потомства и женщины, которая была бы рядом, когда придется умирать, никого, с кем я мог бы поделиться воспоминаниями, разделить тяжесть борьбы и радость победы, никого, кто разругался бы со мной из-за того, что я заляпал

скатерть или опрокинул тарелку с супом. Понимаете, что я имею в виду?

Брат Гаспар кивнул.

— Известно ли вам, почему Кардинальская коллегия постоянно муссирует тему celibата? Потому что Церкви прежде всего нужна абсолютная самоотдача ее служителей, а для этого они должны жить вдали от женщин, вдали от мира и вдали от жизни... Пусть трудятся только во имя Церкви, чтобы вся их чувственность, нежность, производительные силы (да-да, именно производительные силы), так же как и их воображение, полностью выплескивались только на нее... Каждый из наших стоит четырех-пяти, работающих на другое предприятие. Всего одиннадцать тысяч человек хлопочут о внутренних нуждах более чем миллиарда. Вы когда-нибудь задумывались, что это самая эффективная бюрократическая система в мире? Целибат предоставляет самую дешевую рабочую силу, к тому же самую послушную, самую сосредоточенную на себе, а для этого потребовалось свести к нулю любое участие женщин, всякое желание интимности, нежности, реальных отношений с другим человеком. От celibата с его лишением права оставлять наследство, что лишает жену или детей возможности воспользоваться капиталом покойного священника, в значительной степени зависит процветание Церкви. Целибат — великая уловка Церкви и один из секретов ее тысячелетнего успеха.

Когда кардинал Эммануэль Малама закончил свою пламенную речь, в глазах у него стояли слезы, а брат Гаспар был напуган, услышав столько глупостей разом.

— Но так было не всегда! — снова взорвался кардинал. — На протяжении первого тысячелетия целибат накладывался только на епископов! Блаженны те, кто познал человеческую любовь. Вам довелось познать ее, брат Гаспар?

Хотя и несколько застыдившись, Гаспар вынужден был признать это.

— И как она вам показалась?

— Честно?

— Конечно.

Брат Гаспар только возвел глаза.

— Конечно, — повторил кардинал.

На мгновение возникла пауза.

— И я представляю, — сказал его высокопреосвященство, — как вы, будучи таким молодым... кстати, сколько вам лет?

— Да уж скоро сорок.

— Я представляю, как временами... Ладно, чего уж, вы знаете, что я имею в виду.

Гаспар кивнул.

— И что вы делаете? Идете к девкам или у вас есть подружка?

— Нет, я утешаюсь сам.

Его высокопреосвященство бросил на Гаспара пронзительный взгляд.

— Я не погрешу против правды, ваше высокопреосвященство, если скажу, что по возможности стараюсь исправиться. Ведь в конечном счете что я такое? Ничтожество, а мирские удовольствия, столь сладостные, соблазняют и смущают нас. Больше всего я хочу смирения, хочу оставаться никем, но плоть моя слаба. Иисус знает это и поэтому каждый раз, когда... ну, вы понимаете, Иисус Христос такой добрый, что всякий раз прощает меня. Не будь это так, мне и в голову бы не пришло совершать столь тяжкий грех.

— Бесстыдник! — воскликнул Малама.

— Что?

— Оправдание ваше с душком, брат Гаспар.

Монах покраснел.

— О, женщины!.. — призывно воскликнул кардинал, и кто знает, какие сцены вновь переживал при этом облаченный в пурпурную мантию Эммануэль Малама, какая опустошительная буря чувств пронеслась у него внутри, как память впиалась в него своими акульными зубами, но в данном случае речь идет о воспоминаниях, которые, сознавая собственную незавершенность, способны лишь изрыгать желчь. — Вы нужны мне, брат

Гаспар, — внезапно сказал Малама. — Оставайтесь со мной, будем работать вместе, дадим решительный бой, вы и я... Вы и я против всех... Сейчас у меня нет секретаря. Хотите занять это место? Тогда оно ваше. Мне будет несложно проделать необходимые формальности, чтобы освободить вас от нынешних обязательств.

— Мне надо подумать, ваше высокопреосвященство.

— На раздумья нет времени, брат Гаспар: мы стремительно катимся в бездну. Не думайте, брат мой. Соглашайтесь.

Ситуация складывалась дьявольски запутанная: брат Гаспар Оливарес, будущий архиепископ Лусаки, Замбия, вдруг превращался в секретаря его высокопреосвященства Эммануэля Маламы, нынешнего архиепископа той же епархии.

— Так вы согласны или нет, брат Гаспар?

— Да, согласен, — ответил доминиканец, — но не могли бы вы дать мне задаток?

— Что?

— Я говорю, не могли бы вы, ваше высокопреосвященство, дать мне задаток. Кажется, я уже упоминал, что остался без гроша.

— Ничего удивительного; этот город стал невысказанно дорогим, к тому же он полон всякого рода обирал.

— Тысяча благодарностей, ваше высокопреосвященство.

Они снова замолчали, и брат Гаспар приготовился, что его высокопреосвященство начнет шарить по складкам кардинальской мантии, но этого не случилось.

— Само собой, ни один человеческий ум не в силах постичь замыслы Божий, уготованные Им для рода людского, но нам, вам и мне, брат Гаспар, дана власть давить гадин, так что помните об этом, когда будете встречаться с Хакером, и тогда, когда будете составлять порученное вам пастырское послание: говорите правду о том, что знаете, и не поддавайтесь соблазну слов. Чем суше слова, чем обнаженнее, тем эффективней они действуют. Помните о примере евангелистов: они всегда переходили прямо к сути и без обиняков и прикрас говорили то, что должны были сказать. Но...

— Да, ваше высокопреосвященство?

— Слова утратили всякую власть. В этом новом тысячелетии слова... В любом случае, либо я слишком глуп, либо дьяволу придется уступить, придется признать свое поражение. Кстати, разве в Писании не говорится о поверженном ангеле? Я, как уже говорил, человек слабый и запуганный, но я все еще готов начать последнюю битву, и для этой последней битвы мне нужны вы.

— Я?

— Вы кажетесь мне человеком цельным, брат Гаспар. Я вижу, что ваше сердце еще не развращено, потому и осмеливаюсь говорить с вами без ненужных обиняков. Знайте же, что в Ватикане существуют два легиона демонов, которые борются между собою и в то же время провозглашают себя слугами своего общего повелителя, Сатаны, то есть не кого иного, как Папы. Кажется, что Кьярамонти служит Хакеру, но на самом деле он служит самому себе, а больше всего в мире мечтает о том, чтобы воссесть на престол святого Петра; Хакер же, наоборот, предпочитает, чтобы старик прожил как можно дольше, и хочет подыскать ему преемника, которым можно манипулировать, как марионеткой; в действительности Хакер сильнее, чем Кьярамонти; только Папа располагает большей властью, чем Хакер. Если мы успеем вовремя убрать Папу, Хакер и Кьярамонти сожрут друг друга живьем и таким образом расчистят нам путь. Я рассчитываю на поддержку испанских, австралийских и новозеландских кардиналов, а также значительной части итальянских. Пророчества, которыми никогда не следует пренебрегать, говорят нам о чернокожем Папе. Многие верят в меня. Мне еще остается три или четыре года жизни, возможно, этого хватит, чтобы изменить все к лучшему, чтобы... В Писании говорится, что последние будут первыми... Возьмите, — добавил он, протягивая Гаспару пузырек с бесцветной жидкостью.

— Что это?

— Яд. Почти не оставляет следов в организме. Используйте его против Папы, ведь вы

имеете доступ к нему. Тут, по крайней мере, три дозы... Да хранит вас Бог в этой, последней битве, брат Гаспар! — сказал Малама, поднимая в знак благословения дрожащую руку. — Вы остаетесь один в славном и кровавом сражении, для которого приуготовил вас Иисус как возлюбленного сына Своего. Хочу еще раз напомнить вам, брат Гаспар, что худшие из бесов те, которые исповедуют Христа устами своими и противоречат Ему своими деяниями. Поэтому каждому следует спросить себя — уж не один ли он из них? Вы не из их числа, брат Гаспар? Нет, не отвечайте, ибо, только уединившись, душа может дать правдивый ответ.

Машина снова остановилась у ватиканской гостиницы.

— Ах да, я кое-что позабыл.

Малама засунул руку в складки своих одежд, и на мгновение брат Гаспар поверил, что эта щедрая и добрая, пусть и страдающая и безумная душа даст ему наконец аванс в счет будущей службы.

— Что это? — снова спросил он.

На ладони у него лежало нечто завернутое в лоскут красной материи. Это был не чек, а что-то вроде мощей — серая, пористая, окаменевшая косточка. «Возможно, — подумал брат Гаспар, — именно это имел в виду Папа, сказав, что в экономическом смысле католики — нигилисты».

— Чья она? Святого Петра? — спросил он, хорошенько рассмотрев косточку.

— О нет, только не святого Петра! Она принадлежала первому миссионеру, появившемуся в моей деревне. Мне было всего девять лет, но я уже принял участие в братской трапезе.

— В чем?

Шофер распахнул дверцу, и его высокопреосвященство сказал:

— До завтра, брат Гаспар. Подумайте обо всем, что я вам говорил, и не останавливайтесь, пока не найдете на всё ответы, сохраняйте чистоту и не падайте духом, и пусть Мвари, великий Мвари на небесах, просветит вас и дарует вам защиту и мужество.

Гаспар поцеловал кардинальский перстень и, выйдя из машины, услышал голос: «Трогай, трогай!»

«Мерседес» снова тронулся с места, и брат Гаспар еще долго махал рукой на прощанье, а в душе его эхом отдавался вопрос его высокопреосвященства: «Вы не из их числа, брат Гаспар?»

XII

Долг масс — принять поставленное над ними правление и смиренно исполнять приказы, отдаваемые правителями.

Пий X

Несмотря на предупреждения кардинала Маламы и царившее в душе смятение, брату Гаспару ни на минуту не пришло в голову бросить вызов Хакеру, не явившись на встречу, потому что, помимо естественного страха прогневать префекта Священной конгрегации, он не мог отрицать очевидной огромной важности, которую приобретала встреча и которая состояла в том, что ему сообщат в основных чертах содержание папского послания, которое он должен будет вручить Папе завтра утром. Однако эта новая встреча не сулила ничего хорошего, кроме разве возможности поужинать в соответствующей обстановке. Для пущего унижения, не говоря уже о том, что он остался без средств, ему пришлось идти пешком под дождем с зонтиком, который он купил пять или шесть дней назад у уличного торговца и который никуда не годился со всех точек зрения и не только из-за своих малых размеров, словно рассчитанных на карлика или ребенка, но также из-за предательской склонности спиц выворачиваться под частыми порывами ветра, бушевавшего на улицах Вечного города. Так или иначе, бедняга Гаспар явился в ресторан без четверти девять, иными словами, непрослительно опоздав на пятнадцать минут, и, с естественным

беспокойством понимая, что его ждет наиболее могущественный из кардиналов, он поспешил спросить о нем у монахини-индианки, которая ошарашила его, в свою очередь спросив, не он ли, случаем, брат Гаспар Оливарес, что монах признал с немалой тревогой, опасаясь, что Хакер, придя в нетерпение, отменил встречу, однако, к его удивлению, оказалось, что монахиня всего лишь хотела, чтобы он оставил свой автограф в книге для почетных посетителей. Брат Гаспар ответил, что, положив руку на сердце, она, несомненно, его переоценивает: никакой он не почетный, а всего лишь вымокший до костей бедный грешник.

— И поэтому, будьте добры, первым делом проводите меня к его высокопреосвященству Джозефу Хакеру. Или он уже ушел?

— Следуйте за мной, — ответила монахиня и легкой рысцой проводила Гаспара к подножию узкой лестницы. — Ступайте первым, — добавила она с улыбкой.

Весьма любопытно, что его высокопреосвященство кардинал Хакер и брат Гаспар снова столкнулись на лестнице — той, что вела в верхний зал и кабинеты, — хотя на сей раз доминиканец поднимался, а его высокопреосвященство спускался.

— Ваше высокопреосвященство, — сказал Гаспар, ловя руку кардинала, в то время как тот, махнув ею перед глазами обеспокоенного монаха, спрятал ее за спиной, — жест, который бедняга Гаспар истолковал как доказательство того, что кардинал рассержен его непунктуальностью.

— Ваше высокопреосвященство, — робко, однако не переставая улыбаться, вмешалась монахиня, — вам не пришелся по вкусу кабинет? Вы предпочитаете ужинать в главном зале? — Хакер чуть кивнул. — Как будет угодно вашему высокопреосвященству, — сказала монахиня, повернув вниз.

Она указала им столик, пока другая монахиня отодвигала кресло сначала для Хакера, а затем для брата Гаспара, и через мгновение каждому вручили меню. Его высокопреосвященство, водрузив на нос очки, заказал *soupe à l'oignon gratinée* и *gigot d'agneau aromatisé aux fruits secs*.¹⁴

— А вы что возьмете? — спросила монахиня.

— *Salade aux avocats*,¹⁵ а на второе... Погодите-ка, дайте посмотреть... Всегда так трудно принимать решения. Конечно, если человек привык все время есть примерно одно и то же... Итак, посмотрим... *Langouste au Champagne-Ritz*.¹⁶ Или это слишком дорого? Нет? Можно? — И, так как Хакер молчал, Гаспар почел за лучшее сделать выбор сам: — Ладно, день на день не приходится. Так что пусть так и будет... *langouste au Champagne-Ritz*, да, *langouste au Champagne-Ritz*.

— Какое ужасное произношение, — почти неслышно, словно разговаривая сам с собой, прошептал кардинал Хакер, в равной мере удивленный и ошарашенный. И, взглянув на монахиню, снова вмешался и произнес с аристократической властью: — И принесите нам бутылку бургундского девяносто шестого года.

Было бы лучше не извиняться, но брат Гаспар не учел этого.

— Я очень сожалею о своем опоздании, ваше высокопреосвященство, — шепотом сказал брат Гаспар, едва монахиня удалилась за заказом. — У меня выдался один из самых беспокойных вечеров в жизни, хотя я прекрасно понимаю, что это не оправдание.

— Разумеется, нет, — сухо и словно не придавая этому особого значения, ответил Хакер, хотя брат Гаспар почувствовал его раздражение и сознавал, что рано или поздно тем или иным способом кардинал найдет способ поквитаться за нанесенное оскорбление. — Как

¹⁴ Луковый суп с тертым сыром, жаркое из барашка с соусом из сухофруктов (*фр.*).

¹⁵ Салат из авокадо (*фр.*).

¹⁶ Лангуст в шампанском (*фр.*).

подвигается пастырское послание? — спросил Хакер, посмотрев на часы.

Брат Гаспар сделал жест, дававший понять, что работа даже еще не начата.

— Весь в ожидании рекомендаций Священной конгрегации, — сказал он.

Хакер выслушал эти слова с легким одобрением, сопровождавшимся не менее неумолимой улыбкой.

Всего лишь три столика в зале были заняты: один — двумя супружескими парами; другой — старым и седым священником в компании чернокожего юноши-семинариста и наконец третий — группой веселых старцев. Все они, само собой, узнали его высокопреосвященство Джозефа Хакера и выразили нечто вроде прочувствованного почтения его персоне.

— Вы так простудитесь, — сказал его высокопреосвященство. — Сестра, — добавил он, приподнимая указательный палец, — не найдется ли у вас полотенца для этого монаха? А то он, чего доброго, скончается от воспаления легких. Сделайте милость, выпитесь, иначе мне будет казаться, что я ужинаю со святым Франциском Ассизским.

Брат Гаспар встал как сомнамбула и позволил монахине отвести себя в уборную. Жар и лихорадочный озноб уже взяли его в свои клещи.

Вновь усевшись за стол, он обратил внимание, что свет в зале притушен и сестры — каждая из которых представляла свою расу и была облачена в соответствующий наряд — зажгли свечи и расположились в стратегически важных пунктах, словно ожидая чего-то; чувствовалось, что Хакер и остальные присутствовавшие тоже пребывают в состоянии церемониального ожидания. На тарелке перед братом Гаспаром лежал лазурно-голубой листок бумаги с черной каемкой по краям и изображениями полевых цветов и падающих звезд. Монах взял его: это были слова гимна в честь Богородицы Лурдской. Он заметил, что принимавшая его монахиня-индианка нажала кнопку «воспроизведение» на кассетном магнитофоне, и с первыми же звуками музыки монахини, двигаясь с величайшей осторожностью, закуружились в не совсем складном танце под раздающееся с пленки пение:

Vierge Sainte, Dieu t'a choisie,
Depuis toute éternité,
Pour nous donner Son Fils Bien-Aimé
Pleine de grâce, nous t'acclamons:
Ave, ave, ave Maria...¹⁷

Сестры преклоняли колена, возводили глаза и поднимали свечи к небесам, а затем вставали, вращали свечи перед лицами клиентов или выделявали па, значение которых было не совсем понятно, и возвращались в молитвенную позу — точь-в-точь святая Тереза, освещенная тонким лучом света, в изображении Бернини. Однако ужинавшие следили за загадочными движениями с величайшим вниманием, а некоторые даже — как, например, старик священник и семинарист — присоединялись к сестрам, вполголоса им подпевая, иначе их пение неизбежно бы стихло без соответствующей технической поддержки.

Tu demeures près de nos vies
Nos misères et nos espoirs,
Pour que la joie remplisse nos cœurs,
Pleine de grâce, nous t'acclamons:

¹⁷ Дева Пресвятая, тебя избрал Господь
На веки вечные,
Дабы дать нам Своего возлюбленного Сына,
Благодатная, к тебе зываем:
Аве, аве, аве Мария... (фр.)

Настаиваю: координация движений танцующих оставляла желать много лучшего, и, по правде говоря, они не совсем четко соблюдали ритм. Они выглядели немного скованными, деревянными, как будто им не хватило нескольких часов репетиций. Они смотрели на клиентов, а затем искоса переглядывались, улыбались и казались немного пристыженными, как школьницы на выпускном балу. Брат Гаспар пребывал в некоторой растерянности, хотя изо всех сил старался казаться невозмутимым. Последнюю часть гимна они пропели, взявшись за руки, и кокетливо прошли между столиками, улыбаясь глазами, словно только что разыграли своих клиентов. Бедняга Гаспар глазам своим не верил.

Exultez, soyez dans la joie:
Dieu attend tous ses amis
Dans son Royaume, Il les comblera
Auprès de Lui, pour l'Eternité.
Ave, ave, ave Maria... 19

Когда представление закончилось, он увидел, что все вокруг, включая Хакера, аплодируют, и Гаспар последовал общему примеру; монахини приветствовали публику с непритворной робостью, снова зажгли свет, и ресторан обрел свой обычный вид.

— Вы еще никогда не видели эту комедию? — спросил кардинал.

Гаспар отрицательно покачал головой.

Очень скоро подали салат из авокадо для Гаспара и суп — кардиналу. В эти первые мгновения тяжкий груз молчания лег на обоих, по крайней мере на Гаспара; однако, памятуя совет его высокопреосвященства Эммануэля Маламы, он держался осторожно и не торопился с выводами. Кроме того, монах считал, что ему не подобает заговаривать первым: ведь разве не Хакер вызвал его на эту встречу и разве поводом для нее не служило содержание порученного ему пастырского послания? Поэтому брат Гаспар с нетерпением ожидал, что его высокопреосвященство заговорит первым, а сам помалкивал.

Когда убрали посуду, его высокопреосвященство неопределенным жестом указал на ужинавших за одним из столиков и наклонился к бедняге Гаспару, словно намереваясь сделать ему доверительное признание.

— Посмотрите вон на тех, за тем столиком. Кто они?

Брат Гаспар посмотрел: это были две молодые супружеские пары, и по одежде их можно было принять за туристов, очарованных пребыванием в такой средоточии духовной жизни.

— А что такое? — спросил заинтригованный монах.

— Кто они?

— То есть?

— Американцы? Или ирландцы? — Хакер с необычной пристальностью всматривался

18 Ты вечно пребываешь рядом с нами,
С нашими горестями и надеждами,
Чтобы радостью наполнились наши сердца,
Благодатная, к тебе зываем:
Аве, аве, аве Мария... (фр.)

19 Ликуйте, пребывайте в радости:
Господь ожидает всех друзей Своих
В Царствие Своем, где щедро одарит их,
И навеки оставит подле Себя.
Аве, аве, аве Мария... (фр.)

в молодые пары и явно прислушивался, стараясь определить акцент, с которым они говорили. — А вам как кажется? Да, похожи на американцев, — в конце концов авторитетно заявил он. — Ах, американцы! Как мне их жаль!

— Почему? — спросил брат Гаспар.

— Какие у них некрасивые женщины! Поглядите на эту, с черным ежиком. Ну и пугало! Сочувствую ее молодому супругу, — сказал Хакер и с улыбкой добавил: — Она могла бы быть в числе ваших клиенток, правда? Да, она вполне может сойти за одержимую. А вам как кажется? Что вы все молчите? Вы ведь у нас специалист, брат Гаспар. Не разочаровывайте нас, давайте рискните, выскажите свое мнение! Как вам кажется, она одержима? Разве не похоже, что у нее вот-вот выступит пена изо рта и она начнет изрыгать гвозди? — Это, кстати говоря, было дословной ссылкой на одно место из книги брата Гаспара. — Потому что иногда одержимые изрыгают гвозди. Разве не так, брат Гаспар? — И он снова неохотно и натянуто рассмеялся. — Какая чушь! — сказал он в конце концов. — Разве такое бывает?

И снова оба замолчали. Доминиканец не знал, что думать, кроме того, что своими циничными замечаниями его высокопреосвященство заставлял его дорого расплачиваться за проявленную непунктуальность, и, несмотря ни на что, не мог не оценить присущий Хакеру особый магнетизм и опустошающую внутреннюю силу. Так или иначе, самым поразительным в его высокопреосвященстве было изначально присущее ему неотвязное одиночество. Они сидели рядом, и однако брат Гаспар чувствовал, что его здесь как бы и нет. Да, кардинал смотрел на него, но без всякого любопытства, словно наизусть знал его душу и мог безошибочно предсказать все его слова и мысли; да, он выслушивал доминиканца, но без всяческого доверия, хотя и не давал почувствовать своей недоверчивости, из чего следовало, что с него достаточно беспрекословного подчинения. Он витал где-то так далеко, что становилось понятно: никто ничего не значил ни для этого человека, ни для его Церкви. Или, по крайней мере, так казалось бедняге Гаспару.

— Превосходное бургундское, — сказал он, чтобы хоть что-нибудь сказать.

И снова воцарилось молчание, и брат Гаспар понял, что — была не была — он должен сделать что-то, чтобы разрядить обстановку.

— Позвольте поздравить вас с выбором такого вина, — сказал он, но даже эта лесть не возымела действия.

Им подали второе: отбивную с кровью, на которую кардинал все равно посмотрел скептически, и лангуста, который своими размерами превосходил все мыслимые пределы — точь-в-точь инопланетянин, плавающий в розовом соусе. Брат Гаспар налил вина сначала Хакеру, потом себе.

— Заказать еще, ваше высокопреосвященство?

Хакер согласился, что, впрочем, внешне никак не выразилось: он только чуть приподнял ладонь над столом и взглядом попросил принести еще вина, которое и было им тут же подано. К счастью, салат благотворно подействовал на желудок брата Гаспара, и он уже изготовился попробовать впечатляющего моллюска.

— Впервые в жизни пробую лангустов, ваше высокопреосвященство, — сказал он. — Вам, человеку светскому, это, наверное, покажется невероятным. Даже не знаю, как к нему приступить. Откуда начинать? А это что? — добавил он, потрясая чем-то похожим на клещи, положенные на тарелку. — Это что, действительно нужно? Я ведь только собираюсь его съесть, а не оперировать. Разве эта штукавина не похожа на хирургический инструмент? Посмотрим, откуда же все-таки начать, — сказал он и шутовски попробовал отщипнуть кусочек морского обитателя. — Я правильно делаю? Думаю, он съедобный. А сколько у него всяких усиков и отростков! Это нормально? Да, воистину удивительное это создание — лангуст. Я всегда говорю: Бог проявляет себя даже в своей мельчайшей твари.

Снова воцарилось молчание, и брат Гаспар не знал, как ему вести себя ни с лангутом, ни с Хакером: как воспользоваться клещами и какую тему для разговора еще придумать.

— Где вы собираетесь провести Рождество, ваше высокопреосвященство? — спросил

он.

Хакер вновь посмотрел на него без всякого выражения и сосредоточился на своей тарелке, методично отрезая кусочки кровоточащего мяса. Брату Гаспару почудилось, что филе вот-вот оживет; от жара все у него в голове начало путаться.

— Я думал провести его вместе с матерью, — сообщил он.

Хакер был погружен в сдержанное негодование, и провоцировал в нем это ледяное и утонченное чувство весь мир в целом и Гаспар в частности. Он обвинял изысканно, не шевельнув и мускулом лица, застывшего, словно на нем была стальная маска, но, несмотря на все это, брат Гаспар понимал, что его высокопреосвященство знает то, чего не знает он, может то, чего он не может, что его высокопреосвященство с Богом, а он — нет, что тысяча световых лет отделяет Хакера от этой вши, которую он теперь разглядывает с чуть заметным любопытством.

Хакер отрезал еще кусочек, положил его в рот и, пережевывая, спросил:

— Вы ведь нас презираете, не так ли, брат Гаспар?

Брата Гаспара как молнией ударило. Хакер, напротив, поднес бокал к губам и стал смаковать вино с важным видом знатока. Потом снова сосредоточился на мясе и, выковыривая жилку и откладывая ее на край блюда, сказал:

— Бога ради, кем вы себя возомнили? Святым Франциском Ассизским?

— Я... — начал было бедняга Гаспар.

— Молчите! — прервал его Хакер. — Что вам наговорил про нас его высокопреосвященство Эммануэль Малама? Ведь вы встречались с ним, не так ли? Вы что, не знаете, что этот человек затаил злобу на всех и вся? Подобные знакомства далеко вас заведут и оставят о нас лишь смутные и извращенные впечатления. Сначала вы заводите шуры-муры с монсиньором Лучано Ванини, потом вдруг оказываетесь на короткой ноге с самим Папой, и вот теперь — кардинал Малама. Дальше в лес — больше дров. Знаете, что я думаю? Я думаю, что вы не умеете выбирать знакомых. И вот еще что. Вы не сознаете ответственности, которая лежит на наших плечах... Знали бы вы, с каким тяжелым чувством я каждый раз завожу дело, когда предчувствую, что оно наверняка закончится рядом церковных санкций, среди которых вполне возможно отлучение... И что я извлекаю из этого для себя? Ничего, брат Гаспар, ровным счетом ничего: множество врагов, злонамеренные слухи и насмешливые упреки в непомерном цинизме, которые чаще, чем мне хотелось бы, выплескиваются на страницы прессы, не говоря уже о том, что я превратился в мишень для либеральных обозревателей и пользующихся уважением интеллигентов-атеистов, что, как бы парадоксально это ни прозвучало, практически лишает меня надежд на папский престол — заветную, пугающую мечту всех кардиналов.

— Все в порядке? — спросила совсем некстати подошедшая монахиня-индианка.

Хакер кивнул, но дал понять, что обсуждает дела, не нуждающиеся в ее вмешательстве, ввиду чего монахиня стремительно упорхнула.

— Но я принимаю эту ответственность, брат Гаспар, — продолжал Хакер, — принимаю ее, несмотря на то что знаю, что подготовлен лучше, чем большинство из тех, кто по своей склонности к неуместному смирению (что, по сути, есть не что иное, как ханжество) мог бы воссесть на престол святого Петра. Мне, брат Гаспар, достался самый тяжелый крест: быть карающей рукой. Неужели это может нравиться? Нет, это не нравится мне. Наше Священное судилище видело, как плачут мужчины всех родов и званий, мужчины, которые, возможно, стоят гораздо больше, чем их обвинитель: дальновиднейшие богословы, генералы больших и малых орденов, какой-нибудь строптивый кардинал, в своем правдоискательстве перешедший все границы, или невежественные, но добросердечные и честные в своих устремлениях монахи, вроде вас, короче говоря, мужчины, стоившие больше меня, но которых я тем не менее должен был отлучить от лона нашей Церкви. Вы провели жизнь, витая в облаках: восхищенные то каким-нибудь цветочком, то самим Святым Духом, обливаясь холодной водой, вставая на заре, регулярно молясь, питаясь овощами, заглушая своекорыстные интересы, равнодушно взирая на все мирские желания, умерщвляя

плоть и изгоняя всяческую чувственность, чтобы там, в самой глубине, соприкоснуться с духом; наконец, обретая награду в более или менее мистических переживаниях, и всякое такое. Но вы искали в нашей Церкви только собственной пользы, собственной выгоды и даже собственного удовольствия. Подлинное самопожертвование вам неведомо. Неужели вы и вправду думаете, что это так увлекательно день-деньской таскаться с документами, подготавливая конференцию для кучки каких-нибудь педантов, помогая состоящим при Папе богословам, читая с лупой заявления и тезисы темных лошадок нашей Церкви? Думаете, это интересно? А вам не приходило в голову, что я не задумываясь предпочел бы выращивать салат и считать единственной битвой битву за спасение своей души и за то, чтобы накормить всех голодающих на свете? Вы, мистики, можете быть неуступчивыми и склонными к преувеличениям, насколько пожелаете; нам же, напротив, приходится взвешивать и соизмерять самих себя и всех остальных. Вы можете посыпать главу пеплом, сомневаться, впадать в депрессию, молиться, терять веру, возвращаться к ней, отчаиваться и даже закрутить романчик на стороне. Мы — нет. Мы постоянно должны быть прагматиками. Сражаться с этим миром осторожно и дипломатично, но и с подобающей жесткостью. Держать в узде земные власти, выступать на международной арене, якшаться с проходимцами всех мастей и стараться перехитрить их. По возможности мягко, но не давая им передышки и не уступая ни пяди своей территории. Мистицизм, брат Гаспар, жалкая штука по сравнению с работой по руководству Церковью. На самом деле вы совершенно бесполезны для воинства Христова. Естественно, есть исключения, которые делают честь вашему племени: мужчины и женщины, которые не только чувствовали Бога, но и сумели выразить это таким образом, что даже атеисты и умники, которых, тем не менее, мучает сознание собственной греховности, с почтением внимали их слову: святой Хуан де ла Крус, святая Тереза, Мертон, Экхарт, но вы? Боже мой, брат Гаспар! Неужели вы не отдаете себе отчета, что совершенно бесталанны? Что ваши книги полны прописных истин? Скажу вам по правде, брат Гаспар, прекращайте писать. Это дружеский совет. А мистик, который не пишет ни строчки, не сочинительствует и никаким другим образом неспособен живо передать нам свои видения, облечь их плотью, разыграть с их помощью яркое представление — кто он как не онанист, совершенно изолированный, а стало быть, совершенно бесполезный для предначертанной нам миссии: крепить здание Церкви Христовой до конца времен? Послушайте, брат Гаспар, дьявол, каким вы его рисуете, не более чем нелепый опереточный персонаж. Дьявол не проявляет себя в этих истеричках из низших слоев (признайтесь, что ваши клиентки всегда лыком шиты), которые судорогами и пеной у рта стараются завладеть вниманием своей общины. Естественно, мы пытались извлечь из этой проблемы свою выгоду, однако полагаю несомненным, что все эти одержимые не более чем мужчины и женщины (почти всегда — женщины, которые чаще мужчин склонны к истерии), пожелавшие стать лучше, чем им позволял их природный склад. У этих щегольков и этих дур можно обнаружить определенные нервные расстройства, но никаких бесов и демонов, и вы это знаете так же хорошо, как я, или, по крайней мере, должны были бы знать.

— Ваше высокопреосвященство желает что-нибудь на десерт? — спросила, робко приблизившись, монахиня-индианка. — Caffè coretto al Kirsh?²⁰

Хакер кивнул.

— А вы?

— То же самое, — сказал Гаспар.

— Поймите: если католической церкви придет конец, вселенная распадется. Нам удалось протянуть нити, соединяющие землю и потусторонний мир. Последнюю великую битву мы развязали, чтобы покончить с коммунизмом. Начиная с Пия Одиннадцатого, который провозгласил отлучение всех христиан, состоящих в коммунистических организациях, до Иоанна Павла Второго, который нашел необходимые нам международные

²⁰ Кофе с вишневым ликером (итал.).

связи, прошло немногим более полувека. Пятидесяти лет хватило, чтобы низвергнуть вражескую систему, которая хотя и завоевала больше половины мира, но ничего не могла поделаться с государством, занимающим сорок четыре гектара земли и охраняемым одним лишь Божественным Глаголом. Разве вы не горды тем, что принадлежите к такой организации, как наша. Мы лучшие продавцы слов в мире, потому что наши слова не только слова: наши слова превращаются в действия, которые мир вынужден принять, чтобы спастись. На протяжении двух тысячелетий нас было двенадцать; теперь же, напротив, нас более миллиарда, то есть почти четвертая часть населения мира. Было бы нелепо отрицать, что в стенах старого здания появились трещины, но фундамент может выдержать еще семь раз по два тысячелетия. Мы завоевали время, пространство и историю. Хотелось бы вам остаться с нами? Делайте хорошо вашу работу, и я обещаю вам пост, причем такой пост, начав с которого вы с легкостью будете подниматься все выше и выше, пост, который позволит вам выдвинуться в первый ряд борцов за развитие Божественной воли. Хотите? Оставайтесь с нами до конца времен. Наше вознаграждение — вечность. Что скажете?

Брат Гаспар вытер пот со лба салфеткой и кивнул.

Хакер, явно довольный, вынул из портфеля папку и протянул ее Гаспару.

— Что это? — спросил тот.

— Рекомендации Священной конгрегации относительно пунктов, которые должны фигурировать в завтрашнем пастырском послании. Даже не столько рекомендации, сколько указания. Здесь вы найдете также различные примеры, которые можете взять за образец. Мы хотим облегчить вашу работу. Не хотите меня поблагодарить? У вас утомленный вид, брат мой.

— Да, я устал, — ответил монах.

— Вы вспотели. У вас жар?

— Думаю, да, ваше высокопреосвященство.

— Два *caffè coretto al Kirsh*, — сказала монахиня, ставя перед ними кофе.

Возможно, нравственность префекта Священной конгрегации по вопросам вероучения, равно как и его махинации, направленные на умирение диссидентства, и заслуживали некоторого упрека, но никто не стал бы отрицать, что он из кожи вон лез, чтобы справиться со своей задачей, которая состояла в том, чтобы сохранить чистоту вероучения в расскандалившемся курятнике, населенном миллиардом католиков, рассуждавших каждый по-своему и, кроме того, бывших анимистами, буддистами, индуистами, пантеистами и даже поклонниками культа вуду и черной магии. Заставить их мыслить единообразно было, таким образом, почти сверхчеловеческой задачей. От Хакера зависели ни много ни мало термины и формулы истины, данной в откровении, но он сознательно приносил себя в жертву: быть префектом Священной конгрегации по вопросам вероучения — не шутки.

К концу этой беседы брату Гаспару стало ясно, что Церковь будет непобедима, пока в ней существуют люди, подобные Хакеру, бюрократические толкователи слова Божиего, холодные, хитрые, безупречные, самоотверженные и лишенные сердца.

XIII

Будьте воздержанны и бдительны, ибо враг наш, Дьявол, ходит вокруг вас, подобно льву рыкающему, ища, кого бы пожрать.

Святой Петр

Вернувшись в гостиницу, брат Гаспар тотчас почувствовал, как и следовало предположить, что съеденный лангуст дорого ему обошелся, хотя, возможно, обильный розовый соус, в котором он был подан, тоже способствовал острому отравлению, два наиболее очевидных симптома которого заключались в жесточайших коликах то тут, то там и в отвратительном чувстве во рту и желудке, провоцировавшем безрезультатные позывы к рвоте.

Каково же было его горестное изумление, когда в довершение всего он обнаружил своего секретаря монсиньора Лучано Ванини в неподобающем виде в своей собственной постели.

— Лучано, — сказал разъяренный Гаспар и довольно резко потряс его за плечо, — просыпайся, я вернулся. Что все это значит?

— Что? — спросонья пробормотал Лучано.

— Говорю, я вернулся. Что ты делаешь здесь, в моей постели?

Но это наглое ничтожество никак не хотело просыпаться.

— Лучано, вставай, — приказал Гаспар. — Ты что, не видел, что тебе принесли отдельную кровать?

Так или иначе, монаху пришлось серьезно призадуматься над возможностью вытащить монсиньора из кровати, а затем и из номера, даже если бы для этого пришлось применить грубую силу.

На стуле он увидел аккуратно разложенную во всю длину его сутану со сложенным вдвое пурпурным поясом, при виде которых брату Гаспару непросто было осознать, что такой грешный человек осмеливается одеваться с таким вызывающим достоинством, с каким он это делал. Гаспар повернулся к Лучано, стараясь по возможности смирить охвативший его гнев, и сказал веско и властно, опираясь на многочисленные и скандальные доказательства того, что поведение монсиньора отнюдь не соответствовало его сану:

— Лень ни в коем случае не может считаться добродетелью, но, когда речь идет о монсиньоре, она абсолютно недопустима. Будь добр, перестань прикидываться и немедленно выбирайся из этой кровати, которая уж точно не твоя.

Хотя Лучано не замедлил открыть свои злодейские голубые глазки и посмотреть на него — по крайней мере вначале, — словно не видя брата Гаспара и не понимая, что он тут делает, хотя все было ровно наоборот, он тут же снова закрыл их, перевернулся на бок и с головой укрывшись одеялом.

— Чертов монсиньор, — сказал ему Гаспар в порыве гнева, — гнойный нарыв на теле Церкви, пиявка, сосущая кровь Ватикана, ты не заслуживаешь этой сутаны, прикрываясь которой разгуливаешь по святым местам!

Брат Гаспар дождался ответа, но ответа не последовало. Несмотря на суровые слова монаха, монсиньор Лучано Ванини продолжал дремать мирно, как ребенок.

Положение монаха — смиренного слуги Господа — было более чем деликатным, так как, помимо проблем, которые продолжал создавать непредсказуемый монсиньор Лучано Ванини, куда более важная задача привлекала его внимание: изучить указания, которые передал ему кардинал Хакер, чтобы помочь в составлении папского послания, которое не отклонялось бы от линии ведомства, хранившего термины и формулы данной в откровении истины. Поэтому он решил смириться с узурпацией своего ложа. Его ожидала тяжелая работа. В конечном счете он даже был почти уверен, что в эту ночь ему не удастся сомкнуть глаз. Завтра, успокоившись, он без обиняков и без отлагательств переговорит с монсиньором и откажется от его услуг, прикрываясь любым из тысячи аргументов, которые были в его распоряжении, хотя бы это и предполагало неповиновение Римскому Первосвященнику.

Если бедняге Гаспару и удалось продраться сквозь хитросплетения документальной эквилибристики, то только с великим трудом и самопожертвованием, так как, помимо неопикуемых мучений, которые доставлял ему не желающий перевариваться лангуст, язык документов был бесстрастным и местами темным, почему у него и ушло не менее двух часов на то, чтобы докопаться до их приблизительного смысла.

Хотя был уже почти час ночи, он решился позвонить Хакеру, чтобы удостовериться в том, что его толкование документов правильно.

— При всем моем уважении, ваше высокопреосвященство, я ожидал, что указания Священной конгрегации наведут меня на след содержания, которое мне надлежит охватить в папском послании, но, похоже, документы намекают на то, что содержания мне вообще

следует избежать.

— Так оно и есть, брат Гаспар.

— Но, ваше высокопреосвященство... Как же это возможно?

— Среди документов, которые я вам передал, есть парочка особенно загадочных энциклик. Возьмите их за образец.

— Ах вот... — вновь отозвался брат Гаспар. — Простите, но я так и не понял, какой тип пастырского послания я должен...

— По возможности, наименее компрометирующий, — прервал его кардинал. — Сделайте смесь или, если вы в настроении, можете углубиться в другие темы.

— Какие темы?

— Сгодится все, чтобы выйти из положения. В конце концов, что еще нужно?

Выслушивая подобные заявления, брат Гаспар почувствовал, что у него голова идет кругом. В довершение всего лангуст снова дал знать о себе.

— Значит, — сказал брат Гаспар, все еще не веря в то, что слышит, — значит, все равно? Я имею в виду, что все равно, какой материал следует использовать в пастырском послании?

— Конечно, все равно. Речь идет о пастырском послании бесстрастном и непонятном, как, впрочем, всегда было принято, так что я не понимаю, почему вы не перестаете удивляться моим словам. Или вы хотите сказать, что мы когда-либо отличались ясностью нашей аргументации?

— И какова же, — задал вполне логичный вопрос бедняга Гаспар, — цель подобного пастырского послания?

— Так вам до сих пор не ясно? Оценив сложившееся положение, мы пришли к выводу, что лучше, чтобы было понятно, что ничего не понятно. Не верите? Надо сбить с толку средства массовой информации, заставить их думать, что ничего серьезного не происходит. Послушайте, вы когда-нибудь дадите мне отдохнуть? Или хотите, чтобы я сам за вас все написал?

Гаспар повесил трубку, так и не разрешив сомнений, которые заставили его позвонить кардиналу. Бедняга чувствовал, что у него жар, усугублявшийся уже упоминавшимся кожным зудом и мучительно переваривавшимся проклятым лангутом. Нет, никогда в жизни он больше не станет их есть. Слишком много отrostков.

С невыразимым отвращением он снова углубился в чтение папских энциклик, чтобы проникнуться языком, интонациями и стилем понтификов, а затем решил, что настал момент приступить к составлению послания, которое завтра радио разнесет по всему земному шару. Это бы еще ничего, но, к сожалению, в задачу брата Гаспара входило сочинить послание, которое не имело бы никакого отношения к реальному человеку из плоти и крови, рассуждать о сложных и запутанных богословских вопросах и напустить туману так, чтобы тот загадочным облаком проплыл перед глазами толпы верующих, которые, несомненно, стоит лишь начаться речи, примутся думать совсем о другом или, кто знает, дремать... К примеру, он вдруг задался вопросом, была ли Богородица неотъемлемой частью божества или всего лишь связующим звеном? Боже мой! Как все было по-мирски, поверхностно и лживо!

У меня едва хватает слов объяснить, как чувствовал себя бедняга Гаспар: он чувствовал себя бесчувственным и лишенным веры; опустошенным, грязным и безлюбим; он чувствовал себя чем-то внешним и нелепым по отношению к божественному творению: винтиком в механизме, задуманном сумасшедшим или идиотом; он чувствовал себя чуждым собственному прошлому и свершившимся выборам; он чувствовал себя лишенным привязанностей, беззащитным и бездушным, особенно когда жар заставлял его читать не слова, значившиеся на бумаге, а существовавшие только в отравленном воображении несчастного доминиканца: обращения к Сатане, чудовищные богохульства и нечистые мысли, подписанные префектом Священной конгрегации Джозефом Хакером; его бросало то в жар, то в холод, и он то, дрожа, укутывался одеялом, то скидывал его, чувствуя, что

обливается потом.

«Спасения нет, нет...» — начал было писать он.

Поначалу бедный монах чувствовал себя в замешательстве, но уже через мгновение его пальцы начали снова тыкаться в клавиатуру, и слова стали возникать произвольно, сами по себе: «Возлюби свои собственные пути, а не пути Божии, возлюби свободу беглеца... Аз есмь Сатана». «Аз есмь Сатана», — и трепет охватил его, когда он перечитал эти слова и понял, кто находится рядом с ним.

— Аз есмь Сатана, — прошептал он.

— Ты звал меня, и вот я явился.

Кто лучше меня, кто лучше меня сможет помочь тебе, бедный Гаспар?

Ах, бедный Гаспар, но чего же ты хочешь? Спасения?

Спасения нет, и это очевидно. Бедный Гаспар, ты смотришь, но глаза твои слепы.

Сжался надо мной, старик, ибо я тоже страдаю.

Сжался надо мной, сжался надо мной.

Я пытаюсь понять, Гаспар, воистину пытаюсь, пытаюсь понять мысли Божии и пытаюсь также, чтобы и остальные их поняли, но никто не понимает, разумеется, никому не интересно понять, они предпочитают не понимать, ведь пойми они, ах, бедный Гаспар, если бы они только поняли... Если бы они только поняли, то впали бы в эпилепсию и вошли в церкви, чтобы расстрелять деревянных, бронзовых, серебряных и золотых Христов; пойми они только, и они уже больше не стали бы прислушиваться к Старику, пойми они, и они бросили бы его в Тибр голым или во всем одеянии, но они бросили бы его, а вслед за ним тиару, облатки, распятия, статуи пап и эти дерьмовые картины, которые прославляют и освящают кормчего. Самое поразительное из всего, дорогой Гаспар, что это они — идиоты, блаженные, юродивые, униженные, больные, подонки и отбросы общества, мучимые собственными бедами, старики, брошенные своим потомством, как твоя мать, — именно они готовы обмочиться при одном только виде Папы, а самое поразительное из всего самого поразительного то, что никакие аргументы и доводы никого не убеждают, ибо во всех них жива так называемая вера, иными словами, у них застит глаза, когда Старик выходит, весь важный и расфуфыренный, в драгоценных одеждах, напичканный самыми хитрыми лекарствами на земле, выходит прочесть непонятные, написанные за него другими слова, но Старик этот не просто Старик, а Старик, представляющий всех стариков на свете, всю эту гниль, которую я ненавижу, ибо я молод, ибо в дьяволе, несмотря на всех продажных ватиканских художников, есть это — дьявол молод и прекрасен, и вот вам ловкость рук, фокус-покус: всемирный порядок и благосостояние, которые держатся на тех же гвоздях, которыми был распят Христос, самых прочных и долговечных гвоздях, выкованных в мире ином, и я облапошен, облапошен, ибо мои естественные союзники, вся эта шайка эксплуатируемых, голодных и вишивых нищих со всего мира — повторяю, мои природные союзники, — становятся на его сторону, и тогда, пожалуйста, может явиться кто-нибудь из моих дружков, к примеру, университетский профессор этики, любитель секса, ибо занятия философией делают человека необузданным сексуально, потому что достаточно чуть копнуть этот вопрос и окажется, что нет ничего важнее секса, что секс — переживание небожителей, а жизнь небесная куда более мимолетна, чем жизнь земная, так вот, как я уже говорил, появляется профессор этики, но не просто, а во всеоружии своих неоплатных и несокрушимых философских аргументов по поводу того, как устроена и на чем держится вся эта чертовщина, — иными словами, систематической лжи, действующей благодаря вере или, точнее выражаясь, привитым в детстве суевериям, — итак, повторяю, появляется профессор со своим дьявольским анализом существования зла в мире, и никто не обращает на него внимания, поскольку аргументы и доводы — сильная сторона моих слуг — бессильны против веры, идиотизма и глупости нищих духом, тех самых нищих духом, которые стонут и рыдают, истекая кровью на кресте Христовом, пока я терзаюсь тоской и злобой в окружении тысячи удовольствий.

Спасения нет. Спасения нет ни для кого с тех пор, как я измыслил соблазн и желание — этот совершенный механизм, предназначенный, чтобы плодить несчастья. А чтобы этого не показалось мало, я разжиг в людских сердцах огонь алчности, и эта алчность и это желание, заставляющие раздуваться ваши «я», уничтожают всякую возможность того, что кому-то повезет. Я хорошо знаю, что говорю, поверь мне. Ибо даже жажда Бога есть не что иное, как одна из форм алчности, желания и самовлюбленности. Голубиный помет, да, как не уставал тебе напоминать твой приор Косме, еще один из моих слуг, пусть и не ведающий об этом, но помет фосфоресцирующий, Гаспар, вы — фосфоресцирующий помет, который хочет подняться над Землей и улететь далеко, за пределы этого мира. Ах, все эти пятна голубинового помета, предающиеся медитации, обливающиеся холодной водой, питающиеся овощами, возносящие молитвы Богу Отцу, творящие красоту из слов и звуков, вечно жаждущие любви, жаждущие абсолюта в хрупком и преходящем мире, мире продажности, вражды, скорбей, нищеты, войн, болезней и непрестанных смертей. И когда после тяжких усилий и борьбы без передышки вы попадаете в Страну Счастья, Страну Чистого Удовлетворения, Страну Чистых Нег — что вас там ожидает? Что я для вас приготовил? Скуку, брат Гаспар, скуку, одобренную отбросами воспоминаний, этого сокровища, которое делает вас такими бедными. Если копнуть поглубже, то счастье зависит от не рассуждающей доблести. Счастье — это упражнение в цинизме, Гаспар. Человечество делится на две половины: на тех, кто выбирает неправильный путь, и тех, кто живет фантазиями, кто следует по крайней мере какому-то пути, неуверенный ни в чем, кроме небытия. Разве ты не видишь надписи, которые я разместил на обочине этого пути?

Выхода нет.

Спасения нет.

Ты — ничто.

Аз есмь Сатана.

Бедного брата Гаспара вновь затошнило, и он почувствовал, как густой мрак овладевает всем его существом, густой мрак, в котором, однако, как зловещие предвестники близкого краха плавали розовая туша несъедобного лосося и летучий лангуст, ошетилившийся пугающими усиками и отростками, и тогда слезы затуманили его взгляд, и не в силах противиться он изверг из себя обильную рвоту.

Бросившись в уборную, он утер рот и посмотрелся в зеркало, откуда на него неотступно глядели неестественно красные, почти дьявольские глаза. Ударом кулака он разбил стекло, слегка оцарапав пальцы и тыльную сторону ладони.

Чувствуя перемену во всем организме и без всякой веры в успешное выполнение возложенной на него миссии, он внезапно и без всякой на то конкретной причины разрыдался навзрыд, захлебываясь слюной и текущей из носа слизью, и вскоре после этого понял, что губы его вновь произносят имя Сатаны.

Брат Гаспар, ты звал меня, и вот я явился.

Он безуспешно постарался сохранить спокойствие и уверенность и вверить себя Божьему милосердию. Затем он попытался прибегнуть к силе молитвы, но слова его звучали невнятно, ничего не получалось, тогда он решительно взял завязанную узлами веревку и туго затянул ее вокруг пояса, что облегчило его состояние на полчаса. Гаспар использовал мирный оазис покоя, достигнутого благодаря наказанию плоти, чтобы вновь приступить к составлению пастырского послания, но рука его непроизвольно выводила мое имя, имя Сатаны, — то слева направо, то наоборот.

Ты звал меня, и вот я здесь.

Теперь брат Гаспар отчетливо слышал чудовищные кощунства, изрыгаемые его собственными устами. Не в силах вынести это ни минутой больше, он заткнул уши руками и растянулся на диване, чувствуя страшный зуд и отчаяние. Тогда-то монах и услышал доносившиеся из коридора шаги, шаги, которые не могли принадлежать человеку и которые могли производить только копыта нечистой твари.

Однако теперь я появился перед ним в облике его матери.

Что ты делаешь, Гаспарито? Как — ничего? Знаешь, ты плохо выглядишь. Ты просто сходишь с ума. Такое одиночество... Если бы ты женился... Теперь у меня были бы внуки, и мне не было бы так одиноко. Почему ты меня бросил? Каждый день ты с Богом, все искал собственного спасения, а меня посылал к черту. Тетушка Кончи хочет четки, освященные Папой, так что попроси у него — ты меня слышишь? — освященные Папой четки для тетушки Кончи. Но пусть он освятит их перед тобой, чтобы она знала, что их освятил именно он, а не какой-нибудь монсиньор. Он слишком стар? Когда я вижу его по телевизору, мне его жалко... Бедный Папа! Как он страдает! Он и в жизни такой же старый? Почти как по телевизору? Твоя сестра была очень довольна, когда я сказала ей, что ты в Ватикане: вчера я пошла к ней с букетом цветов. Какая-то собака нагадила на ее могилу. Нельзя, чтобы пускали собак гулять по кладбищу. Их всех нужно истребить! Может быть, ты поговоришь с епископом, чтобы такого больше не было?

— Успокойся, мама, пожалуйста, прошу тебя, не плачь, ты надрываешь мне сердце... — сказал ей бедняжка Гаспар, а потом потянулся, чтобы обнять женщину, давшую ему жизнь, с которой он тем не менее обошелся неподобающим образом, но я оттолкнул его и стал лаять, как одержимый, пока не превратился в крохотную черную собачонку, ту самую, которая пометила могилу его сестры, при этом в значительной степени сохраняя черты его матери. Я оскалился и зарычал. Брат Гаспар не сробел и осенил меня крестным знаменiem, и тогда я повернулся и вышел из комнаты. Сердце экзорциста колотилось от страха. Схватив распятие обеими руками и призвав на помощь все свое мужество, он обошел дом в поисках видимых признаков демона, но нигде не обнаружил ничего сверхъестественного.

Брат Гаспар вернулся в гостиную и там к своему ужасу снова встретил меня. Упав на колени, он выставил мне навстречу распятие и между прочим сказал, что архангел Рафаил проломит мне череп. Я не мешкая ответил ему, что насчет архангела Рафаила все это детские сказки, что он безвозвратно погиб, что погибла вся Церковь и скоро последние следы веры сотрутся навсегда. Иисус покинул их, и пусть они лучше вдоволь наслаждаются тем немногим, что им осталось от земной жизни, тем жалким отрезком времени, который Бог предоставил им, чтобы усовершенствовать свою душу или погубить ее. На самом деле католическая церковь была моей церковью — церковью Сатаны. Гаспар по-ребячески принялся проклинать меня, вновь твердя, что его ангел-хранитель проломит мне череп, и как раз в этот момент почувствовал, что кто-то изо всех сил ударил его палкой по спине. Монах попытался было встать, но тут на него обрушился второй, не менее сильный удар — это был не кто иной, как монсиньор Лучано Ванини, мой на удивление тупоголовый слуга, который на сей раз, однако, повел себя достойно: он задрал рясу брата Гаспара, в то время как я, подняв лапу, помочился на нелепые папские энциклики, а затем, укусив монаха за туфлю и унося ее с собой, выпрыгнул в окно и затерялся в ночи.

XIV

На всех нас лежит единый груз. Вынести великое одиночество.
Павел VI

Предание — это я.
Пий IX

На следующее утро плотная группа, состоявшая из высокопоставленных церковников — кардинала Джузеппе Кьярамонти, облаченного в пурпурную мантию буддиста Ксиен Кван Мина, архиепископа Ламбертини и монсиньора Луиджи Бруно — в сопровождении экзорциста брата Гаспара Оливареса и предводительствуемая баварским кардиналом Джозефом Хакером, префектом Священной конгрегации по вопросам вероучения, главным защитником Церкви во всем, что касается учения и традиций, судьей и молотом еретиков и

заблудших, вместе со своим секретарем, похожим на призрака альбиносом монсиньором Ф. Вильгельмом Фаульхабером, как легион злых бесов, стремительно шествовала по коридорам и галереям Епископского дворца с единственной и твердо определенной целью — подчинить своей воле Римского Первосвященника, наставить его на путь истинный и восстановить оказавшийся под угрозой порядок.

За несколько минут до этого они собрались в одном из многих залов Епископского дворца, чтобы ознакомиться с пастырским посланием, которое принес доминиканец и составление которого заставило его бдеть до самой зари. Послание, с большими паузами прочитанное префектом, настолько изобиловало темными местами, что, будь оно написано на эсперанто, вряд ли кто разобрался бы в нем лучше, а посему оно тут же завоевало благорасположение всех присутствовавших, что еще больше сплотило союз, цель которого состояла исключительно в том, чтобы сделать все возможное, дабы воспрепятствовать распаду Церкви. Тратить слова попусту не было необходимости: принятое решение казалось единодушным, поэтому, после того как его высокопреосвященство кардинал Джозеф Хакер представил брата Гаспара своему секретарю, монсиньору Фаульхаберу, и после помпезного обмена учтивостями, ему пообещали целый ряд церковных постов, что, похоже, было укоренившейся ватиканской привычкой. Затем его высокопреосвященство пожелал более подробно ознакомиться с приготовлениями, принятыми в связи с появлением Папы, как-то: маршрут, который Святой Отец должен был проделать в специальном автомобиле до самой трибуны, расположенной на видном месте главной лестницы базилики Святого Петра, а также порядок выступлений; место, определенное каждому, вопросы, связанные со службой безопасности; согласованность многочисленных оркестров; порядок, в каком будут исполняться песни, и момент появления ликующих детей; расположение букетов и прочих украшений; распределение воздушных шаров и флажков, раскрашенных в ватиканские цвета; выбор наиболее подходящих моментов для здравниц и аплодисментов, а также лозунгов и призывов; дисциплина, установленная для различных группировок, дисциплина, которая — особенно настаивал Хакер — никоим образом не должна была сковывать произвольную и естественную манеру поведения верующих; сложнейшее искусство ведения протокола и все эти и прочие заботы, связанные с приближавшейся массовой акцией, безусловно представлявшей событие первостепенной важности, которое само по себе должно было запечатлеться в сердцах и памяти паствы. Все эти приготовления, насколько сложные, настолько же и поспешные (хотя справедливости ради стоит отметить, что в мире не найдется другого государства, более расторопного и искусного в организации широкомасштабных акций, чем Ватикан), были поручены накануне секретарю кардинала Джузеппе Кьярамонти, монсиньору Луиджи Бруно, под ревностной опекой, как он и сообщил присутствующим, Папской префектуры, без которой все намеченное было бы невозможно осуществить.

Под конец его высокопреосвященство Джозеф Хакер пожелал узнать место, где разместится снайпер («В одном из этих окон», — сказал Луиджи Бруно, разворачивая план площади Святого Петра), кто подаст сигнал («Я сам, если вы не возражаете»), кто он по национальности («Талиб. Это было дорого, но речь идет о безупречном козле отпущения: полное отсутствие нравственных устоев, немного сумасшедший, с пугающим криминальным прошлым; если нам придется, избави Боже, дать ему сигнал открыть огонь, один из наших миглом его ликвидирует»). Кардинал Хакер удовлетворенно кивнул и поздравил монсиньора Луиджи Бруно с великолепно проведенной работой.

— Вы просто чудо работоспособности, — восхищенно заявил он. — Не хотелось бы вам в будущем присоединиться к нам?

У монсиньора Луиджи Бруно загорелись глаза, и он польщенно принял предложение.

— Нет, — возразил Кьярамонти, — Луиджи Бруно — мой человек.

— Я могу передать тебе Дж. Балмена, — сказал Хакер.

— Дж. Балмена склонны переоценивать, — снова вмешался Кьярамонти.

— Тогда я передам тебе Дж. Балмена и Петера Кюнга.

— По правде говоря, дружище Джозеф, я не уверен, что смогу поладить с обоими.

— Ладно, мы еще вернемся к этому разговору на спокойную голову.

— Надеюсь, нам не придется этого делать, — заключил Кьярамонти.

— Брат Гаспар, — сказал далее его высокопреосвященство Джозеф Хакер, поворачиваясь к монаху и кладя руку ему на плечо, — премного благодарны за оказанные услуги. Не сомневайтесь, вы будете должным образом вознаграждены. Вы, несомненно, тот человек, которого посылает нам само небо.

Экзорцист кивнул, и вслед за ним кивнул секретарь-альбинос кардинала Хакера. Душа брата Гаспара была охвачена безумным возбуждением, которое, вероятно, уже успело властно охватить и всех присутствующих.

— Мы всерьез рассматриваем возможность предложить вам епископский пост, — добавил кардинал Хакер, глаза которого нервно бегали, словно осуществляя строгий надзор за малейшим уголком вселенной. — Если же что-либо постороннее помешает нам осуществить нашу волю, можете не сомневаться, что мы подыщем вам место вице-декана или коадьютора и уж во всяком случае сделаем вас монсиньором.

Проведя жизнь вдалеке от римской курии, брат Гаспар не имел ни малейшего представления, в чем состоят эти посты и должности, рисовавшиеся ему крайне загадочными, почти призрачными, однако сейчас было неподходящее время что-либо выяснять.

— Нет, нет, молчите, вы этого заслуживаете.

— Ах, монсиньор или вице-декан, а может быть, коадьютор... — повторил брат Гаспар, но улыбка у него вышла несколько циничной.

— Монсиньор как минимум, можете на это рассчитывать, — уточнил секретарь с каким-то необъяснимым торжеством.

— Действительно, можете на это рассчитывать, — одобрил баварский кардинал. — Брат Гаспар, я ничуть не удивлюсь, если, несмотря на первые недоразумения, вам предначертано сделать блестящую карьеру в курии, потому что не зря в последнее время мы так нуждаемся в людях мужественных и благорасположенных, которые понимали бы, каким должно быть точное место, подобающее подлинной Церкви Христовой, иначе говоря, всей планете, отныне и вовеки веков.

— Хватит болтовни, — неожиданно дерзко прервал его кардинал Кьярамонти, — надеюсь, мы встали так рано не для того, чтобы обсуждать будущую духовную карьеру этого монаха. Все уже сказано, так что, брат Гаспар, вручите послание Папе, и да будет с нами благоволение Господне.

Брат Гаспар кивнул, они вышли из зала собраний и возобновили свой путь по коридорам и галереям, причем подобная процессия облаченных в пурпурные мантии кардиналов и влиятельных членов курии, выглядевшая особенно экстравагантно из-за присутствия среди них простого монаха, которого, к несчастью, еще продолжал мучить зуд, вызывала немалое удивление у гвардейцев, неусыпно охранявших Наместника Христова, гвардейцев, которые вытягивались перед ними с особым подбострастием. Наконец они дошли до того перекрестка коридоров, далее которого вход любому кардиналу и архиепископу был запрещен. Попрощавшись с братом Гаспаром, они пожелали ему удачи, после чего он пошел дальше один, не оглядываясь.

Еще не было и восьми утра, но с площади перед собором уже доносился невнятный шум голосов первых верующих, вставших пораньше, чтобы многочисленными организованными группами или поодиночке поспешить на встречу с Папой в этот неурочный час.

Однако титаническая активность, развернутая монсиньором Луиджи Бруно не без помощи, как уже было упомянуто, Папской префектуры, не только пропала втуне, но и оказала своего рода противоположный эффект. И действительно, несмотря на все усилия церковников, католический мир оказался на краю мрачайшей бездны. Что до меня, то я чувствовал себя преотлично.

Общеизвестно, что в то роковое утро 5 ноября папская аудиенция, по крайней мере поначалу, развивалась в соответствии с условностями, буквально следуя нравам, обыкновениям и протоколам, столь тщательно и тонко разработанным Папской префектурой на протяжении многих лет; общеизвестно было и то, что площадь Святого Петра с самого раннего утра будет осаждать толпа верующих, в том числе прибывших и из-за океана, страстно и нетерпеливо ждущих появления Папы, появления, о котором возвестили как могущественные средства массовой информации, так и перезвон главных колоколен Рима; общеизвестно, что брат Гаспар наслаждался своим первым римским завтраком в личных покоях Папы; общеизвестно, что с десяти часов утра народ неистово скандировал: «Мы хотим видеть Папу, мы хотим видеть Папу!» — и прочее в этом роде, причем возбуждение неимоверно возрастало с минуты на минуту; общеизвестно, что Папа вышел из своих личных покоев в половине одиннадцатого в сопровождении брата Гаспара; общеизвестно, что через несколько минут они попрощались, обнявшись, и что брат Гаспар запечатлел на щеке Папы поцелуй — точь-в-точь как Иуда Искариот; общеизвестно, что пятнадцать минут спустя брат Гаспар связался по телефону с Хакером и сообщил ему, что Папа принял послание с удовлетворением и, скорей всего, убивать его не придется.

— Вас ожидает вознаграждение, — сказал Хакер.

— Не сомневаюсь, — ответил брат Гаспар, хотя на самом деле сильно в этом сомневался.

Известно также, что Папа направился в крипту ватиканского собора, чтобы помолиться перед могилой святого Петра, где и оставался, преклонив колена и почти в течение целого часа храня абсолютное молчание, пока его не прервал один из фотографов «Оссерваторе романо», которого безжалостно прогнали под угрозой отлучения; известно, что он возвратился в свои покои и занервничал, поскольку им овладели дурные предчувствия; известно, что он попросил вызвать монсиньора Лучано Ванيني, с которым говорил наедине в течение без малого часа; известно, что в полдень все колокольни главных храмов Рима, включая большую колокольню базилики Святого Петра, оглушительно затрезвонили, и три минуты спустя Колокольные ворота распахнулись настежь и Папа выехал на своем «папамобиле» для домашнего употребления, окруженный телохранителями, в сопровождении шофера и бразильской монахини, хотя никто так и не понял, откуда она взялась, — и все это подробно освещалось многочисленными каналами по всему миру. Для меня, что и понятно, речь шла о совершенно особом случае.

Медленно, следуя ватиканскому обычаю и чтобы собравшиеся верующие могли поближе разглядеть Верховного Пастыря и причаститься бесконечной вере, которую он олицетворял, «папамобиль» объехал площадь, лавируя между группами публики, которая делала все возможное, чтобы дотронуться до него, несмотря на прочные ограждения и многочисленных охранников-наблюдателей; если же это не удавалось, люди тянули к нему фотографии своих покойных, четки и медальоны, масло, воду и соль или поднимали детей, чтобы они тоже могли стать свидетелями его вдохновляющего и успокоительного присутствия. Паства неустанно приветствовала Папу здравицами, аплодисментами и даже песнями. Тысячи флажков, раскрашенных в ватиканские цвета, были уже розданы, и десятки плакатов с разными надписями развевались на ветру. Вцепившись одной рукой в металлический поручень автомобильчика, другую Папа протягивал к своему народу, который безуспешно старался дотянуться до нее, — только немногим счастливчикам удавалось коснуться кончиков его пальцев.

Двигаясь между протянутых к нему рук верующих, «папамобиль» совершил два полных круга, словно чтобы дать народу возможность дважды созерцать священное лицо в профиль, наконец добравшись до трибуны, возвышавшейся на верхней площадке главной лестницы, в соответствии с маршрутом и расписанием, намеченными префектурой. Папа наконец решился заговорить, и казалось, что разноголосый рев толпы зазвучал вдвое громче

по мере приближения долгожданного момента. Однако римское небо грозило Святому Отцу предвестиями бури, но даже темные небеса и несущиеся в них смятенные тучи были не в состоянии утихомирить единодушного порыва паствы.

Когда Папа вышел из «папамобиля», прозвучало несколько торжественных залпов и швейцарские гвардейцы из почетной палатинской гвардии в особой форме (пышных гофрированных воротниках и блестящих на солнце шлемах, кирасах и нашейниках), вооруженные до зубов, хотя и несколько примитивно — шпагами, алебардами, пиками и тесаками, — вытянулись по стойке «смирно». К трибуне Папу сопровождали государственный секретарь, его высокопреосвященство кардинал Джузеппе Кьярамонти; заместитель государственного секретаря, архиепископ монсиньор Франческо Паупини; префект Папской канцелярии епископ Умберто Палаццини; паладин веры, его высокопреосвященство кардинал Джозеф Хакер и другие иерархи и прелаты, вслед за чем, когда Папа сел, перед ним промаршировали два итальянских полка с оглушительно игравшим оркестром, и хотя наиболее внимательные заметили, что вначале Папа отмахнулся от военного марша, как от назойливой мухи, несомненно, что на протяжении всего парада он отбивал такт правой ногой. Как только умолкли тромбоны, трубы и барабаны, колокольные главных римских храмов вновь празднично зазвонили на разные лады, толпа с новым энтузиазмом приветствовала этот перезвон, и тогда по мегафону раздался гимн «Ты — Петр», встреченный бурей аплодисментов преклонивших колена верующих и новыми взрывами восторженных криков. При этом некое беспокойство ощущалось в плотных рядах патриархов, кардиналов, архиепископов, епископов, митрополитов и генералов больших и малых орденов, включая доминиканцев, расположившихся на почетных местах справа и слева от трибуны, вслед за которыми стояли несколько не столь важных духовных лиц и среди них — доминиканский монах Гаспар Оливарес, с которым я сражался тысячу раз, и, наконец, в самой глубине, рядом со Святыми вратами, хор Сикстинской капеллы, затянувший гимн «Бенедиктус».

«Редкостная непристойность», — подумал я.

Человек, на долю которого пришлось больше всего аплодисментов во вселенной, бесчисленно размноженный бесчисленным количеством фотографов, человек, который как никто другой умел собирать полные стадионы, арены для боя быков, ипподромы, аудитории, соборы, мечети, синагоги, фабрики, кварталы, пляжи, горы и даже лыжные трассы, в очередной раз демонстрировал, что нежные чувства и набожная преданность мира принадлежат ему как никому другому и что на всей Земле нет человека, настолько способного собирать вокруг себя толпы, представляя совершенную и торжествующую Церковь, и это несмотря на волны скептицизма, которые буквально захлестывали планету. Пестрая толпа, где были представители всех частей света, как обычно собравшаяся на площади Святого Петра, подобно растревоженному улью, противилась всяческой дисциплине и взрывалась спонтанными выражениями ликования, нарушавшими тишину и протоколы, чтобы выразить свой пыл, свой энтузиазм и свое беспредельное счастье. Я мимоходом оглядел толпу. В ней преобладали нищие духом, туристы да то и дело попадавшиеся одержимые. И вновь к ногам Папы припали основные информационные средства планеты: пресса, радио и телевидение; было непостижимо это преклонение, которым он упивался, и то, как весь мир способствовал ему в его самовлюбленности, прикованный к тому, что вот-вот изрекут его уста. Но в данном случае можно было предположить, что его лепет будет строго догматичным, да иначе и быть не могло, учитывая охвативший Церковь кризис. Лик Первосвященника дышал твердостью и решимостью, будто ничто не могло заставить его отречься от намерения появиться перед своим народом после почти четырех месяцев молчания и целого вороха лжи, которой пытались скрыть подлинные причины столь долгого отсутствия.

Первым взял слово префект папской канцелярии, монсиньор Опиллио Одди. После бравурных приветствий в адрес Святого Отца он перечислил самые различные братства, присутствовавшие на аудиенции и которым он во что бы то ни стало тоже хотел выразить

горячий привет, и среди них: пожарники из Тулузы, исполнившие марш; больничные сиделки из Манилы, слаженно пропевшие песенку в легком жанре; группа фармацевтов из Мюнхена; многочисленная группа бельгийских бойскаутов; шотландские волынщики; группа анонимных алкоголиков из больницы Св. Патрика в Дублине; лапландцы; семинаристы из Пномпеня (Камбоджа) и, наконец, Всемирная федерация католических психоаналитиков.

Затем выступил некий молодой человек, представитель Всей Молодежи Мира, как он, даже не покраснев, отрекомендовался, который, находясь на почтённом расстоянии, обратился к Папе со словами неформального приветствия, дерзнув с самого начала перейти на «ты» и общаясь с Папой так, будто это его взыправдашний отец. Когда он закончил, в небе появился спортивный самолет, за которым влачилось по воздуху полотнище, с начертанными на нем надписями: на одной стороне — «Да здравствует Папа», а на другой — «Ты — Петр». Затем настала очередь нескольких групп слепых, глухонемых и паралитиков, а потом — североамериканских индейцев в уборах из перьев, которые начали бить в барабаны, плясать и улюлюкать перед Папой, наблюдавшим за ними с бесконечным терпением и вниманием, а когда закончили эти, многочисленное представительство миссионерш, возглавляемое полуслепой старицей, приблизилось к Папе, и тот благословил их, пока толпа на разные лады скандировала лозунги, превозносившие Его Святейшество до небес. И снова раздалась громовая овация, когда среди туч появился похожий на кита дирижабль, на одном боку которого было начертано «Да здравствует Папа», а на другом — «Да будешь ты ловцом человеков». Между тем слышались студенческие песни — то были приехавшие из Испании университетские музыканты. На плакате, который они несли, можно было прочесть обращенное к Папе прочувствованнейшее приветствие от студентов-ветеринаров Мадридского университета. Со своей стороны, хотя и взволнованный — вынужден признать это, — я не мог не приметить, сначала с недоверием, а затем с торжеством, что выражение лица Папы становится все более отчужденным при виде разворачивающегося перед ним зрелища, словно он хотел сберечь последние оставшиеся у него силы для момента, когда ему придется взять слово. После этого рой фотографов окружил Папу, который с бесконечным терпением — в какой раз уже он умело изображал это терпение — позировал им, благословляя толпы, и, пока длилась эта пантомима, оркестр швейцарских гвардейцев играл туш, но вот наконец инструменты смолкли, многочисленные фотокорреспонденты растворились в толпе, и Папа сложил в стопку написанное на четвертушках листа пастырское послание. Всем было ясно, что его выступление будет апофеозом празднества.

Папа, на которого были устремлены взоры его паствы, теперь хранившей впечатляющее молчание, встал со своего трона и медленно направился к кафедре, внезапно он остановился и посмотрел на небо. Указательным пальцем левой руки он погладил безымянный палец правой, словно указывая на перстень рыбака — с изображением святого Петра, забрасывающего сеть, — который напоминал нам о фразе из Евангелия о «ловце человеков». Когда наконец он встал перед микрофоном, радость толпы, казалось, достигла предела, и сдержаться уже было невозможно. Раздались громогласные крики и здравицы, но вдруг вновь воцарилось молчание. Толпа вела себя слаженно, как изумительный оркестр. Кто, черт возьми, так их выдрессировал?

Папа водрузил на нос очки — теперь руки его патетически дрожали, — пробежал глазами первые строки пастырского послания, отвернулся и прокашлялся, чтобы внезапная хрипота не попала в микрофон, а затем устремил пристальный взгляд на четыре ряда кардиналов, за которыми стоял брат Гаспар Оливарес. Вот-вот слова Святого Отца, принадлежавшие монаху, должны были разнестись над площадью Святого Петра и над всей планетой.

Трое сурдопереводчиков уже приготовились переводить убогим слова Папы, которые, как было заведено, не могли представлять ничего иного, кроме как четкого и ясного послания, обещающего вечную жизнь и надежду. Все как один застыли в неопишемом

ожидании.

Брат Гаспар в глубине сердца предчувствовал грандиозную катастрофу. В душе он кусал ногти, ожидая, пока Папа начнет читать послание; он ожидал, что вот-вот произойдет нечто неслыханное и ужасное, хотя не мог даже представить себе природы этого ужаса. Мучительное чувство свербило у него внутри, пока он из последних сил молился Всемогущему Богу, поскольку сыновья Адамовы никогда не молятся с таким пылом, как когда понимают, что близка их гибель.

Святой Отец глубоко вдохнул в себя воздух, как будто затаил дыхание с того момента, когда появился на площади Святого Петра, и снова устремил взгляд на бумаги брата Гаспара.

Наконец Папа начал говорить, но тут нас застал врасплох новый всплеск музыки, и стайка детей возникла, как птички, из ничего, чтобы продемонстрировать упражнения с разноцветными лентами и мячами, и показалось, что это уже выходит за пределы положенного, поскольку апофеоз закончился, не успев начаться. С бесстрастным лицом, несмотря на всем известную безоговорочную любовь ко всем проявлениям детства, Папа взирал на ритмичный, выверенный и трогательный танец, заставивший всех присутствующих расцвести невинными улыбками. Когда наконец этот оазис света и чистоты растаял, девочка лет трех-четырёх подошла к Римскому Первосвященнику с большим букетом белых и желтых цветов. Это было незабываемо. Измученный Наместник Христов раскрыл объятия, чтобы принять в них девочку, которая бежала ему навстречу, неуклюже спотыкаясь, как то и положено в ее возрасте, что заставляло паству довольно смеяться. Картинка приобретала особый смысл, поскольку девочка была цыганкой и в некотором роде представляла гонимое человечество. Папа поднял ее на руки, и толпа вновь взорвалась аплодисментами и здравицами. Тогда-то и послышались первые раскаты грома, при звуках которого рассеявшиеся на импровизированном навесе голуби забеспокоились, и один из них, особенно мерзкий, слетел на плечо Папе, который, пытаясь отогнать его, нечаянно уронил цыганочку. По бесчисленным рядам паствы пробежал ропот, и вертолет, снимавший нас на киноплёнку, скрылся в туче.

Монсиньор Опилио Одди, префект Папской канцелярии, среагировал первым, подбежав к Папе, чтобы помочь девочке подняться. Он схватил ее на руки, но тело девочки безвольно обвисло, как у тряпичной куклы. Новая волна ропота, если можно так выразиться, более единодушная, прокатилась по площади. Раздался испуганный, истошный женский крик. Монсиньор Одди с безжизненным детским телом на руках вернулся в стан кардиналов, словно прося срочных указаний о том, как вести себя в этой непредвиденной ситуации. В глазах Папы читались испуг и смятение: он не мог оторвать взгляд от оставшейся на камнях лужицы крови. Два листочка папского послания, словно ожив, взлетели с кафедры, сделав в воздухе несколько пируэтов, и вдруг за ними устремились все остальные, спиралью взмыв к небесам, увлекаемые шаловливыми порывами ветра, сначала пролетели над хорами Сикстинской капеллы, затем, резко опустившись почти до самой земли перед Святыми воротами базилики, полетели дальше, за пределы человеческой досягаемости, над оркестром пожарников из Тулузы.

Засверкали молнии, и прогреготал гром, в сухих раскатах которого слышалась нешуточная угроза. С небесного свода упали первые капли, ветер задул сильнее, и вот уже в воздух полетели зонтики, шляпы и пластиковые пакеты. Однако стадо верующих не шелохнулось, монсиньор Опилио Одди с девочкой в глубокой коме, которую он крепко прижимал к груди, обратился в бегство, бросив Папу в полной растерянности.

Самое поразительное заключалось в том, что, несмотря на все неприятности, церемониальный протокол, установленный Папской префектурой, продолжал соблюдаться как ни в чем не бывало. Хор Сикстинской капеллы затянул «Бенедиктус».

Как стальные шары, подпрыгивающие по ступеням небесной лестницы, раскаты грома заглушали голоса и, казалось, обрушивались прямо нам на головы.

Дождь затопил площадь Святого Петра, вода ручьями обтекала ботинки и туфли

паствы. Часть толпы, несмотря на кульминационный момент, который мы переживали, бросилась вон с площади, укрываясь под колоннадой Бернини. Ветер опрокинул микрофон и снес навес, после чего кардинал Хакер и государственный секретарь, пошептавшись, отдали точные распоряжения гвардейцам, которые кинулись к Папе и вытащили его едва ли не волоком. Тут я решил покинуть мерзкое тело голубя.

Очень скоро кардиналы, которые вплоть до этого момента стоически противостояли буре, сохраняя боевой порядок и дух, последовали за старым безумцем.

Через считанные часы достоверные новости о событиях достигли самых отдаленных уголков несчастной планеты, теперь еще более несчастной, жалкой и покинутой. Их высокопреосвященства не могли предвидеть ничего подобного: окончательный развал веры, копившейся тысячелетиями, ценой невероятных жертв, жестокостей и трудов, которые в конце концов оказались бесполезными.

Дождь лил не переставая, под его потоками и последними молниями на площади валялись мокрые плакаты, которые уже невозможно было прочесть, сломанные ветром зонтики и труп корейской монахини, чье сердце внезапно перестало биться. Глаза ее были открыты, и в них застыл ужас.

Между двумя раскатами грома послышалась сирена «скорой помощи», которая спешила на помощь умирающему Богу.

Сыновья Адамовы жили в мире, преисполненном нигилизма, материализма, которые в то же время уживались с суеверием — этой шелухой всех религий. Возможно, Бог, наивно подумав брат Гаспар, пожелал лишить их всякой возможности убежища, чтобы они лицом к лицу столкнулись с небытием в бескрайней пустыне своих пустых и случайных жизней. Обязательно требовались перемены. Но какие? Не это ли хотел выяснить Господь Бог? Бедняга Гаспар хорошо знал, что нет. Речь шла не столько об аргументации, сколько об уловке, направленной на то, чтобы избежать встречи с голыми фактами. Сыновья Адамовы были чистой случайностью во Вселенной, которая противилась любому разумному осмыслению.

Он вернулся в свой номер ватиканской гостиницы, чувствуя, что мир повержен и что он стоит меньше рыбьей чешуи, меньше голубиного помета. «Что мне теперь делать?» — спросил он себя. Он остался без чинов — коадьютора, вице-декана, архиепископа, — без кардинальской шапки и, в конце концов, без веры. Что было ему теперь делать со своей жизнью? «Что ли стать наркоманом, развратником, серийным убийцей?» — яростно и мелодраматично подумал он. Нет, Гаспар для такого не годился. Но на что же он тогда был годен? Молиться? Но кому? Призвание брата Гаспара состояло в восхвалении, в непрестанной молитве; его призванием в конечном счете был Бог, но Бог... Чем ему теперь заниматься? А как быть с его бедной матушкой? Что подумает она обо всем этом? И что самое важное — кто воздаст ей за все унижения, несправедливости и кары, которые заставила ее претерпеть жизнь? Да, хороший подарочек преподнес Папа своей пастве.

Он закрыл чемодан и собирался в последний раз окинуть взглядом номер — не забыл ли чего, — и тут его осенило, что ему не на что купить билет, мало того, нечем заплатить за такси, которое довезет его до аэропорта, поэтому он направился в спальню и стал рыться в вещах своего секретаря, монсиньора Лучано Ванини, пока не нашел деньги, и, совершив эту кражу, не почувствовал ровным счетом никаких угрызений совести, да и как могло быть иначе при сложившихся обстоятельствах? В вестибюле он столкнулся с Филиппо.

— Как? Вы уезжаете?

— Да, Филиппо.

— Почему? — спросил Филиппо, недоверчиво посмотрев на него.

— Что — почему? Слушай, Филиппо, кажется, ты еще ничего не знаешь о том, что случилось сегодня утром, правда?

— Нет. А что случилось? — заинтригованно ответил Филиппо. — Где?

Брат Гаспар рассказал Филиппо о произошедшем, и бедняга переменялся в лице.

Казалось, он никак не может поверить услышанному.

— Что же теперь будет? — однако спросил он. — Думаете, нашу лавочку прикроют? А я в мои-то годы просто ума не приложу, куда мне податься.

Доминиканец пожал плечами, протянул старому слуге руку и сказал:

— И я не знаю, Филиппо, и я не знаю. Если тебя это утешит, то мое положение с работой на данный момент ничуть не лучше твоего.

Всю дорогу в аэропорт он безутешно проплакал, и таксист, один из моих приверженцев, мимоходом, хотя и не без издевки, прокомментировал:

— Что, сматываем удочки? — И расхохотался.

XV

Грешите с пользой.

Лютер

Хенаро, Фелипе, Матео, Элой, Иполито, Леандро, Паскуаль, Пелайо, Томас и Марселино — возлюбленнейшие братья Гаспара, встретили его в монастыре очень холодно и безразлично, если не сказать презрительно; действительно, в тот первый вечер только приор посчитал нужным заговорить с ним, и то исключительно о деньгах.

— Ладно, — сказал Косме после продолжительного молчания Гаспара, — завтра поговорим. А теперь отдыхай, отдых тебе нужен. Смотри, какие у тебя круги под глазами.

Гаспар, решив, что назавтра найдет способ объясниться и оправдать понесенные материальные потери, вооружившись этой решимостью, уединился в своей келье, поцеловал распятие, надел фланелевую пижаму и даже не заметил, как словно провалился в глубокий сон.

Звонок, созывавший братию к заутрене, прозвучал в шесть утра. Гаспар открыл глаза, не понимая, где находится.

Разговор с приором состоялся только перед самой обедней. Косме проводил брата Гаспара в свой кабинет, достал чековую книжку и сказал:

— Итак, начнем.

— Нечего и начинать, — отвечал бедняга Гаспар.

— То есть как нечего?

Брат Гаспар чуть не сгорел со стыда, но отрицать что бы то ни было не имело смысла.

— А как же чек? Ты не попросил чек у Папы?

— Чека нет, — только и ответил Гаспар.

— Чека нет, — передразнил его приор.

— Чека нет, но дело еще и в том, что у меня карточные долги, и я не представляю, как с ними расплачиваться.

— В дурака продулся?

— В покер, — ответил брат Гаспар, покраснев.

Осознав всю тщетность разговоров на финансовую тему, Косме закрыл бухгалтерскую книгу и попросил Гаспара рассказать ему о событиях, произошедших за время его пребывания в Ватикане, особенно о тех, свидетелем которых он был, и особенно о тех, других, которые — его не обманешь! — оставили незаживающие шрамы в его душе. Брат Гаспар рассказывал три часа кряду, и приор ни разу не прервал его. Косме действительно слушал очень внимательно, хотя выказываемое им бесстрашие было достойно восхищения, иными словами он внешне никак не выражал своих чувств, и это несмотря на запутанный клубок обстоятельств, в которых оказался брат Гаспар, на сложную, полную неясностей интригу, болезненные детали и разного рода странности и неприличия, которыми был изукрашен рассказ. В окончательное замешательство брата Гаспара привело то, что время от времени Косме делал кое-какие пометки, а если рассказчик слишком возбуждался, говорил ему:

— Успокойся, брат мой, успокойся и продолжай.

Брат Гаспар делал небольшую передышку, а затем продолжал повествование о событиях, произошедших за время его пребывания в Ватикане.

— Кто теперь сделает последних первыми? — этими словами брат Гаспар закончил свой рассказ.

Косме молчал — несомненно, подумал брат Гаспар, его должны были глубоко задеть только что услышанные откровения, хотя он ничем не выдавал этого, — а через пару минут попросил брата Гаспара помолиться вместе.

— Кому? — вызывающе спросил Гаспар.

— Так я и знал, — ответил Косме, словно разговаривая сам с собой, а затем протянул Гаспару бумагу, ручку и приказал: — Пиши.

— Что писать?

— Ты знай пиши, Гаспар.

Приор продиктовал ему ряд указаний, которые он должен был исполнять с особым рвением и содержание которых я немедленно собираюсь вам изложить: во-первых, влиться в общую жизнь монастыря, как будто его поездки в Ватикан вообще никогда не было, удвоив дисциплину, которой он всегда так отличался; во-вторых, вплоть до получения новых указаний занимать все свои досуги физическим трудом и ни на секунду не поддаваться искушению записывать что-нибудь, так как это занятие было суетой, суетой и ничем более, хотя в его случае могло даже сбить с пути истинного и уж никоим образом не привести к познанию Бога; в-третьих, независимо от того, чем он занимается, всей душой постараться неустанно творить молитву — так, как о том просил всех христиан апостол Павел в своем послании к фессалоникийцам; в-четвертых, в ближайшие дни приор ожидает от него список его ошибок и грехов, список, который он должен начать с греха самого тяжкого и ярко выраженного в его характере, а именно греха гордыни, щедро приукрашенной его почти безумной склонностью к сочинительству; в-пятых, вплоть до следующего распоряжения Гаспару вменялось в обязанность подметать монастырские коридоры, мыть посуду после обеда, заниматься работами в саду и проводить туристическую экскурсию в полдень, иными словами, подытожил приор, отдыхать он будет на небесах, а пока чрезмерная занятость отвлечет его от тщетных мучений, в действительности вызванных исключительно его преувеличенным самолюбием, и добавил, что, занимаясь всеми этими трудами, Гаспар не должен забывать об указании третьем, чтобы слово Божие не смолкало у него на устах, а когда Гаспар спросил, как он сможет добиться этого, приор посоветовал ему смывать свои грехи, как грязь с посуды, выметать ошибки вместе с мусором из монастырских коридоров, орошать свои добродетели водой молитвы, а показывая туристам монастырь, делать это почтительно и скромно, как человек, обнажающий свою душу перед незнакомцем; шестое, и последнее, указание состояло в том, чтобы он постарался не рассказывать своим братьям, дабы не причинить им вреда, обо всем произошедшем за дни его пребывания в Ватикане, а также не говорить с ними на темы учения и веры, по возможности вооружившись молчанием во всем, что выходит за пределы сугубо домашних вопросов. «Говоря много, не избежишь греха», — добавил приор, цитируя Писание.

Наконец брат Гаспар понял, почему братья оказали ему такой сдержанный прием, не проявив никакого любопытства; они, наверняка, получили подобное же указание.

— Да, Гаспар, — признался Косме, — я посоветовал им общаться с тобой сухо, немногословно и не слишком-то размышлять над причинами твоей меланхолии. В твоём состоянии ты мог бы причинить им серьёзный вред.

Его последний совет, который, как и предвидел брат Гаспар, оказался самым трудноисполнимым, заключался в том, чтобы он укреплял в себе добродетель терпения и сохранял спокойствие.

Зазвонили к полуденной молитве, Косме посмотрел на часы, кивнул, подошел к Гаспару, поцеловал его сандалии, и они отправились на молитву.

Назавтра брат Гаспар попытался выполнить данные ему указания, кроме того, он

наложил на себя суровый пост, умерщвляя плоть за свой счет, а также постарался, чтобы молитва не смолкала у него на устах.

Брат Гаспар считал, что монастырь это место, которое существует затем, чтобы каждое слово и каждый жест обретали значение и полноту, нечувствительные к укусам досады и отчаяния; то место, где действия совершаются без заднего смысла, где они прозрачны и просты; то место, где смирение и отрешенность от всего земного крепнут день ото дня во имя невозможного совершенства и невозможной святости; то место, где неугасимо горит огонь психического опыта, где человеческое встречается со сверхъестественным; место, благодатное для того, чтобы полностью отдаться Богу, чтобы существовать без всяких усилий, если они не направлены к восхвалению Господа. Вслед за Мертонем он считал, что монах — по сути своей человек, занимающий критическую позицию по отношению к миру и его институтам, человек, с безграничным терпением посвятивший себя разоблачению обманчивости людских целей, иными словами, неистовый правдоискатель.

Под конец дня, после вечерни, приор обнял его, пожелал ему доброй ночи и заверил, что в ближайшем времени все его сомнения растают как дым, и на несколько мгновений брату Гаспару показалось, что он вновь обрел утраченный душевный мир. Однако и на этот раз он до поздней ночи не сомкнул глаз и постоянно вставал с постели, преклонял колена и препоручал Иисусу свою лишенную веры, преданную душу. Ему хотелось навредить миру, встать на сторону зла, хотя он не мог придумать как. Он представлял, как поджигает монастырь и его братья заживо сгорают во сне или как он выливает яд из пузырька, который дал ему кардинал Малама, в суп приору. Тюрьма не могла остановить его; его останавливала мысль о страдании, которое подобные известия причинят его матери.

Чтобы избавиться от этих навязчивых мыслей, он препоясался завязанной узлами веревкой. Вновь и вновь твердил он себе, что он ничто, что Бог, напротив, это все, что его существо ничего не стоит, что всем, что он имел, он обязан Господу. Но, по правде говоря, размышления оказывались пресными и лишенными смысла. «Поддай мне знак! — просил он. — Стигматы, видение, крохотный огонек!» Он пытался утешиться старым трюком — левитацией, — но ничего не получилось. Только глухое молчание, полное равнодушие, безграничная пустота и ничто. Тоска сжимала ему сердце, слезы не переставая текли из глаз, и он чувствовал себя как никогда несчастным.

Третий день выдался еще более тяжелым и бессмысленным, он молился машинально, не ощущая ни малейшего присутствия Бога. Приор, который видел чужие души насквозь, внезапно подошел к нему и сказал:

— С Богом ли ты живешь? Чувствуешь ли ты присутствие Божие?

К вящему стыду, брату Гаспару казалось, что он читает мысли своих братьев, и мысли эти были печальными, тусклыми и корыстными. Ему показалось, что он понял: они здесь только потому, что иного места в этом мире для них не нашлось. Один Марселино, с головой уходивший в повседневные монастырские дела, производил впечатление человека, сохранившего нетронутую невинность. Он проспал заутреню и получил выговор от приора. На самом деле брату Гаспару хотелось лишь одного: исчезнуть, скрыться, умереть...

В тот же день Марселино, несомненно с добрыми намерениями — взбодрить павшего духом товарища по трудам, сказал Гаспару, что начал вязать для него пончо на случай зимних холодов.

— А может, лучше джемпер?

— Блаженны нищие духом, — ответил ему брат Гаспар, но Марселино, похоже, не понял его.

На следующий день, когда он работал в саду, то заметил проходившую мимо кухарку, а она заметила беднягу Гаспара, и они обменялись улыбками. Монах почувствовал, что она смотрит на него так, будто увидела впервые; с другой стороны, ему показалось, что у кухарки очень сексуальные икры. «Как странно! — подумалось ему. — Как могу я обращать внимание на подобные вещи в темной ночи, где моя душа скорбит надо мной, как над мертвым телом?»

Бог оставался глух ко всем его мольбам. Гаспар подумал, что Дух умер в его сердце, однако упрямо продолжал восхвалять Его. Но наконец отступился, поняв, что это самообман. Бог умер в его сердце. Он был изгнанником и в тысячный раз задавался вопросом, как это возможно, получая ответ, которого, несомненно, заслуживали высокомерные сыновья Адамовы: ничто.

К нему пришла мать бесноватой, нуждавшейся в его помощи. Гаспару не оставалось ничего иного, кроме как сказать, что приходский епископ лишил его разрешения по его собственной просьбе (это была неправда: дело шло всего лишь о письме, до сих пор лежавшем у него на столе). Так или иначе, он дал женщине адрес своего коллеги, человека крепкого в вере, наделенного состраданием, сведущего, благоразумного, известного непорочностью своей жизни и огромным опытом в подобных делах, устало заверял брат Гаспар.

На пятый день, когда он работал в саду, к нему подошла кухарка и стала расспрашивать о его поездке и о Папе, и хотя приор действительно запретил ему говорить об этом с братьями, он ничего не сказал о других людях, поэтому брат Гаспар рассказал кухарке кое-что о странных и необычайных событиях, свидетелем которых ему довелось стать, и, пока он рассказывал, она от души смеялась.

— Марилу, — упрекнул ее Гаспар, хотя в глубине души ему было приятно, что удалось развеселить девушку, — как ты можешь смеяться над такими серьезными и ужасными вещами?

— Дело в том, что при всем моем уважении, падре Гаспар, — так она его называла, — у вас богатое воображение, и вы все так преуморительно рассказываете, особенно потому что принимаете близко к сердцу... Так кто, вы говорите, был этот монсиньор? Личный слуга Папы? Ну и бесстыдник же, верно?

Брат Гаспар смотрел на кухарку, не зная, что ответить, но по-прежнему не в силах оторвать взгляда от ее икр.

Во время чтения Книги Царств, которую брат Хенаро читал им за обедом, на него напал такой необъяснимый и неудержимый приступ смеха, что ему пришлось выйти из трапезной. «Всё войны, войны, — пробормотал он, — а мне-то что?»

Ближе к вечеру сильная гроза застигла его молящимся среди надгробий монастырского кладбища, под которыми были погребены монахи, обитавшие здесь прежде. Брат Гаспар не шелохнулся. Ему хотелось лежать здесь, среди мертвых, и в своих молитвах он просил у Бога забвения или смерти, чистоты или уничтожения, вселенской справедливости или истребления рода человеческого.

Зазвонили к вечерне, а Гаспар так и не появился. Братья по приказу приора отправились на его поиски и, когда наконец нашли, им пришлось тащить его за собой силком. Брат Гаспар оскорблял их (на латыни) и говорил, что всего лишь исполняет указание непрестанно восхвалять Бога. Почти волоком они доставили его к приору, который сказал только:

— Нами движет одно лишь желание помочь тебе, бедняга Гаспар.

На шестой день он проснулся простуженный, и обыденная суета снова показалась ему крестной мукой, и так он и сказал об этом Косме как раз перед тем, как монахи стали расходиться по своим кельям.

— Что ты выбрал, Гаспар? — спросил его приор. — Разве ты не выбрал крест? О чем ты думал? Ах, бедный Гаспар. Разве не узок путь к Господу? Да, и вот еще что, — упрекнул его Косме, — не смей больше появляться на службах в спортивном костюме.

— Но Папа... — начал было Гаспар.

— Папа, Папа, — с издевкой повторил приор. — Ты мне дурака не валяй!

На следующий день он отправился за грибами с братом Элоем, и они набрали четыре корзины, что у них были, и еще вполне хватило бы на пятую, когда Элой спросил:

— Гаспар, расскажи мне, что там на самом деле произошло.

— Я не вправе.

Элой, однако, все настаивал и настаивал, и Гаспар раз за разом противился искушению. Элой становился все докучливее.

— Но разве я не имею права знать?

Молчание.

— Гаспар...

— Возьми да и спроси у приора.

— Если ты мне расскажешь, я тоже расскажу тебе кое-что про брата Иполито — такое, что ты язык проглотишь.

— Расскажи кому-нибудь другому, — ответил Гаспар, и тогда Элой наконец понял, что он не уступит, к каким хитростям ни прибегай.

На восьмой день Косме вызвал Гаспара и попросил у него список грехов.

— Он пока не готов, — извинился Гаспар. — Их столько...

— Не пытайся меня провести, Гаспар, не пытайся меня провести, — жалостно запричитал приор.

— Нет, Косме, я вовсе не пытаюсь тебя провести, это меня самого провели. Как бы мне хотелось, чтобы их высокопреосвященства не доставили мне столько неприятностей.

— Но, Гаспар, неужели Господь не живет в тебе самом? Неужели ты не чувствуешь Его присутствия?

На этот раз у брата Гаспара не хватило мужества солгать.

— Нет, возлюбленный отец мой, по правде говоря, нет.

Косме задумался, ласково улыбнулся Гаспару и предложил помолиться вместе в часовне, куда они и пошли, и преклонили колена перед распятым Иисусом.

— Ты молишься? — вскоре спросил Косме Гаспара.

— Нет. Только скучаю.

— Почему?

— Тошно мне.

— Почему?

— Не могу я, не могу... Молюсь, но как робот.

— Почему?

— Я молюсь, но не слышу ответа.

— Вглядишься хорошенько в Его лицо, — сказал приор, сострадательным взглядом указывая на распятого Христа. — Вглядишься хорошенько в нашего Христа, мертвого и покинутого. Чудо Божие именно в том и состоит, что Он был и остается распятым. Также и Иисус на одно мгновение в предсмертных муках почувствовал свою покинутость, отчаяние и смерть Бога. «Боже Мой, Боже Мой, для чего Ты Меня оставил?» — воскликнул Он. Вглядишься в Его лицо, Гаспар, вглядишься хорошенько: на нем следы Его крови, Его слез и наших плевков.

Брат Гаспар не смог сдержать слезы.

— Плачь, Гаспар, плачь, — сказал Косме и, когда последние всхлипывания затихли, продолжал: — По какой-то причине, мне не ведомой, ты — монах, который дразнит беса. Прими это как есть, ибо всякая мука и всякое испытание когда-нибудь да кончаются, но вознаграждение Божие вечно. А теперь повторяй за мной: «Да не усташусь пройти долиною смертной тени».

Гаспар повторил.

— «Ибо Бог взирает с небес на сынов человеческих, чтобы увидеть, есть ли среди них хоть один благоразумный, взыскующий Бога».

Гаспар повторил.

— «Надели меня зрением и не дай уснуть смертным сном».

Гаспар повторил.

— «Брат Гаспар — дурак, каких мало».

— Что?

— Повторяй за мной: «Брат Гаспар — дурак, каких мало, и его неумеренная гордыня,

окружившая его призрачными видениями, единственная причина его горестей».

Гаспар повторил.

— Уже лучше? — спросил приор.

Брат Гаспар, как бы нехотя, кивнул.

— Да?

— Да, — подтвердил Гаспар, хотя и чувствовал себя так же плохо, если не хуже, чем вначале, что не ускользнуло от внимания Косме, который продолжал настаивать:

— Повторяй за мной: «Воззри на мои печали и избавь меня от них, ибо я не забыл Твой закон».

— Еще раз?

— Дурачина! Если крест не причиняет боли, это не крест! Почему ты не ищешь воли Божией?

— Божьей воли не существует, — ответил Гаспар.

— У Бога столько воли, сколько ты в Него вкладываешь, Гаспар. На самом деле Бог действует волею тех, кто Его любит, волею кротких, волею чистых сердцем. Бог есть воля и только воля. Та, что существует, когда наша, эгоистичная, низменная и корыстная, идет на убыль. Когда мы становимся воплощением любви Божественной. То, что ты делаешь с Богом, как раз то, чего делать с Богом не следует.

— Что?

— Ты пытаешься постичь Бога разумом, но чудо на то и чудо, что рассудком его не постичь. Ты молился Богу, научился разговаривать с Ним, и вдруг тебе кажется, что Его нет, что Он больше не...

— Только не вдруг, — прервал его Гаспар, — а после долгого ряда бедствий и разочарований.

— Не прикрывайся тем, что видели твои глаза и чего не понимает твоя душа. Не прикрывайся собственным невежеством.

— Но в энциклике «Вера и разум»...

— Привязался ты к этой энциклике, — прервал его Косме. — Забудь про нее! Бог не в энцикликах! — выкрикнул он. — Бог не в энцикликах!

— Что?

— А то, что Бог это не догма! То, что Бога ни в какую энциклику не втиснешь! Слушай, Гаспар! Сдается мне, я теряю с тобой время зря! Бог это реальность, а не состояние духа Папы Римского и уж тем более не брата Гаспара! Что ты о себе возомнил? Мне кажется, я только зря потратил на тебя время! Мне кажется, что ты возвращаешь сейчас плотоядное растение, лелеешь бесенка!

— Но Папа... — сказал брат Гаспар.

— Папа, Папа! — взволновался Косме. — Ни слова больше не хочу слышать об этом олухе! Послушай, Гаспар, неисповедимые дороги мудрости Божией всегда оборачиваются безумием для людей. «Бог умер». Ха! Да это всего лишь одна из миллиона сентенций, а монахи живут непосредственными переживаниями. Как мог ты допустить, чтобы чье-то красное словцо обезоружило тебя? Неужели так слабо было присутствие в тебе Господа? Так плохо распоряжался ты своим духом? Тысячу раз говорил тебе и тысячу раз повторяю, если будет нужно: вся наша слава, брат мой, состоит в том, чтобы делать невидимое видимым, в том, чтобы улавливать исходящее от Него сияние и передавать его таким, каким мы его видим, не позволяя нашим толкованиям и способности к самообману замутнять реальность Его существования, а ты, глубокоуважаемый брат мой, не только истолковываешь, но и сочинительствуешь — вот что ты делаешь... Подумай о том, что святые, — добавил Косме, — это те, которых Господу угодно оставлять на краю бездны. Противься, Гаспар, противься, ибо мы не сомневаемся, что Его милосердие бесконечно.

— Весь этот мистицизм, — непреклонно отвечал ему брат Гаспар, — психопатия, и не более.

Приор возвел очи горе, поднял треножник, который держал в руках, и стукнул им Гаспара

по голове.

— Знаешь что? — сказал он. — Дух твой глубок и подлинен, но умишком Господь тебя точно обделил. Эта твоя гордыня, эта надменность — все это от невежества, а корень твоего невежества в том, что ты считаешь себя светочем, но знаешь, кто ты на самом деле?

— Голубиный помет.

— Именно. Ты — голубиный помет. Скажу больше: ты — неверующий голубиный помет.

— Неверующий? — удивленно спросил брат Гаспар.

— Кто-то оставил на Земле свой след — тебя, не веришь? Или думаешь, что сам собой появился? Бедный Гаспар, нетерпеливый и нетерпимый к чужим ошибкам. Или думаешь, у меня нет своих счетов с иерархами? Но речь о том, чтобы принять ниспосланное нам свыше, как сделал распятый добрый разбойник. Я в монастыре уже больше сорока лет — ты только представь — и до сих пор не знаю, что значит быть монахом. А ты, наоборот, думаешь, что... Гаспар, Гаспар, бедный Гаспар. Ты еще молод, и у тебя впереди долгий путь, но есть урок, который ты должен затвердить побыстрее и вбить в свою безмозглую голову: вера есть воля, вера есть воля, воля и ничего более. Потом, если Господь пожелает ниспослать нам благодать видения или экстаз, примем их с благодарностью, но пока...

— Пока? — спросил Гаспар.

— Пока надо скрепя сердце признать, что правильно — прямо противоположное тому, что делаешь ты, погружаясь в безумие... Потому что ты думаешь, что Бог посылает нам только экстазы, видения, озарения, духовную пищу и духовные радости, в конечном счете тонкие душевные проявления, но, Гаспар, бедный Гаспар, это всего лишь часть Бога, причем наименьшая. Кроме этого Бог хочет, чтобы ты столкнулся с повседневностью, с обыденностью и чтобы научился извлекать удовольствие из каждого прожитого часа. Кругом столько бесов, которых надо изгонять! Столько левитации и столько экстазов! Поосторожнее с этим! Гаспар, бедный Гаспар... Теперь ты с Богом? Ты с Богом сейчас, сию минуту?

Гаспар ответил «да», и приор улыбнулся той улыбкой, которая всегда обезоруживала всех братьев.

— Надеюсь, Гаспар, надеюсь, не то смотри — прикажу тебе продавать рождественские лотерейные билеты, знаю, как тебе это будет неприятно.

На следующее утро, пораньше, Гаспар вытащил пару монастырских чемоданов и спрятал их в кустах на ближайшем пустыре, постаравшись — это уж точно, — чтобы его никто не заметил; днем он тайно проник в контору монастырского пансиона и взял там несколько ассигнаций и кое-какую мелочь, так что вместе с небольшими сбережениями, которыми он располагал, — в основном приношения туристов, которые он втихомолку клал себе в карман, — это составило достаточную сумму, чтобы отправиться в отпуск на пару месяцев; и вот наконец, еще до шести вечера того же дня, Гаспар в цивильном платье уже покупал газету и сел в маршрутный автобус.

Господь Бог, Папа и Ватикан были на устах у всех и каждого. Газету заполняли страницы своих изданий неточными сведениями и разной чушью, профессионалы в области общественного мнения без устали обсуждали случившееся, цитировали к месту и не к месту Ницше — словом, морочили публике голову, как могли. Церковные власти других конфессий, напротив, хранили осторожное молчание, и, хотя чрезвычайные события в граде святого Петра также затронули их, никто не решался высказывать свое мнение или делать далеко идущие выводы. Мировые религии, бывшие на протяжении столетий врагами, теперь заразились ядовитыми бактериями больного противника, с беспокойством следя за ватиканскими потрясениями, отравленные всеобщим недоверием, что лишний раз доказывало, что все верования, какими бы разными они ни были, зависели друг от друга.

Однако в мире, настолько жадном до новостей, ни одна из них не могла удерживать внимание больше, чем на пару месяцев, вследствие чего новость очень скоро отошла на

второй план, затем на третий, а затем и вовсе скрылась из виду. Точно так же богословские дискуссии расплзлись по углам, пока не заглохли вовсе, и, так или иначе, Церковь, настолько прочно укоренившаяся в современной цивилизации, ее институтах и центрах власти, не понесла никакого ущерба от произошедшего скандала. Это был хорошо отлаженный механизм, не нуждавшийся ни в ком и ни в чем, кроме холеных, безупречных бюрократов, вроде Хакера, которые с величайшим самоотвержением — никогда не получавшим соответствующего воздаяния — трудились вдали от людских глаз.

— Здравствуй, мама.

— Здравствуй, Гаспарито.

— Может, обнимешь меня?

— Конечно.

Мать и сын обнялись, и у обоих на глазах выступили слезы.

— Какой ты худенький.

— Не плачь, мама.

— Не могу, Гаспар. Дай мне выплакаться...

Безутешная скорбь заполнила улицы, площади и источники их душ, скорбь, суть которой составляла память: память об отце, которого судьба покарала хронической и неизлечимой болезнью, человеку, который за всю свою жизнь мухи не обидел, но без всякой видимой причины понес кару по кровавой прихоти нелепого, кровожадного и смрадного Бога, а также память о сестре, которой не исполнилось и двадцати лет.

Назавтра, стоя перед помеченными всеми собаками могилами любимых людей, они плакали, поняв, что живут в безнравственном мире. Да и чем был весь этот мир, как не огромным кладбищем, свалкой костей?

Так или иначе, оба с радостью уцепились за соломинку и по обоюдному согласию решили предоставить Рождеству и новогодним праздникам идти своим чередом и дожидаться Дня Младенца Христа, чтобы посмотреть, не улыбнется ли им удача хоть раз в жизни. Билет под номером 207795, серия АН, с неизменной Рафаэлкой Карра на заднем плане, подарок Его Святейшества, предсказание, сделанное *ex cathedra*,²¹ было последним, что оставалось брату Гаспару и его матушке.

Говорят, Бог не играет в кости, но вполне вероятно, что в данном случае Дух Святой решил испытать судьбу в лотерее, а всем по опыту известно, что попасть в яблочко в играх, основанных на слепом случае, не так-то просто, поэтому неудивительно, что выбранный Папой номер не выпал, хотя выигрышный и оканчивался на пятерку.

Разочарованный, брат Гаспар смял билет и швырнул его в пепельницу.

Пришло время ужинать, и мама принесла две большие кружки сваренного позавчера куриного бульона, в который Гаспар щедро выплеснул яд, что дал ему кардинал Эммануэль Малама. Я, Сатана, шепнул ему, чтобы он этого не делал, потому что, говорю вам серьезно, братья мои, положив руку на сердце, он казался мне забавным человечком и святым, каких мало, отчего мне и было больно терять его из виду. На самом деле мне хотелось причинить ему новые страдания, сбить с него спесь, поиграть с его стремлением к божественному чуду. Больше всего меня трогала нищета его духа. Что ты делаешь, брат мой? — спросил я его. Не делай этого. Весь мир — чудовищный фарс, почему же ты не хочешь участвовать в нем? Ты что, считаешь себя лучше других? Эта жажда чистоты — не что иное, как гордыня. Ты обвиняешь ложь, но ложь необходима жизни. В самом деле, кто мог бы жить одной лишь правдой? Даже я не могу. В глубине души ты такой гордый... Ах, бедный Гаспар, не делай этого. Я правлю миром, не противоречь мне.

Но темнота, даже при ярком солнце, была единственным, что видел брат Гаспар, и в этой темноте мало что удавалось ему различить, ибо темнота была сутью Вселенной, а реальность оборачивалась отлаженным механизмом, холодным, загадочным, безжалостным,

²¹ С кафедры, публично (*лат.*).

безумным и чуждым всему человеческому. Ему удалось различить, что все монахи, все святые и все Папы молились, царствовали и жили, как он теперь — без смысла, без надежды, без веры. Они замалчивали то, о чем вопияло к ним его сердце, что там ничего нет, что есть только здесь: все мы — голубиный помет, да и это мягко сказано; никому не было никакого дела до преступлений и добродетелей человеческих, и мертвое смрадное тело Бога заражало своим зловонием всю планету. Во Вселенной не было ни крупицы нравственности. Никого не ожидали ни воздаяние, ни кара. В прах обратятся униженные и оскорбленные, и злодеи и угнетатели тоже станут прахом. Отсутствие стержня — вот отличительный признак всякой твари.

Глубоко тронутый его твердостью и уже зная, что он — мой, я преклонил перед ним колена и снова обратился к нему, используя всю силу своего убеждения, все свое искусство, но тщетно. Он больше не желал слушать меня. Он даже меня не видел.

Никакой Сатана, бедный Гаспар, вновь униженно сказал я ему, заведомо зная, что все бесполезно, никакой Сатана не поможет тебе овладеть абсолютным знанием, не имеющим формы и границ, в то время как само Бытие каждой своей частицей призывает тебя жить насыщенно, всем твоим разумом, душою и телом, всеми твоими способностями, чувствами и энергией. Но он не поддался соблазну жизни, не захотел меня слушать. Бедный Гаспар.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Перед вами — книга, основанная на вымышленных событиях. Но фон, на котором происходит ее действие, в своей каменной оцепенелости, списан с натуры, начиная с ресторана «L'Eau Vive», описанного в XII главе. Что касается персонажей и их поступков (если только последние несколько не отличаются от их действий), достаточно вспомнить строки из Ларры: «...вместо того чтобы подправить портрет, мы советуем исправиться оригиналу». В остальном мы, несомненно, пребываем в туманных и двусмысленных пределах художественного вымысла, что особенно касается Папы, который не имеет никакого отношения к ныне властвующему.

Мне остается только выразить благодарность за прекрасный прием, оказанный мне в Риме, прежде всего Испанской академии, где я, будучи стипендиатом Министерства иностранных дел, находился с октября 1998 года по февраль 1999-го, а также обитателям Ватикана, которые, к моему удивлению, не церемонясь выставляли передо мной напоказ свои сокровенные тревоги и без обиняков делились своими мыслями и переживаниями, вынесенными из лона Церкви. Кусочки действительности, без которых никакой художественный вымысел не будет полным. Заявить о своей признательности этим людям было долгом элементарной вежливости. Однако, посоветовавшись, они предпочли, чтобы их имена нигде не фигурировали.

А. А.